

МЕЩЁРА край

2014

АЛЬМАНАХ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
МЕЩЁРСКОГО КРАЯ

Москва
2014

ББК 84Р6
М 56

ИЗДАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЗАПАДНОЙ МЕЩЁРЫ
«ГУСЛИЦКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК»

Главный редактор С.С. Михайлов.

Мещёра-край 2014: Альманах по истории и культуре Мещёрского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». М, 2014. 296 с.: ил. ISBN 978-5-9904801-3-1.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISBN 978-5-9904801-3-1

© С.С. Михайлов, составление и
редактирование, 2014
© Авторы статей

На обложке – старая сушилка для хмеля в д. Мисцево Орехово-Зуевского района (не сохранилась). Фото 2010 г., А. Белковский.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МЕЩЁРЫ

В.И. Первушкин. Этнографическое обследование села Большая Ижмора Земетчинского района Пензенской области	5
А.Н. Фролов. Разбойник из Мещёры. Русские писатели XIX века о похождениях Василия Верёвкина.	8
В.Ю. Цыганкова. Из истории села Дегтяное	22
Д.Д. Финкельберг. Курносовы из Шувое	26
С.С. Михайлов. Меря в Мещёрском крае	38
С.С. Михайлов. Как деревня Меря стала селом Казанское. Из топономической мерянской истории на западе Мещёры	54
С.С. Михайлов. «Гуслицы» и «Туглицы». Имена двух исторических микрорегионов Западной Мещёры.....	65
Д.П. Барсков. Почитаемые камни Мещёры	72
А.В. Ильичева. Лексический портрет моей семьи из села Конобеево Московской области.	106

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА

Священник-революционер.....	143
-----------------------------	-----

МЕЩЁРСКИЙ ЮРТ

Г. Баутдинов Старейшее мишарское село Нижегородчины.....	149
--	-----

СТАРОВОЕРИЕ МЕЩЁРЫ

В.А. Трусков. Из жизни иконописцев Петра и Артемия Курковых в Екатеринбурге	169
С.С. Михайлов. Центры гуслицкой росписи: возможная роль старообрядческих монастырей	178
В.А. Соколов. Старообрядческие места: от деревни Барская до платформы «Подосинки».....	187
В.А. Соколов. Старообрядческое Лопаково	240
А.Л. Ершов. О судьбе старообрядческого храма из д. Рогово Судогодского района Владимирской области.....	268

А.Л. Ершов. О закрытии старообрядческого молитвенного дома в д. Соколово Судогодского района Владимирской области в 1938 г.	273
А.Л. Ершов. О закрытии старообрядческого храма в д. Тереховицы Муромского района	276
А.Л. Ершов. О закрытии старообрядческого храма в д. Коняево	289
А.Л. Ершов. О закрытии старообрядческого молитвенного дома в д. Тимошино Меленковского района Владимирской области в 1935–1937 гг.	279

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МЕЩЁРЫ

Владимир Иванович Первушкин

*доктор исторических наук, профессор,
член Всероссийского совета Союза краеведов России,
г. Пенза*

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ СЕЛА БОЛЬШАЯ ИЖМОРА ЗЕМЕТЧИНСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В «Кратком этнографо-статистическом очерке Пензенской губернии», помещенном в «Справочной книге Пензенской губернии на 1901 год» село Большая Ижмора отнесено, наряду с Вяземкой, Вязовкой и Ушинкой к мещерскому селению (без примеси русского населения)¹, причем оно определялось как «...главный центр обитающих в Пензенской губернии инородцев – мещеры»². Через 25 лет (по Переписи 1926 г.) это село значится как русское, а мещера упоминается в Переписи лишь в «Словаре народностей». В силу этих причин, у историков, этнографов и краеведов эти населенные пункты всегда вызывали и вызывают неподдельный научный интерес.

В начале 2000-х годов, совместно со студентами исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, нами было проведено этнографическое обследование с. Большая Ижмора. В ходе опроса А.С. Исайкиной 1922 г.р., М.А. Зубаревой 1926 г.р. и материалов краеведческого музея с. Большая Ижмора удалось записать предание об основании села: «Во времена Ивана Грозного сюда стали ссылать преступников на «измор». Они же здесь выжили и завели семьи, а от слова «измор» произошло название «Ижмора». Однако документальных подтверждений этому преданию мы так и не обнаружили. Не удалось установить и точной даты возникновения села. Известно, в 1670–1680-е годы эти земли пытались прибрать к своим рукам крупные монастыри: Ново-Кирилловский, Вышинский, Черниев, Благовещенский.

¹ Краткий этнографо-статистический очерк Пензенской губернии // Справочной книге Пензенской губернии на 1901 год. Пенза, 1901. Т. 2. С. 57.

² Там же. С. 56.

Сохранились челобитные монастырских властей к царям Ивану и Петру с просьбой передать в их собственность эти земли. Спор длился несколько десятилетий и в 1692 г. эти земли были отданы Ново-Кирилловскому монастырю. Однако по другим документам они могли принадлежать и Благовещенскому собору.

В 1680-х годах часть этих земель просили и служилые люди: «...в прошлом 1684 г. били челом нам Великим Государям Верхнего города Ломова деревни Новоселок служилые татары рейтарского строю Бекбулатко Оксёнов со товарищи 60 человек: поместья де за ними нет нигде, а есть де в Керенском уезде за Керенской чертой Дикая земля, что осталась за дворянским и за казачьими и за подъяческими выборного полку и за солдаты за дачами их, а в урочищах да тех земля через Ижемрою по верхнему концу и по коровьи дороги до Большого Ценского леса до Ушинских высот и на низ по Ушины реки на правую сторону до устья Ижморя...»³.

Известный пензенский краевед М.С. Полубояров такое положение объясняет следующим образом. Село Большая Ижмора основано в середине XVII в. крестьянами Московского Благовещенского собора. Около 1673 г., разоренные крымскими татарами, они оставили свои дворы, которых было в двух деревнях (ныне Большая и Малая Ижмора) около 100, и вернулись к старым своим жилищам в селе Нармушадь в Рязанской области. В 1690 г. мещерские крестьяне опять пришли на Вышу. В 1692 г. земля была закреплена за Благовещенским собором именным указом Петра I по челобитью духовника царя протопопа Меркулия Гавриловича. Но с середины XVIII в. после секуляризации церковных земель крестьяне этого села перешли в категорию государственных крестьян. По данным на 1782 г. 990 дворов, 27 643 десятины, в том числе усадебной земли – 671, пашни – 15 586, сенных покосов – 1754, леса – 9095. В Большой Ижморе церковь Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца, деревянная. «Еже-недельно в среду большой торг, на который приезжают из ближних городов купцы с шелковыми, шерстяными и прочими мелочными товарами, из уезда жители – с хлебом и деревенскими продуктами». «Земля – чернозем, урожай хлеба и травы средствен». Лес строевой, дубовый, березовый и осиновый, между которым и дровяной. Крес-

³ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XIV. С. 38.

тяне на положенном казенном окладе. На р. Выше две казенные мучные мельницы: первая – о четырех, вторая – о трех поставках, с толчеями⁴. Как мы видим, это село было довольно-таки крупным и носителей мещерского языка было значительное количество, но почему так быстро была ими утрачена этническая принадлежность? Или это подтасовка переписи 1926 г.? Нам думается вряд ли.

В нашей анкете был и вопрос, как жители села определяют свою этническую принадлежность? Все без исключения ответили, что считают себя русскими, но с оговоркой, что имеют местное прозвище – «цураны». Причем его они объясняют разновидностью и особенностью местного разговорного русского диалекта. Пожилые люди села до сих пор в разговоре употребляют вместо буквы «ч» – «ц», как-бы «цокают» (вместо «чего» произносят – «цаво», вместо «чугун» – «цугун», вместо «печь» – «пец» и т.д.). Предлог «в» заменяется предлогом «у». Например, пошел у лес.

Не прояснила быстрой ассимиляции этого народа и попытка объяснить гидроним «Ижмора». По мнению, уже упоминавшегося нами М.С. Полубоярова, аналогичные названия на территории, ограниченной Вяткой, Уральскими горами, до Баренцева моря: Ижма есть в бассейне Печоры, Ветлуги, Камы; Иж в бассейне Камы и другие. Там этот термин означает просто «река» или «приток». В Пензенском крае гидроним мог появиться в результате переноса названия из Прикамья. Река могла быть названа по имени владельца угодий в период существования Волжской Булгарии (у чувашей было мужское имя Ишмар). Возможны также конструкции *Ижма эрьке (мордовское), отсюда Ижморка – «ижемское озеро», или *Ишмар эрьке – «озеро Ишмара»⁵.

Исходя из проведенного нами исследования сегодня Большую Ижмору однозначно можно называть только как русское поселение. Русский язык здесь имеет некоторые диалектологические особенности. Материальная и духовная культура этого села, которая также нами обследовалась, является русской, даже традиционный женский костюм, имеющий также некоторые отличия в отделке и покрое в целом является русским.

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1040. Л. 14 об. – 16.

⁵ Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М., 2010. С. 84.

Андрей Николаевич Фролов
г. Воскресенск Московской области

**РАЗБОЙНИК ИЗ МЕЩЁРЫ.
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX ВЕКА О ПОХОЖДЕНИЯХ ВАСИЛИЯ
ВЕРЁВКИНА**

Моя мать Фролова Александра Павловна (девичья фамилия Таликина) появилась на свет в коренной Мещёре – в деревне Алфёрово Егорьевского района. Случилось это 28 октября 1941 года, в ту пору, когда немец стоял под Москвой. Её отец, а мой дед был тогда на фронте, саперный батальон, где он служил рядовым, держал позиции где-то под Нахабино. Маленькую девочку вскоре окрестили и нарекли Александрой. Крестил ее отец Василий Парнасов, 73-летний священник уже закрытой к тому времени церкви Рождества Богородицы в селе Радовицы, крестил на дому, а крестной была его матушка – попадья Елена, дружившая с моей бабкой. В декабре месяце деда тяжело ранило – выпущенная из миномёта немецкая мина разорвалась в нескольких метрах перед ним, и он, лёжа инстинктивно выставил навстречу взрыву раскрытую ладонь, прикрываясь, таким образом, от осколков. Большинство осколков действительно угодило в руку, причем кисть пострадала сильнее всего. Но деду повезло – руку ему не отняли. Провалившись с полгода по госпиталям, он уже летом 1942 года был комиссован и направлен в Егорьевск работать «на оборону». Именно это обстоятельство сохранило деду жизнь. С передовой, по его рассказам, рядовому красноармейцу было только два пути – или на тот свет, или с ранением в госпиталь. Всю оставшуюся войну он работал в Егорьевске на заводе «Комсомолец», работал молотобойцем (как со своей изуродованной рукой управлялся – непонятно), на побывку приходил пешком за 50 км на выходной, а вечером в воскресенье с мешком харчей маршировал по проселочной дороге обратно на завод. Потом в 1946 году умер его отец, мой прадед, и дед занял его место – стал лесником. На этом поприще он и проработал до самой пенсии. Много лет спустя деда нашла фронтовая награда – солдатский орден Славы 3-й степени.

Как я сейчас понимаю, дед Павел был человек «исторический», долгими зимними вечерами читал своим малым детям книги о дореволюционной жизни (мать говорила – запомнилось чтение повести «Зимовье на Студёной»), мне, единственному своему внуку (остальные внуки) он любил рассказывать о старых временах, о том, как строился Радовицкий монастырь, как его закрывали и о том, как на Радовицкой дороге нападали на купцов разбойники. Надо было, наверное, записывать эти рассказы, а то сейчас дед Павел уже умер, и рассказать поподробнее о мещёрских разбойниках стало некому. Фамилии Верёвкин, насколько я помню, дед не упоминал, но как мне теперь понятно, речь в его рассказах шла именно о нем.

Чтобы читатель имел хоть какое-то представление о рассматриваемом персонаже, приведем опубликованную в 1970-е годы запись предания о разбойнике Верёвкине. Упоминаемые в записи рязанские села Федякино, Кузьминское и Сельцы расположены примерно в 20-25 км к югу от Радовицкого монастыря на берегах Оки.

«Тут вот такая история. В этом месте села Федякино, Кузьминское и Сельцы близко друг от друга лежат. Рассказывают, что некогда водились в этих местах разбойники. На Оке села все стоят, купцов много здесь раньше было, по Оке свои товары спускали. Вот и раздолье тут этому брату, разбойникам, было. Всех грабили. Особенно много говорили о разбойничьем атамане Веревкине. Смелый был, увертливый, хитрый. Поймать его никто не мог: слово такое знал, что от любого уйдет. Товаров разных, денег много набирал. А тут, где Кузьминское, леса были большие, здесь он жил со своими молодцами. Говорят, здесь и до сих пор клады есть. А еще такие истории с этим Веревкиным бывали. Места красивые, помещичьи имения здесь были, монастыри, река. Помещик проезжал со своей свитой, домой возвращался. Здесь недалеко имение помещиков Волынских было. Так это он был. Дорога через сельцовские леса шла. Напал со своей шайкой на него Веревкин, обчистил всего и оставил только, чтобы богу помолиться, от грехов избавил. А помещик жестокий был, самодур. А в селе Федякино купцов много было, лавки были их тут. Однажды, рассказывали, к вечеру после продажи товаров загуляли самые богатые купцы, он напал на них и ограбил, а тех, которые ему не все отдали, прямо с горы в Оку спускал. Его пытались поймать, вызывали

даже полицию, потому, что не давал он купцам и помещикам покою. Бедных он никогда не трогал, помогал им. Однажды его все же поймали, он попросил стакан вина в последний раз выпить. Ему принесли, он только взялся за стакан, да в стакане и исчез. А в Сельцах его снова схватили, цепи на руки надели, но цепи свалились, а все село покрылось вдруг дымом и огнем. Когда все прошло, стали Веревкина искать, а его и след простыл. Говорят, он все же отравился. А дело так было: влюбился в одну женщину и рассказал ей о слове чародейском, что оберегает его, а она-то его и выдала. Не захотел Веревкин от рук палачей умирать и тут же отравился».¹

Как видим, в представленном рассказе много чудесных подробностей. В действительности, видимо, всё было гораздо прозаичней, но громкая слава удалого разбойника Верёвкина во второй половине XVIII века действительно гремела от Москвы до самого Нижнего Новгорода, а уж в Рязани о нём только и говорили. Верёвкин упомянут несколько раз в мемуарах современников и в произведениях русских писателей XIX века (см. ниже). Биографических сведений имеется совсем немного. Василий Верёвкин родился в селе Ловцы на Оке примерно в 1740-е годы в крестьянской семье. Село Ловцы, довольно многолюдное село царских рыбаков, более 150 лет числилось дворцовым, но в 1762 году вступившая на трон императрица Екатерина II раздала Ловцы гвардейским офицерам – участникам переворота, который и привел ее к власти. Одна часть Ловцев досталась Александру Рославлеву, а другая – Михаилу Ласунскому. Произошедшие изменения, несомненно, ухудшили положение ловецких крестьян. В это время Верёвкин уходит в бега и становится разбойником, а впоследствии и знаменитым разбойничьим атаманом. Прославился своей отчаянной храбростью и тем, что нередко ходил на дело в одиночку. «Главный притон Верёвкина был в глубине Рязанского уезда, в крае, называемом Мещерою». Восемь лет «гулял» по Оке и её берегам между Коломной и Рязанью, держал под контролем Комарёвскую или Комарину дорогу (дорогу из Рязани в Радовицкий монастырь, по этой дороге к чудотворному образу устремлялись многочисленные паломники, в том числе и злополучный помещик

¹ Соколова В.К. Исторические предания Рязанской области // Литературоведческий сборник. Рязань, 1972. С. 55–56

Волынский, своё имя дорога получила по старому названию северной части села Белоомут – Комарёво, через которое она проходила). Перед началом своей восьмилетней эпопеи беглый ловецкий крестьянин Василий Верёвкин, вероятно, несколько лет провел на нижнем Дону, который был традиционным центром притяжения всех беглых и гулящих людей. Рязанский писатель М.Н. Макаров (см. ниже) определял его статус выражением «забеглый донец». В качестве мест, связанных с деятельностью Верёвкина чаще всего упоминаются сёла Белоомут и Сельцы (последнее ныне в Рыбновском районе Рязанской области). В 1780-е годы был схвачен (в селе Михали Спасского уезда Рязанской губернии²) и отправлен. Обезглавленную шайку Верёвкина переловил рязский помещик Ляпунов. На месте одного из становищ Верёвкина помещик его родного села Ловцы А.И. Рославлев основал новое поселение – Ловецкие Выселки (ныне Ловецкие Борки) с барским домом и выстроил там церковь³. (Дата постройки церкви – 1786 год, по нашему мнению, указывает время смерти Верёвкина – не позднее 1785 года.) К северу от Ловцев современная карта показывает урочище Верёвкин Бугор, надо думать, еще одно становище знаменитого мещёрского разбойника⁴. Вот собственно и всё, что нам известно.

В настоящей публикации хотелось бы представить читателям сборника «Мещёра-край» несколько отрывков из произведений русских писателей, где речь идет о Верёвкине. Возможно, эти сведения заинтересуют кого-либо из рязанских краеведов и сподвигнут их на дальнейшее изучение обстоятельств жизни этого, несомненно, незаурядного человека.

² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния / Сост. М. Баранович. СПб., 1860. С. 543. Баранович пишет, что разбойничья деятельность Верёвкина пришлась на 1760-е и 1770-е годы: «Народная молва приписывает белоомутские клады известному рязанскому удалцу Веревкину, который разбойничал здесь в шестидесятых и семидесятых годах прошедшего столетия». Мещёрское село Михали, сыгравшее такую роковую роль в судьбе Верёвкина, существует и по сей день, оно находится в 10 км к северу от Спасска, на речке Кишня.

³ Историко-статистическое описание церквей Рязанской епархии (по данным «Рязанских епархиальных ведомостей» 1889–1892 годов). Собраны М.Б. Оленевым. <http://www.history-ryazan.ru/node/2548?page=0%2C1> Дата обращения 08.11.13.

⁴ Атлас Московской области: Масштаб 1:100 000. 2-е издание, обновл. и доп. М.: Арбалет; АСТ-Пресс картография, 2003. С. 122.

Первый из отрывков, самый большой по объёму, взят из повести Степана Тимофеевича Славутинского (1821–1884) «История моего деда». Её подзаголовок – «Отрывок из записок» позволяет полагать, что повесть основана на реальных событиях. В ней подробно рассказывается об обстоятельствах жизни родного деда писателя по матери – небогатого помещика Николая Петровича Прямогладова (выведен под именем Николая Михайловича Туренина), владельца небольшого имения в сельце Михеево (ныне деревня Михеево на востоке Коломенского района, у Славутинского именуется Малеево). По семейным преданиям дворяне Прямогладовы происходили от ссыльных новгородцев, которых великий князь Иван III после покорения Новгорода ссылал в старые коренные уезды Московского княжества. Рассказ Славутинского о жизни деда и о его взаимоотношениях с разбойником Верёвкиным правдоподобен, по крайней мере, мне не удалось увидеть в нем каких-либо несообразностей. Имена помещиков и названия принадлежавших им селений писатель изменяет, но, зная об этом, мы в квадратных скобках вставляем настоящие имена, фамилии и топонимы. Упомянутый в отрывке князь Любецкий – это ближний сосед Прямогладова, очень богатый помещик, владелец нескольких тысяч душ, князь Александр Александрович Черкасский, его усадьба стояла в деревне Малива (ныне село Маливо, Коломенский район, в повести Малива именуется Лимава). Два следующих отрывка, гораздо меньших по размеру, принадлежат писателю Михаилу Николаевичу Макарову (1785–1847). Репутация этого литератора по части исторических исследований не очень высокая, считается, что он кое-что придумывал. Но в данном конкретном случае, будучи рязанским дворянином по рождению и помещиком Рязанской губернии в свои взрослые годы (ему принадлежала деревня Перекаль Рязанского уезда), М.Н. Макаров мог знать о Верёвкине, как говорится из первых рук – его информаторами наверняка были пожилые люди, бывшие современниками знаменитого разбойника. Поэтому, к его сведениям мы должны отнестись с некоторой долей доверия. В другой своей публикации Макаров приводит пару строчек из песни Верёвкина: «Не везде-то нужно дружно; Горсточкой пойдем, а свое возьмем!»⁵.

⁵ Макаров М.Н. Опыт русского простонародного словотолковника. М., 1846. С. 61.

Славутинский С.Т.

«То было время замечательное. Только что уняли тогда яростные волны страшного пугачевского мятежа, но под улегшеюся поверхностью еще тлел огонь и кое-где прорывался порою. Во время весенних разливов рек на прибрежные селения нападали разбойничьи шайки, состоявшие нередко из пятидесяти и даже из ста человек. Часто шайки эти, которые свободно разъезжали по большим рекам, как во времена Стеньки Разина, в косных лодках, осмеливались пробираться в глубь страны, верст на десять и на пятнадцать от берега. Тогда в злополучных селениях, подвергавшихся разбойничьему посещению, повторялись все страшные сцены пугачевщины: редко избы крестьянские оставались целы; разграбив село, напившись допьяна и уходя к своим лодкам, разбойники обыкновенно зажигали деревни с обоих концов. Помещикам и управляющим при наездах разбойничьих приходилось очень плохо: удалая шайка, нисколько их не жалеючи, мучила, пытала, терзала несчастных, вынуждая признания о скрытом имуществе, а иногда из единой только потехи. Случалось нередко, что злодеи-гости насмерть сжигали своих хозяев на малом огне. Конечно, такие проделки не проходили даром, начальство принимало строгие, по большей части действительные меры; но спокойствие и безопасность не скоро восстановились в нашем крае.

В то время, которое я описываю, по нескольким уездам губерний Московской и Рязанской знаменит был своими отважными, дерзкими до безумия разбойническими подвигами беглый крестьянин села Ловцова (село Ловцы, ныне в Луховицком районе. – А.Ф.) по прозванию Веревкин. Шайка его была не очень велика, всего человек пятнадцать; зато эта немногочисленность вознаграждалась дикою, стремительною отвагою тех, которые принадлежали к отчаянной шайке, в особенности самого Веревкина; случалось, что он один выходил на разбой. В тех краях, где он разбойничал, и теперь еще живут в памяти народной рассказы о его проделках. Говорят, что ему не раз приводилось быть окружену со всех сторон солдатами и понятыми, что однажды даже и совсем попался он в руки поимщиков, – только всегда, бывало, ловко вывертывался из беды, «глаза отводил» и пропадал на месте, словно сквозь землю проваливался.

Про эти поимки вот еще что рассказывают: на Веревкина часто выходили облавой; для этого обыкновенно собирали из всех сел по Оке очень много народу, иногда человек тысячи по две. Вот и окружают, бывало, понятые лес или часть леса, в которой предполагалось на ту пору местопребывание разбойника – но никто из чиновных людей никогда не сопровождал понятых; обыкновенно бедняки эти пускались в лес на поимку, а чиновный люд оставался в каком-нибудь ближнем селении; впрочем, для содействия поимщикам и для направления их поисков командировались сотские, десятские и даже человека два-три инвалидных солдат. Разбредутся поимщики кучками по всему лесу, прошатаются в нем с раннего утра до глубокой ночи (и такие прогулки продолжались иногда по несколько дней сряду) и воротятся голодные, усталые, измученные. Узнав о безуспешности поисков, чиновники страшно разгневаются на сотских и десятских, угостят их вдоволь добрыми тумаками, а подчас и горячими розгами, да и разъедутся по домам; в свое время разразятся над ними самими за ту же безуспешность строжайшие выговоры высших начальников, а разбойник все погуливает на свободе... На одной из таких облав был странный случай, объяснимый только паническим страхом безоружных понятых, пущенных с одними кулаками на поимку отчаянного разбойника в те самые места, которые были преисполнены славою его молодецких подвигов. Побродив довольно по лесу, этак уже к вечеру, понятые собрались все в большую кучу и расположились на полянке потолковать о том о сем; вдруг из чащи леса выходит Веревкин, вооруженный кистенем и с парой пистолетов за поясом, но один-одинехонек, да как гаркнет зычным голосом: "Шапки долой, ребята!" – одним махом шапки слетели с голов. Тогда Веревкин вошел в самый круг понятых и, заметив между ними новые лица молодых парней, высланных в облаву заместо отцов, начал их расспрашивать, что, дескать, отцы-то ваши делают. Наговорившись с ними вдоволь, вздумал он спросить понятых: "А что, ребята, чай, помучились порядком, исказив меня?" – "Как же, батюшка, – отвечали они, – и то помучились. Вот вчера и нонече бродили-бродили по лесу! А вышли-то ни свет ни заря, да и не евши весь день пробыли". – "А почто так?" – спросил опять разбойник. "Да не посмели без приказа сотского хлебушка с собой взять". – "Ах он, мироед этакой! – ска-

зал Веревкин. – Да вот я разочтуса с ним... Розог ребята... давай-ка сюда сотского!.." И высек Веревкин бедного сотского не на живот, а на смерть.

Кто знает, по какой именно причине не отправлялись чиновники лично для поимок Веревкина? Задабривал ли он их наперед деньгами, или, что вернее мне кажется, боялись они его пуще огня, хорошо зная безумную отвагу всей его шайки. Главный притон Веревкина был в глубине Рязанского уезда, в крае, называемом Мещерою, среди густых лесов, разросшихся на низменной, болотистой местности. Со вскрытием рек и до конца мая он разгуливал большею частью по Оке, около Коломны и богатых сел, расположенных по берегу. В это время ему случалось соединяться с другими шайками и предводительствовать над ними; тогда он становился дерзок и опасен до крайности. Против него высылались даже небольшие отряды солдат, но как-то всегда вовремя успевал он избежать погони и расставленных ему сетей. Восемь лет гулял он таким образом по белу свету, но наконец романтическая прихоть погубила его: он влюбился в жену к[асимовского]го помещика Беркутова [настоящая фамилия не установлена], увез ее и был пойман оскорбленным мужем.

С этим-то разбойником столкнула судьба и моего деда. Ему вздумалось во что бы то ни стало поймать удальца. Вот случай, подавший повод деду моему принять на себя трудное дело изловления Веревкина.

Верстах в двенадцати от сельца Малеева [Михеева], на самом берегу Оки, жил помещик Омшаров [настоящая фамилия не установлена], считавшийся с дедом моим в каком-то родстве. Это был человек довольно богатый, разжившийся, как ходили толки в народе, по особенному случаю. В молодости своей, когда он служил еще в драгунах, довелось ему сопровождать в Сибирь партию разбойников, пойманных на Волге. Во время пути вздумал он покровительствовать одному из колодников, а тот, под пьяную руку, разболтал ему, где находится часть награбленных сокровищ. Само собою разумеется, что Омшаров воспользовался ими. Вероятно, вследствие этой причины (другой же нельзя предполагать) он несколько раз подвергался пожарам: гумно, деревня, леса его частенько поджигались. Но раз, во время половодья, сделано было

более серьезное покушение на собственность и даже на жизнь Омшарова. В самое Фомино воскресенье, вечером, когда дворовые люди пошли в застольную ужинать, а в господском доме осталось только при семействе Омшарова несколько старух да подрядчик-плотник, драчевский [дединовский] крестьянин Федор Иванов, – целая шайка разбойников нагрянула в гости к Омшарову. К счастью, все окна в нижнем этаже каменного дома были заперты изнутри железными ставнями, заведенными помещиком издавна и, как видно, недаром. Да к счастью тоже, перед самым этим нашествием напала на подрядчика Федора сильная оторопь: он и пошел запереть дубовые, обитые железными полосами двери в сенях. Только что вложил он вторую запорку, как вдруг услышал стук в двери.

– Кто там? – спросил Федор.

– Отпирай! – раздался чей-то повелительный, громовой голос. – Отпирай!.. с указом от государыни!..

И вслед за этим Федор Иванов услышал на дворе движение большой толпы.

– Ступай в кухню, – отвечал он, – там люди ужинают. Пришли кого-нибудь оттуда доложить барину... А так не пущу... кто вас знает...

Раздались страшные ругательства и крики. Федор Иванов опрометью побежал к Омшарову.

– Арсений Иванович! – закричал он. – Разбойники пожаловали! Что делать!.. Пропали мы!..

Но Омшаров был человек с твердым характером; он нисколько не потерял головы. Схватив саблю и два пистолета, вооружив тоже Федора каким-то старым бердышом и ружьем, он кинулся в верхний этаж и вовремя попал туда. В двух местах были приставлены лестницы к окнам. Скоро в окне, около которого расположился Омшаров, показался человек в треугольной офицерской шляпе с перевязью через плечо. Одним ударом огромной руки, на которой надета была перчатка с раструбами, он вышиб одиночную раму и хотел было прыгнуть в комнату, но Омшаров так сильно хватил саблею по этой руке, что она отделилась в комнату, а человек полетел наземь. Вслед за этим Федор Иванов выстрелил в толпу разбойников, и выстрел его был удачен: один из толпы повалился

мертв на траву. На селе ударили в набат. Тогда раздался общий крик разбойников: "Вода! вода!"⁶ – и все они стремительно бросились назад. На другой день на берегу Оки нашли след большой косной лодки и офицерскую треугольную шляпу.

Вот за это-то покушение на родных своих дед мой и вздумал изловить Веревкина, которому приписывались тогда все разбойничьи подвиги. Николай Михайлович объявил о своем намерении князю Любецкому [Черкасскому], как предводителю дворянства (Черкасский занимал указанную должность с 1782 по 1787 годы – А.Ф.); а ему поручено было тогда от генерал-губернатора предложить дворянам принять особенные меры к ограждению поместий своих от нашествий разбойнических, держать дневные и ночные караулы по селениям, располагать на известных расстояниях пикеты. Услышав о намерении своего соседа, князь пришел в восторг. Зная его предприимчивость и решимость, князь наперед был уверен в успехе.

Не имею сведений, как именно принялся дед мой за свое предприятие, но знаю только, что оно не удалось ему. Разбойник решительно ускользнул от всех его поисков и, мало того, к крайней досаде деда, прислал ему записку, в которой объявлял насмешливо, что напрасно хлопочет Николай Михайлович, барин добрый и хороший, изловить его, Ваську Веревкина, который ему никакого вреда не сделал, что Николай Михайлович век будет искать его, да не найдет, а он, Веревкин, если б захотел только, так не однажды мог бы убить его во время поисков и что, впрочем, он пощадил Николая Михайловича, жалеючи больше его барыню Надежду Ивановну, прекрасную собою и добрую к своим людям. Записку эту доставил деду старик Мокеич, сидевший в Драчевском [Дединовском] бору на его пчельнике, к Мокеичу же принес ее сам Веревкин. Дед, прочтя оригинальное послание, страшно разгневался, еще раз пустился искать Веревкина, но Веревкина и след простыл. Он перебрался в свой главный притон, в Рязанский уезд, и только через несколько месяцев был пойман помещиком Беркутовым [настоящая фамилия не установлена].

⁶ Крик, означавший у разбойников, что предприятие не удалось и надо бежать. Примеч. С.Т. Славутинского.

Эта неудача в предприятии, сделавшаяся весьма гласною, много бесила деда, тем более что князь Любецкий [Черкасский] вскоре после того в присутствии дворян, собравшихся в его доме, стал упрекать деда моего, говоря, что, рассчитывая на полный успех мер, принятых Николаем Михайловичем Турениным [Прямоглазовым], он писал об этом к генерал-губернатору, но теперь, к крайнему прискорбию своему, видит надежды свои несбывшимися. Дед вспыхнул и довольно запальчиво отвечал, что он ловил разбойника по собственной воле, а не по препоручению начальства и по делу этому ни перед кем не считает себя в ответе.

Князь тотчас постарался замять разговор и успокоить деда. Но с этих пор некоторая холодность вкралась в их отношения: князю неприятно было выслушать дерзкий ответ своего соседа при многих свидетелях. Но года с полтора после этого происшествия все еще обстояло благополучно»⁷.

Макаров М.Н.

«Дорога из Рязани в Радовицкий монастырь еще и теперь полна рассказами о Веревкине. Вам укажут место, где он один остановил свиту именитого рязанского помещика Волынского; вам расскажут подробно, как он взял у него все, оставив только по расчету, сколько было нужно на проезд, на молебен и на свечу к чудотворной иконе. Вот здесь тот же Веревкин с крутой горы Федякинской спускал богатых купцов кубарями для примера двоих лихоимцев отправил за рыбными процентами на дно Оки. В селе Сельцах его неоднократно окружала городская команда, но Веревкин выпивал заветный стакан вина и исчезал в том стакане. В другой раз его было захватили, связали; но вдруг Сельцы объяты были каким-то чародейским огнем – Веревкин опять пропал.

Долго может быть, он не попался бы, если б не изменила ему любовь: одна рязанка, имела случай узнать тайные чары Веревкина, выдала его с головою. Удалец не стал однако ж, ждать конца своей судьбины: он отравился. После него шайка его была пере-

⁷ Славутинский С.Т. История моего деда (Отрывок из записок) // Повести и рассказы. М., 1860. С. 139–148.

ловлена ряжским помещиком Ляпуновым. Похождения Веревкина столь же любопытны как и Картушевы, как и Ваньки Каина. Дела о нем еще недавно были целы в рязанских архивах»⁸.

В ещё более ранней своей заметке – «Путешествие из Рязани в Радонежский (правильно Радовицкий. – А.Ф) монастырь», М.Н. Макаров рассказывает нам о Верёвкине несколькими иными словами: «Через Оку за несколько копеек я переехал на пороме и очутился в Сельцах, селении уже отличном от коренных Рязанских; оно, кажется, принадлежит древней нашей Мещоре: пестрых и рогатых Мордовских уборов здесь уже нет⁹. <...> От Селиц мы вступили в бор, прежде непроходимый – жилище старинных воров и разбойников. Здесь-то Мордва и Мещора и разные еще неоседлые люди, а больше бродяги, не давали пути ни конному, ни пешему. Здесь при Годунове, Отрепьеве, Шуйском сбывались чудеса для ума непостижные: разбойники, колдуны в виде волков, сорок, ведьм и леших умерщвляли поклонников Св. Николаю (то есть паломников в Радовицкий монастырь, идущих поклониться чудотворному образу Николы Чудотворца. – А.Ф.). Здесь при Романове грабили еще немилосердно и даже при Екатерине II-й некто Веревкин (забеглый Донец) разбивал один целые селения! Он был волхв необыкновенный: умел превращаться даже в каплю дождевую. Теперь все тихо: правительство давно приняло свои меры против оборотней, да и

⁸ Макаров М.Н. Народные сказания Рязанщины и Владимирщины // Московский журнал, 2007. № 7. С. 36.

⁹ По мнению Макарова женский костюм степной и мещёрской частей Рязанской губернии заметно отличался. В другой своей публикации Макаров приводит краткую, но на наш взгляд верную характеристику обитателей мещёрской стороны на примере Егорьевского уезда. Он пишет: «Жители этих лесов вообще называются Мещеряками, а сторона их Мещерою; хлебопашество ее весьма бедно; главное хозяйство в хмелеводстве. Мещеряки хорошие плотники, и поэтому редко домовничают, зато в их отсутствии Мещерячки и пашут, и косят, и скачут верхом, правят подводы, как хороший ямщик; даже маленькая девочка, едва только приходит в силу, не страшась ни волка, ни медведя, которых здесь очень довольно, смело садится на лошадь и отправляется в ночную с табуном. Выше мы упомянули о литере ц, замечательной в произношении русских слов жителями Мещеры. В самом деле мещеряк никогда не скажет чего, человек, чудо, чулок и проч., нет, у него это все это изменено на цего, целовек, цудо, цулок, и проч.» См. Макаров М. Заметки о землях Рязанских // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, 1846. Кн. 1. Смесь с. 3–4. Заметки датированы 1825 годом. Отмеченные особенности были еще заметны в первой половине XX в.

сами жители гораздо менее стали верить силе и могуществу сих адских проказников»¹⁰.

Писатель М.И. Пыляев (1842–1899) в своем объёмном повествовании «Старая Москва. Рассказы из жизни бывшей столицы» также уделяет Верёвкину несколько строк, повторяя в основном сведения Макарова, но и добавляя кое-что новое. Пыляев пишет:

«По Владимирской и Рязанской дорогам еще известны в устных рассказах похождения знаменитых воров и удалцов, как например: Федотыча, Козьмы Рощина, Перфильича, Краснощокова и Веревкина; кто не слыхал, как Федотыч ходил один на сотню подвод обозных.

Про Веревкина, например, расскажут и покажут место, где он остановил многолюдную свиту богатого рязанского помещика Волынского и взял у него все, оставив ему только по расчету, сколько было нужно на проезд, на молебен и на свечу к чудотворной иконе. На этой дороге укажут место на крутой горе, где он спускал богатых купцов кубарями, и для примера двоих лихоимцев отправил за рыбными процентами на дно Оки. Про этого Веревкина много рассказывали небылиц, так его, например, неоднократно окружала военная команда; но Веревкин выпивал заветный ковш вина и сам исчезал в том же ковше, в другой раз его совсем было схватили и связали, но вдруг вся изба обнялась дымом и пламенем. Долго и никогда может быть Веревкин не попался бы, если б не изменила ему женщина: одна прелестница, выведав тайные чары Веревкина, выдала его. Это случилось во времена Екатерины II. Удалец не стал однако ж ждать конца своей судьбы: он отравился. М.Н. Загоскин многие из чудес этого разбойника приписал разбойнику Рощину»¹¹.

¹⁰ Макаров М.Н. Путешествие из Рязани в Радонежский монастырь // Вестник Европы. М., 1827. № 2. Янв. С. 142, 144. Заметка датирована 1826 годом.

¹¹ Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из бывшей жизни первопрестольной столицы. М., 2008. С. 479. В повести М.Н. Загоскина «Кузьма Рощин» (именно её имеет в виду М.И. Пыляев) действительно наблюдается определенное сходство некоторых «подвигов» героя повести – разбойника Кузьмы Рощина с подобными же Верёвкина. Так, например, Загоскиным более подробно описан случай нападения разбойничьего атамана в одиночку на многолюдную свиту богатого помещика, который ехал на богомолье в монастырь. Как и Верёвкин, разбойник Рощин прославился своими дерзкими нападениями на берегах Оки, но действовал он ниже по течению, в районе Касимов –

Совсем мало что даёт «Начало воспоминаний неизвестного лица, писанные в 1859 году»: *«В это время 1793 года напала на меня трусость. Тогда были известные разбойники Веревкин, Муз. и другие, которые с шайками своими приезжали к помещикам грабить и на дороге к обители Николая Чудотворца Радонежского (Радовицкого. – А.Ф.) обирали богомольцев. Я боялся спать в своей кроватке и просился спать с братом моим Ал. М. Мне особенно страшны были ночи. Потом правительство их переловило»*¹².

Других сведений о Верёвкине в литературе найти пока не удалось. Думаю, целенаправленные поиски в архивах дадут в этом направлении гораздо больше.

P.S.: По информации кандидата исторических наук Андрея Александровича Шаблина в первой половине 2014 года должен выйти в свет сборник краеведческих материалов по Луховицкому району. В этом сборнике будет напечатана статья с архивными материалами об окских разбойниках, в том числе и Верёвкине. Её автор – дедюновский краевед Сергей Александрович Кочетков отыскал новые свидетельства в документах Российского государственного архива древних актов. Сам А.А. Шаблин поделился с С.А. Кочетковым сведениями о Верёвкине, которые оставил известный белоомутский краевед Василий Кузьмич Влазнев (1839–1905). К этой статье я и отсылаю читателя.

Муром. Предания о Рошине подробно проанализированы нижегородским учёным И.В. Турусовым. В 2006 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Предания о Кузьме Рошине в фольклоре, литературе и лубке».

¹² Начало воспоминаний неизвестного лица, писанные в 1859 году // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М.: Изд. П.И. Щукина, 1901. Ч. 8. <http://memoirs.ru/texts/Natschalo1901.htm>. Дата обращения 08.11.13.

Вера Юрьевна Цыганкова
г. Спасск Рязанской области

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА ДЕГТЯНОЕ

Изучая «Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям» за 1894 год мне удалось найти интересные народные сведения из истории села Дегтяное Спасского уезда Рязанской губернии до нашествия и во время разгрома татаро-монгольским игом Старой Рязани в XIII веке.

Село Дегтяное находится в 20 километрах от города Спасск – Рязанский и в 18 километрах от Старой Рязани. Расположено оно вокруг озера. В километре от села протекает река Ока, отделяемая сосновым и берёзовым лесом. Впервые село упоминается в Писцовых книгах под 1676 годом, но начало его образования по народному сказанию относится к началу XIII века – ко времени нашествия Батыя на Рязань. Своё название село получило от занятий своих обитателей – гонки дёгтя.

В давние времена на месте села находился дремучий лес, в середине которого было два озера с крутыми берегами. Мимо леса с западной стороны протекала широкая река, за которой располагались прекрасные луга. А за ними красовались сёла со своими златоглавыми храмами. В лесах жили дикие звери, реки и озёра были полны рыбой, в лугах летало столько дичи, что без всякого труда можно было ловить и пользоваться ею. Народ постоянно занимался охотой и рыбалкой и отправлял всю свою добычу в столицу Муромо-Рязанского княжества. Там он продавал свой товар и получал предметы роскоши и удовольствия.

Дремучие вековые леса давали народу не только средства к жизни, но и удовольствия. Сюда часто приезжали Муромо – Рязанские князья со свитой бояр, для охоты на пушистого зверя. Весело праздновались эти радостные дни. Молодцы садились на коней и преследовали зверей, а девушки наряжались, составляли хороводы и весело пели свои весёлые песни. В дни праздников звук колокола созывал всех в церковь, где народ молился за святую Русь. Из храма каждый спешил к своему старшему родичу, около которого собиралось несколько семей. Хозяин садился в передний угол за стол, а

все собравшиеся гости усаживались вокруг него и внимательно слушали мудрые речи.

Но счастливая и мирная жизнь внезапно была нарушена. Войско Батия напало на Муромо – Рязанское княжество. Храмы и жилища были сожжены, людей убивали и забирали в плен. Всюду слышался всеобщий крик и ужас. Всё скрылось, всё исчезло, всё смолкло. Народ искал себе спасение в непроходимом лесу. Там он расположился на крутых берегах двух озёр. Под влиянием страха долго жили они безвыходно и одичали подобно диким зверям; имея во всём недостаток и нужду. Появились злоба и зависть, перестали уважать старших, и каждый заботился только о себе. Исчезла весёлая общительность и простота нравов; несчастия и нужды развили хитрость и недоверие друг к другу; вражда поселилась между всеми и жизнь стала невыносимо тяжёлой.

С утра до вечера почти каждый бродил по лесу, и убивал всех и всё, что только мог убить. Чувствовался страх, все ожидали чего-то ужасного, и предчувствие их сбылось. Село провалилось, а на его месте опять образовалось озеро, только не в прежнем виде, а скорее похожее на тинистое болото, заросшее травой. То озеро или болото они называли Разванию потому, что там жили люди разного звания, происхождения, разных городов и сёл. Существовало верование, что в давние времена на Пасху здесь появлялся крест провалившейся церкви, который видели рыбаки. Слышны были удары колокольного звона.

Рядом с этим озером находилось другое, очень похожее на первое, и поэтому ему дали тоже название.

Около двух озёр было местечко, похожее на болото, известное под названием Сосновки.

Спасшиеся после набега татаро-монголов жители села оставили прежнее место жительства и переселились на другое место, более свободное, перед широкими лугами. Здесь было всё под руками: лес, луга и вода. На Весёлой горке (так они называли холм) стали собираться все жители села. Они встречали весну и водили хороводы, пели весёлые песни. Молодые парни знакомились с невестами и выбирали их себе. Здесь наряжали и провожали русалку, праздновали масленицу. На Вознесение устанавливали качели и все качались, на Троицу девушки плели венки и спускались к реке; на Фролов день (18 августа) юноши устраивали гонки на лошадях, а на

Егорьев день (23 апреля) пастух собирал стада и в первый раз отправлялся с ними в луга. На этом холме совершались сходки народа и производился суд.

Памятником такой свободной жизни служило местечко Слободка (от слова свобода или слобода), а доказательством весёлой жизни служило местечко – Весёлая горка.

Пользуясь полной свободой, село расширялось. Сюда съезжали люди из окрестных сёл, которые прятались от господ и податей. В царствование Михаила Фёдоровича, когда составлялись Писцовые книги, описываемое село сделалось государственным, и было обложено податью в пользу царской казны. Это обстоятельство побудило селян приняться за какую-нибудь работу. Кругом стояли леса, которые настроили народ взяться за гонку дёгтя. Недалеко от села, на одной поляне в лесу, они устроили заводы. В середине поляны находилось небольшое озеро, вокруг которого стали рыть ямы для дегтярных заводов. По мере того, как увеличилось число ям вокруг озера, увеличилось озеро в своём объёме и затопляло вырытые ямы. Озеро постоянно увеличивалось, пока не достигло определённых размеров.

За неимением каких-либо промыслов разорённый народ с давних времён отправлялся на заработки в разные промышленные города: Петербург, Ригу, Астрахань, Одессу и другие. Этому обстоятельству село было обязано началом раскола в среде его жителей. Какой-то Калган занёс раскол в село Дегтяное. От этого Калгана, с течением времени, произошло несколько семейств, известных под именем калганников, которые стали постепенно завлекать в свою секту соседей. Раскольники имели свою молельню и кладбище, наводящее суеверный страх на всех жителей села.

Не всем понравилось платить подати, от которых люди бежали и стали разбойниками. Народная память сохранила об этих людях следующие сказания.

Атаманом их был Хрисан или Крысан, как его называли простолюдины. В лесу на берегу Оки, недалеко от села, они устроили себе подземелье. Скрываясь от власти, разбойники очень искусно сделали два входа в это жилище, так что отыскать их было крайне трудно. А кто попадал сюда, встречал много разветвлений, представляющих египетский лабиринт, откуда вернуться было практически невозможно.

Кроме того, на каждом шагу угрожала опасность и со стороны хозяев этого жилища.

Неизвестно чем кончилась история этих людей, но памятником этого факта служил Крысин ключ, который образовался из обрушившегося подземного входа.

Очень интересна история и другого места. В четырёх километрах от села находился непроходимый бор, посередине которого было расположено огромное озеро, имеющее название Борового. Безопасность места содействовала отваге разбойников. Ночью они нападали на окрестные сёла – жгли, грабили, убивали, а днём делили добычу и пировали. Однажды разбойники приехали к одному священнику и попросили отдать ключи от церкви. Священник отдал все свои богатства, а в церковных ключах отказал. Тогда разбойники стали жечь огнём ему пятки, отрезали нос, уши, опалили волосы и бороду и стали резать всё тело. Дом был атакован со всех сторон. Но небольшая девочка успела пролезть через небольшое отверстие и рассказала всё церковному сторожу, который ударил в набат и испугал разбойников.

Существует и другое сказание. Однажды разбойники в красных рубахах явились к одному богатому человеку в качестве женихов. Приехали они на двух вороных тройках, со множеством колокольчиков и бубенцов. У крыльца остановились, зашли в избу, в переднем углу помолились. Хозяин принял их, товар им свой показал и дело сладил. Через неделю разбойники обещали приехать за невестой. Разбойники распростились и уехали, а невеста вдалась в тоску. Чтобы развеяться решила она пойти в лес погулять. Случайно нашла тропинку, которая привела её к огромному зданию. В первой комнате нашла девушка множество орудия, во второй женские платья и украшения, а в третьей отрубленные члены человеческого тела. В остальных комнатах девушка нашла несметные богатства. Вдруг она услышала свист людей, ржание коней, лай собак и звон колокольчиков. Испугалась она и тотчас же спряталась. Через некоторое время въезжают гости во двор, и узнаёт она молодых людей, которые приезжали её сватать. Эти молодцы привезли с собой красную девицу. Раздели её и стали казнить. Прежде отрезали ей уши с золотыми серёжками, потом пальцы с кольцами и наконец всю изрезали. Скрывшаяся невеста случайно спрятала палец девушки с золотым

кольцом. Спряталась она в своей засаде, а затем когда разбойники отправились на добычу, возвратилась домой и рассказала обо всём родным. Через неделю разбойники приехали за ней, но были схвачены. Однажды около Борового озера крестьянин собирал ягоду и обнаружил подземелье и комнату больших размеров с развешанным оружием. Но испуг его был так велик, что на следующий день он не смог показать то место, где это произошло.

Оба эти рассказа на первый взгляд покажутся легендой, но они имеют историческую действительность. И подтверждается это фактом, что в 1859 году дьякон села Дегтяного Ермил Иванович Воскресенский копал землю около своего дома, нашёл глиняный сосуд, наполненный мелкой серебряной монетой позднейшего происхождения времён Михаила Фёдоровича.

Дмитрий Давидович Финкельберг
правнук П.И. Курносова,
г. Электросталь Московской области

КУРНОСОВЫ ИЗ ШУВОЕ

Исследуя труд В.И. Смирнова «Мы – егорьевцы», на с. 66 первого тома находим следующее: «С пуском Хлудовской мануфактуры произошло необыкновенное пробуждение ткацкого дела... В д. Шувое появились заведения Филатовых, Курносова...» Ведь что интересно, прадед даже не удостоился инициалов, а так – только фамилия. Думаю, что следует немного рассказать о жизни этого незаурядного человека, а то как-то странно: о некоторых жителях города и района в этом эпохальном труде имеется максимум информации, а о некоторых – хорошо если фамилия...

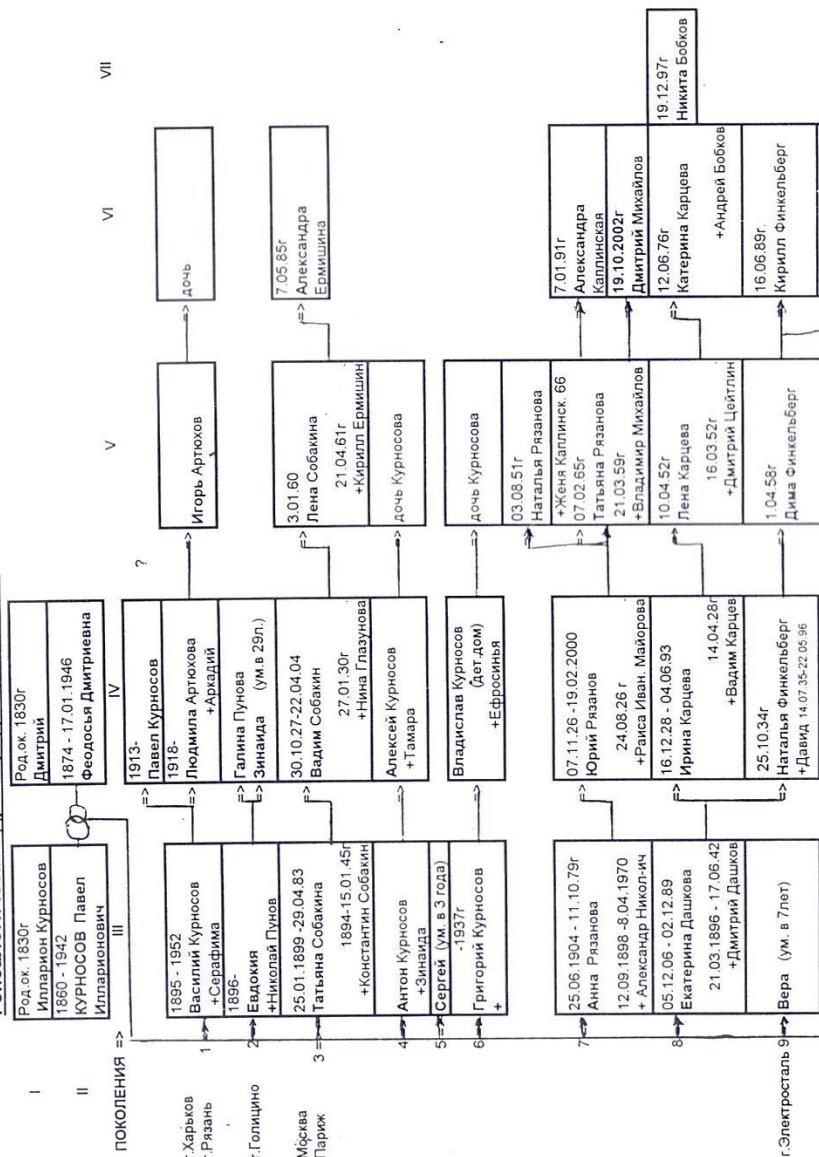
В 2010 году краевед С.С. Михайлов (не проживающий в нашем городе, но очень любящий его и знающий его историю и историю гуслицкой земли), выпускает книгу «История старообрядческого прихода в Шувое», где дает гораздо больше информации о прадеде. Понятно, что с 1999 года (время написания книги В.И. Смирнова) прошло время, но ведь сведения о нем не были особо закрыты.

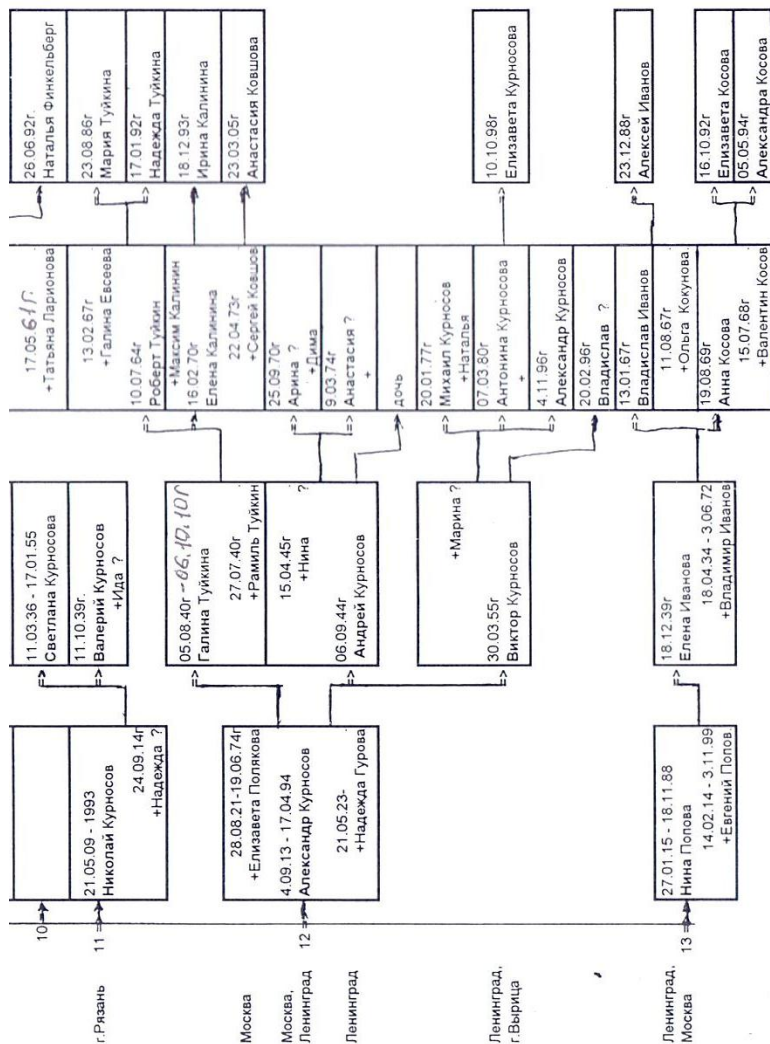
Несколько лет назад мой дядя Рамиль Туйкин, муж внучки П.И. Курносова Галины Александровны (к сожалению, уже ушедшей из жизни) провел огромную и очень полезную работу – «Генеалогическое древо рода Курносовых», за которое ему очень большая благодарность от всех родственников. Мы решили, что этот труд не должен просто так пылиться, а станет всеобщим достоянием, старообрядческие семьи раньше ведь были большие, а род и сейчас продолжается. Далее попытаемся рассказать, что помним, о главе рода, его окружении и потомках. Воспоминаниями делится моя мама, внучка Павла Илларионовича, Наталья Дмитриевна Финкельберг (урожденная Дашкова, внучка Ивана Васильевича Дашкова, которому В.И. Смирнов уделил несколько больше внимания, и про которого много пишет замечательный шатурский краевед, член Союза писателей Олег Дмитриевич Трушин).

Павел Илларионович Курносов родился в 1860 году и происходил из зажиточной старообрядческой семьи очень строгого устава. Был он, по воспоминаниям мамы, высокого роста, с окладистой бородой. Занимался он распространенным на Руси промыслом – производством канатов (моя бабушка, Екатерина Павловна, говорила «ватно – канатная фабрика»), производственное здание было продолжением жилого дома. Производство позволяло вести обширную торговлю, были у прадеда связи с Китаем, что для провинциального Егорьевска было весьма почетно. Дом у прадеда был кирпичный и отдельно пристройка с конюшней. Имелась большая библиотека.

Женился Павел Илларионович на Феодосии Дмитриевне, она была из семьи попроще. В этом браке, как было нормально у старообрядцев, было 12 детей, некоторые, правда, умерли во младенчестве. Прадед имел исконно русский характер с большим творческим умением жить, создавая порядок своей жизни, построенный на законах нравственных. В детях он развивал хозяйственность, умственную линию. Всем детям прадед старался дать образование и этим выделялся из сугубо церковников, хотя и поддерживал связь с отцом Петром Михеевым (про него много писал С.С. Михайлов в своей книге). Девочки учились в городе в гимназии и для них специально снималась квартира, чтобы не ездить постоянно из Шувое и обратно (в то время автобус каждые 30 минут, как сейчас, не ходил, а лошади были не у каждого). Кстати, когда прадед отдал дочерей в гимназию,

Генеалогическое древо рода Курносовых

это не приветствовалось церковью, такие были законы у старообрядцев, были неприятности, но все обошлось. Тут надо добавить, что Павел Илларионович был одним из основателей «Шувойской старообрядческой общины» и церковным старостой, человек не простой.

Семья любила праздничные гуляния, у прадеда были два выезда: один – собственный, на котором сам ездил в город по делам, а еще лошадь для катания детей. Семья была очень музыкальная, девочки пели, братья Николай и Александр играли на балалайке.

С раннего детства Павел Илларионович прививал детям и хозяйственную жилку. Мама вспоминает семейную историю, когда дети нашли в лесу улей дикого меда и отец приказал заложить лошадь, чтобы привезти его домой.

После революции, при НЭПе прадед расширил хозяйство, но этот расцвет также быстро и закончился – оказался в числе раскулаченных, такая была жизнь в то время, можно было хорошо работать и пострадать за это, сейчас по-другому. К этому времени старшие дети подросли, дочерей выдали с хорошим приданным замуж (мебель, драгоценности, деньги), старшую дочь Анну выдал с очень большим приданным, таковы были требования купцов Рязановых, остальные дочери были в небольшой обиде.

После раскулачивания прадед некоторое время пробыл на Лубянке, в это время было несколько обысков, дом отобрали, а семью сослали в Муром. Позже семья вернулась в Егорьевск, прадед жил у одной из дочерей. Спустя многие годы моя бабушка очень не любила приезжать в Шувое, а если там и была, то обходила бывший свой дом стороной, слишком тяжелыми были воспоминания.

Закончилась жизнь прадеда трагически: в 1942 году он в возрасте 82 лет поехал менять вещи на хлеб, крупу, сахар, его ограбили и сбросили под поезд. Похоронен он в Егорьевске на городском кладбище, там простая ограда, памятник и два клена, которые два раза в году образуют шапку из листьев, так что и ограда не видна, и мы их обрезаем. Отец Петр, не побоявшись, ведь время было суровое, отпел прадеда и прабабушку, очень он их уважал.

Далее немного нужно рассказать о детях Павла Илларионовича. Я хорошо помню 8: троих братьев и пять сестер, остальных не застал по возрасту, но расскажу о десяти.

Вначале о сыновьях. Старший сын, Василий, Был кадровым офицером, служил в танковых войсках, прошел войну, в звании полковника ушел в запас. Григорий окончил вуз в Ленинграде, работал на Кировском заводе инженером, в 1937 году был арестован, получил печально известные 10 лет без права переписки, другими словами, расстрел. Антон окончил фармацевтический вуз в Ленинграде, проработал и стал директором завода до войны, в эвакуации был в Кемерове, при правлении Хрущева произошло объединение двух предприятий, ушел на пенсию и жил в Бердянске, мы к нему приезжали несколько раз, был там прекрасный сад с грушами и абрикосами. Николай закончил тимирязевскую академию и по распределению попал в Рязанскую область, с которой и связал всю жизнь. Работал в совхозе на руководящих должностях, во время войны был на ленинградском фронте (снайпер, очень испортил зрение). После войны в Новоселках возглавил совхоз, затем работал в сельхозтресте и облисполкоме в Рязани, там и жил с семьей. Долгие годы преподавал в сельхозинституте. Младший сын, Александр, закончил в Ленинграде лесотехнический институт, работал и защитил кандидатскую диссертацию.

Теперь расскажу о дочерях Павла Илларионовича. Старшая дочь, Евдокия Павловна, работала всю жизнь учителем начальных классов в подмосковном Голицине. Татьяна Павловна вышла замуж за егорьевского врача Константина Петровича Собакина, закончила мединститут, работала в больнице гинекологом, а после смерти мужа в 1945 году переехала с сыном в Москву и долгие годы работала в зюзинской больнице. Анна Павловна Рязанова жила и работала в Москве, Нина Павловна одно время с мужем жили в Ленинграде, затем перебрались в Москву (муж ее, Евгений Павлович Попов, математик, член-корреспондент АН СССР, был зав. кафедрой робототехники в МВТУ им. Н.Э. Баумана).

Моя бабушка, Екатерина Павловна, вышла замуж за Дмитрия Ивановича Дашкова (сын И.В. Дашкова, гласного в городской думе и ученого управителя, в его ведении было лесное хозяйство Хлудовых. Прадед выделил деньги и лес на строительство Троицкой церкви в селе Низкое, был православным человеком, поэтому Павел Илларионович зятем был не очень доволен). Жили они и работали одно время под Шатурой, затем перебрались в Егорьевск. Дед работал хирургом в больнице, прошел финскую войну и год был

на отечественной, погиб в июне 1942 года в Мясном бору. В краеведческом музее ему посвящен стенд. Бабушка во время войны работала в госпитале, воспитывала двух дочерей, с ней жили и родители (Феодосья Дмитриевна умерла в 1946 году и ее отпевал, не побоявшись строгого режима, отец Петр Михеев). После войны бабушка была заведующей аптекоуправлением района, занималась строительством аптек в Починках, при Колычевской больнице, в Песках), затем до пенсии работала в аптеке, занималась внуками – мной и сестрой, дождалась правнуков.

Про внуков вкратце можно сказать, что Вадим Константинович Собакин был ректором МГИМО, доктором юридических наук, полномочным представителем СССР в ЮНЕСКО. Юрий Александрович Рязанов – доктор экономических наук. Ирина Дмитриевна Карцева (Дашкова) – кандидат биологических наук. Наталья Дмитриевна Финкельберг (Дашкова) – доктор филологических наук, профессор, преподаватель института военных переводчиков. Елена Евгеньевна Иванова (Попова) – кандидат математических наук, преподаватель высшей математики военной академии и МВТУ им. Н.Э. Баумана. Виктор Александрович Курносов, младший сын Александра Павловича – единственный, на котором род Курносовых не кончился, гендиректор строительной компании. Про правнуков серьезно говорить пока рано.

Вот все, что хотелось добавить к фамилии Курносов из книги «Мы – егорьевцы». Вечная память прадеду!

ИЛЛЮСТРАЦИИ

«П.И. Курносов и его жена Феодосия Дмитриевна, а также дети: слева – Авдотья, далее – Татьяна, а из сыновей – Григорий (репрессирован в 1937 году), Василий и Антон.

История фотографии такова. В 1994 году мой дядя Виктор приехал в Шувое и около бывшего курносовского дома разговорился с соседями. Один из них, узнав, что перед ним представитель семьи Курносовых, спросил, без всякого злого умысла: «Разве вас не всех расстреляли?» Он был убежден, что все семейство стало жертвой репрессий. Оказалось, что у него сохранилось фото семьи, которую Виктору Курносову у него удалось выкупить.

Фотография сделана примерно в 1905-1906 годах. Скорее всего, снимал любитель, т.к. карточка не имеет ни логотипа мастерской Зенина, ни какой-либо другой фотографии. Не исключено, что фотографировались где-то в другом месте».

Бабушка Д.Д. Финкельберга Екатерина Павловна Дашкова (Курносова)

ее младший брат Александр Павлович и она сама

*Тётя Д.Д. Финкельберга Ирина Дмитриевна Карцева (Дашкова),
Вадим Константинович Собакин, Елена Евгеньевна и Нина Павловна*

*Елена Евгеньевна Попова, ее мама Нина Павловна Попова (Курносова) и ее сестра
Татьяна Павловна Собакина (Курносова)*

Наталья Дмитриевна Финкельберг (Дашкова), ее сестра Ирина Дмитриевна и мой сын Кирилл (фотография примерно 1993-94 года)

Дочь Д.Д. Финкельберга Наталья Дмитриевна и его тетя Галина Александровна Туйкина (Курносова)

Дом в Егорьевске по ул.К.Маркса (уже снесенный, вообще нашим домам не везло, остался один, да и там сейчас художественный музей)

Сергей Сергеевич Михайлов
*главный редактор альманаха «МЕЩЁРА-край»,
председатель независимой ассоциации исследователей
Западной Мещёры «Гуслицкий перекресток»*

МЕРЯ В МЕЩЁРСКОМ КРАЕ

Обычно, в финно-угорском контексте, Мещёру ассоциируют с древним народом мещера, от имени которого край собственно и получил свое название. Однако это обширный край, даже в тот период, который мы традиционно именуем «дославянским», явно не был моноэтничным. На его территории проживали, помимо мещеры, представители других народов, прежде всего финно-угорских. Мы не знаем, где точно проходила условная граница между мещерой и родственными ей муромой и другими группами мордвы. Также мы можем только догадываться, где проходила условная граница между мещерой и мерей. Как раз об этом мы и хотели бы поговорить.

Четкие границы Мещёры можно провести далеко не везде. На территории Рязанской области она по большей части проходит по Оке, которая собственно и делит край на «мещёрскую» и остальную его часть. Но в том же Рязанском крае не ясно, где испокон веков жила мещера в восточной части, в районе Шацка, Сасово и др. мест. Селения т.н. «русской мещеры», которая являет собой обрусевшие остатки древнего народа, существовали в крае еще в XX столетии. Во Владимирской области северной границей Мещёры часто называют Клязьму, которая таким образом «прирезает» к ее территории не только юг, но и восток и значительную часть севера современной Владимирщины. Чтобы все это значительное пространство в древности было занято мещерой, о которой даже летописи начинают писать позже всех остальных центрально-русских финно-угров, весьма сомнительно. Явно мещера здесь хоть и жила, но делила пространство с какими-то другими своими родственниками.

Обычно, рассказывая о мере и других народах, которые официально давно прекратили свою историю, опираются либо, на какие-либо документальные свидетельства, либо на археологический материал. С топонимикой гораздо сложнее и ее очень часто непро-

фессиональные исследователи, типа краеведов, трактуют весьма вольно. Касательно же археологического материала, то его, во-первых, известно достаточно мало, во-вторых, он, касательно позднего периода истории мери вряд ли может дать точную информацию. Национальную принадлежность прежде всего определяет самосознание. Народ, или его часть, может утратить язык, утратить многие элементы национальной культуры, но сохраняя самосознание и самоидентификацию он продолжает свое существование. Ранее русское средневековье – период, когда прежние финские земли активно осваивались славянскими группами, которые, в свою очередь, к моменту прихода в эти регионы, уже были сильно смешаны с другими народами. Мирно селясь среди мери, муромы, а также других народов, они еще более перемешивались и перемешивали своих новых соседей. Причем такое смешивание касалось не только крови, но и культуры, включая и материальную. Возможно, если бы у нас появилась пресловутая машина времени, то слетав на ней век в XII или в начало XIII века, мы столкнулись бы с жителями известных нам Суздаля, Ростова или Муромы, среди которых были бы группы населения, «древнерусского» по материальной культуре, которые продолжали бы считать себя мерей, муромой или еще кем-либо, которые говорили на интересной смеси славянской речи с древними финскими диалектами. Группы же мери, которые давно проживали среди родственных по языку и культуре народов, могли в материальном плане сильно подвергнуться влиянию последних, сохранив лишь своеобразный диалект и все то же самосознание.

Отчасти на данный вопрос может ответить антропологический материал. Исследования в местах традиционного проживания мери конечно же проводились, причем и относительно давно. Их результаты публиковались. Даже относительно подробный экскурс по таким публикациям займет много времени и места. Для краткости приведем лишь обобщающую статью известного антрополога Т.И. Алексеевой «Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна». Даже по некоторым вырванным цитатам из этой, на наш взгляд весьма важной работы, можно понять, что с мерей не так все просто: «Население с территории обитания мери неоднородно...», «Антропологический состав русских Ростовского района представляет собой сложный конгломерат валдайского, ильменского, среднеокского и

волжско-ветлужского типа...». «Анализ антропологического состава населения, происходящего из районов обитания племен мери, муромы и мешеры, требует привлечения сравнительных материалов из областей распространения в прошлом кривичей и вятичей, которые, как свидетельствуют данные археологии и истории, уже с середины первого тысячелетия пришли в соприкосновение с финноугорскими племенами и оказали на них культурное влияние. <...> Сравнение черепов мешеры, мери и муромы с восточнославянскими, с одной стороны, и с финноугорскими – с другой, говорит о значительно большем сходстве их с первыми. В этом смысле мы можем говорить о генетических связях восточнославянских и восточнофинских народностей на территории Волго-Окского бассейна, возникших задолго до его этнического оформления»¹. Так что в условиях такой антропологической мешанины, которая началась задолго до начала летописной истории Руси, культура и финских, и славянских народов Центральной России, в том числе и мешёры, также явно не могла не претерпевать какие-либо изменения. Вспомним также, что еще до славян в финские регионы стали проникать родственные имя балты. Их же след определить в русской культуре почти невозможно. Но, тем не менее и эта группа что-то после себя оставила. А выяснить, кто кем из лежащих в могильниках, оставивших тот или иной памятник был по своей этнической идентификации, мы уже вряд ли когда-либо сможем.

Хотелось бы несколько пройтись по утверждению о «культурном влиянии», которое «оказали» на финское население расселившиеся славяне, которое традиционно упоминает Алексеева. В 1950-х гг., когда Алексеева писала процитированную нами работу, еще считалось, что финно-угры были более примитивным населением, нежели славяне. Понятно, что последние якобы и несли в финские края цивилизацию. Однако, археологические находки последнего времени показали, что уже во времена финно-угров в регионах было развито земледелие и многие другие хозяйственные моменты, которые ранее приписывались славянам.

¹ Алексеева Т.И. Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна (К проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье) // Антропологический сборник. М., 1956. Вып. 1. С. 39, 44.

Касательно дославянского прошлого территории Владимирской губернии, мы читаем у ряда авторов, например, у В.Г. Добронравова: *«В отдаленное доисторическое время территория Владимирской губернии населена была финскими племенами – Меря и Муром. Об этом коренном населении Владимирского края свидетельствует и летописец...»* Но, ссылка на последнего обычно касается прежде всего района Плещеева озера в Переславле-Залесском, который до революции входил в состав Владимирской губернии. Далее Добронравов пишет: *«...раскопки многочисленных курганов, рассеянных по разным местам губернии, показали, что Меряне населяли не только окрестности озера Плещеева, но и большую часть территории Владимирской губернии, кроме юго-восточного угла ее...»*². Понятно, что этот угол Добронравов «оставляет» муроме.

Намного ранее Добронравова, еще в 1850-х гг., составлявшие «Военно-статистическое обозрение Российской Империи» офицеры Генерального Штаба, давая характеристику Владимирской губернии, сообщая о живших на ее территории в прежнее время племенах, писали: *«В пределах Владимирской губернии жили в древности, в диком состоянии, два народа: Мурома и Меря (Чудь). Первый занимал пространство от границ Тамбовской губернии по берегам Оки, до впадения ее в р. Волгу. Соседями его были: с юга, Мещера и Мордва, с востока Мордва и Черемиса, с севера и северо-запада Меря (Чудь), отделенная от первого течением р. Клязьмы...»*³. Авторы данного описания опирались прежде всего на те знания, которыми располагала историческая наука того времени.

Исходя из приведенных отрывков, мы видим, что в северной части Мещёры, на севере Владимирской области, сплошной массой жила меря. Почему летописцы, на сведения которых ссылаются более поздние авторы, знают только мерю и мурому? Просто именно эти народы проживали рядом с основными центрами цивилизации на территории Владимирского края – городами Суздаль, Владимир и Муром. Основные места расселения мещеры находились на расстоянии от них, о ней почти ничего не знали описывавшие край древние

² Добонравов В.Г. Владимирская губерния в историко-археологическом отношении. Владимир, 1912. С. 1.

³ Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1852. Т.V. Ч. II. Владимирская губерния. С. 141.

авторы. Мы видели, что мещеру авторы «Военно-статистического описания...» знали где-то южнее мурома. Вокруг города Муром из неславянского населения жила мурома, а в той части Мещёры, которая примыкала к известному с начала XII века к Владимиру, компактно жила меря. Кстати, одно из селений под названием «Мещера», находится на правом, вроде бы Мещёрском берегу р. Клязьмы⁴. Это селение когда-то могли основать выходцы из глубины Мещёрского края, перебравшиеся поближе к Владимиру, но, не исключено, что мещера жила здесь изначально, а деревню прозвали соседи местной аборигенной мещеры, поселившиеся сюда позднее. К сожалению, время возникновения этого населенного пункта и подробности его ранней истории прояснить невозможно.

Важным моментом на наш взгляд является и название реки Судогды, давшей имя и городу, возникшему на ее берегах. Топоним этот для Мещёры не характерен, но встречается в других уголках финского мира, прежде всего там, где жила меря: Вологда, Вычегда. Выжегда, Печегда, Шижегда и др. К этим топонимам явно примыкают Шогда, Солда, Печерда, Шерда, Немда и некоторые другие созвучные названия, которые возникли именно в мерянских регионах. Р. Вологда, давшая название и одноименному древнему городу, а так же река Вычегда, расположены вроде бы вне зоны известного расселения мери. Однако, вполне возможно, что там могли жить дальние группы мери, давшие имена рекам. В другом случае, нельзя исключить и то, что в языковом плане группы местных прибалтийско-финских и пермско-финских обитателей, однозначно контактировавшие с мерей, были в чем-то ей близки. Здесь открывается простор для изысканий лингвистов. Касательно корня в названии реки Судогды, то он, на наш взгляд весьма сходен с корнем в названии речки Судома, которая протекала в Кологривском уезде Костромской губернии⁵. В той же губернии известна и речка Судница, в Макарьевском уезде. У него древний корень и позднее славянское окончание⁶. В Ярославской губернии, в издании 1860-х гг., мы встречаем реки Суднянка (также со славянизированным окончанием имени) и Судолга

⁴ Атлас Владимирской области. М.: Арбалет, 2003. С. 56.

⁵ Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года). Кострома, 1908. С. 144.

⁶ Там же. С. 290.

(это уже чисто финский мерянский топоним)⁷. Последнее, кстати, уж очень похоже на Судогду. Есть еще река Суда, протекающая в приграничных землях Ярославской и Вологодской областей. Судя по археологическому материалу, здесь по большей части обитала древняя весь, но и меря также была недалеко. Именно она, или же находившиеся под ее влиянием веские группы, и могли оставить это название. Но из языков поволжских финнов, к которым относились и мещера, и мурома, корень этих топонимов произойти не мог. Имя реки Судогды, таким образом, явно оставила не мещера, а меря.

Еще хотелось бы обратить внимание на существование в окрестностях Судогды двух населенных пунктов с названиями «Спас-Чамерево» и «Тимерево». В первом случае речь идет о селе с церковью – центре прихода, во втором же – с деревней, которая исстари в этот самый приход входила. Кстати, еще в конце XIX столетия сохранялась память и о втором названии Спас-Чамерево – Синоборь⁸. Названия типа «Тимерево» до сих пор встречаются в регионах, где в прошлом проживала меря. Один из таких населенных пунктов находится в Ярославской области и возле него располагается известный мерянский археологический памятник. О происхождении данного топонима нам скорее всего смогут рассказать только лингвисты, хотя еще во второй половине XIX в. автор «Очерков русской исторической географии» Н.П. Барсов, откровенно связывал происхождение двух упомянутых названий с мерей. Судя по всему, его на такую мысль навел корень «...мер...» в обоих топонимах⁹. Барсов был готов видеть имя мери чуть ли не во всех названиях, похожих на имя древнего народа, включая и типа «Мериново».

И еще весьма важный момент, касающийся Судогды и окрестной части Мещёрского края. Проживание здесь мери подтверждается и археологическим материалом. Здесь известен памятник у н.п. Новлинское (Новлянское), датируемый X – началом XI вв., который еще в начале XX века исследовал Н.Е. Макаренко. Это место мы встречаем на картах, вставленных в материал о мере, муроме и

⁷ Список населенных мест Российской Империи. Т. 50. Ярославская губерния. СПб., 1865. С. 29–30, 96.

⁸ Добронравов В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Т. 4. Владимир, 1897. С. 499–501.

⁹ Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 53–54.

мещере, написанный археологом Л.А. Голубевой в книге «Финно-угры и балты в эпоху средневековья». Причем, здесь показаны как и мерянское селище и могильник, так и «характерные украшения муромы» и «грунтовые могильники и характерные украшения мещеры»¹⁰. Последнее понятно – меря здесь жила вблизи мест компактного расселения двух последних народов и находилась с ними в постоянном контакте. Через смешанные браки, обмен и проч., в быт и культуру местной группы мери проникали украшения и прочие предметы мещеры и муромы. Кстати, Новлянское находится недалеко от Чамерево и Тимерево, что в очередной раз заставляет задуматься о мерянском происхождении подобных топонимов. Река Судогда также протекает здесь же.

На территории Владимирской области, если мы взглянем на карту, можно найти реку Нерехту, правый приток Клязьмы. Она впадает в последнюю рядом с городом Ковров¹¹. Как произошло это название, догадаться не представляет особого труда. Сразу же необходимо провести аналогию с названием города и давшей ему имя реки Нерехта Костромской области. Оно же происходит от «Мерехта» и связано с именем древней мери (сравнение: «Мерль» – «Нерль», «Меро» – «Неро», «Мерская» – «Нерская»). По поводу происхождения названия реки Нерехта, также существует другое объяснение. Оно, по крайней мере еще недавно, официально исповедовалось нерехтскими краеведами. По их мнению, в древнем мерянском языке это означало «река в низкой болотистой местности»¹². Если даже это и так, то все равно имя реки Нерехты во Владимирской области, идентичное с костромским топонимом, происходит если не из мерянского, то какого-то родственного языка и с безусловно связано с мерей.

Получается, если считать правильным первый вариант объяснения топонима, по этой реке ранее жила группа мери, тогда как вокруг проживало иное население. Может быть, возникновение этого топонима относится уже к времени расселения здесь славян, но, не исключено, что его возникновение относится к дославянскому вре-

¹⁰ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 70, 72, 75, 88, 92.

¹¹ Атлас Владимирской области. М.: Арбалет, 2003. С. 39, 40, 60.

¹² Большаков И., Михеев Е., Бадин В. Нерехта. Ярославль, 1989. С. 3.

мени. Далее мы увидим, что аналогичный мерянский речной топоним, существующий в восточной части Подмосковья, носил название не «Мерехта», а «Мерская». Мерянская группа могла проживать здесь среди мещерского или муромского населения. Касательно последнего, то оно проживало не только на Оке и не только возле города Муром. Муромом проживала и на территории соседней современной Ивановской области, занимая около трети последней¹³. Однако, может показаться странным тот факт, что другие топонимы, в названии которых мы слышим имя древнего народа, расположены в глубине территории, которую принято считать мерянской. Это касается и той же костромской Нерехты, и обеих рек с названием Нерль. Если следовать версии, что знаменитое ростовское озеро Неро есть видоизмененное «Меро», то и данный факт относится к этому ряду географических имен. Причем, в отличие от той же Нерской (Мерской), эти топонимы явно происходят не из славянских языков, а оставлены иноэтничным, неславянским населением. А кроме финноязычных жителей здесь сомнительно чтобы кто-то мог обитать и давать названия. Тогда, получается, что кроме мери здесь жили и какое-то другие финно-угры. Но, не будем забывать, что тот этнический массив, который мы знаем как мерю, расселенный на весьма большой территории, явно не был единым. Разные группы этой общности явно носили разные названия. Возможно, что имя «меря» носила только одна из народностей, составляющих мир, именуемый нами «мерянским». Летописцы и другие авторы, будучи знакомы только с этим этнонимом, автоматически переносили его на весь родственный мир жителей «мерянского» региона. А названия, от которых образованы нынешние Нерль, Нерехта, Неро и др., обозначают места, где жили группы той мери, которая собственно «меря» и называлась. Эти группы были вкраплены в массив мери, которая носила другие этнические имена. Представители последней и дали названия, дабы обозначить географически места проживания этой группы. Вспомним, что все топонимы, обозначающие этнические имена, давались не самими представителями небольших этнических анклавов, а их соседями.

¹³ Историко-географический атлас Ивановской области. Иваново, 2007. С. 37.

Так это было на самом деле, или же иначе, нам остается только предполагать. Ответить на поставленные вопросы в точности, за неимением письменных и иных источников, мы не сможем никогда. Археологический материал не может дать информации о самоназвании той или иной группы и по многим другим моментам.

Чтобы закончить с мерянской тематикой севера Мещёрского края, на наш взгляд надо рассказать о еще одном интересном моменте. Историк-краевед их города Гусь-Хрустальный В.А. Дубровин, являющийся к тому и коренным жителем края (его родители происходили из разных уголков Гусевского района), прекрасно знающий свой район и его специфику, рассказал мне следующее из своих наблюдений. По его словам в Гусевском районе исстари население южной и северной частей заметно различается внешне. Жители северной части традиционно светловолосые и имеют практически «европейский» облик. Жители юга района большей частью темноволосы, имеют заметный налет небольшой монголоидности. Дубровин объясняет это тем, что жители севера ранее жили во Владимирском княжестве, тогда как южане – в Рязанском. Последние были «под татарами», что сказалось и на их внешности. Но, на наш взгляд, дело здесь совершенно в другом. Татары, даже в период существования в восточной части мещёры Касимовского ханства, вряд ли забирались в подобные глухомани. Скорее всего в облике жителей района сохранились типы древних обитателей края: мери (она жила на севере) и мещеры (она занимала юг района). Ответ на данный вопрос могли бы дать исследования антропологов, но, в отличие от других мещерских уголков, а также мест проживания муромы и других древних групп, таковые в таком интереснейшем и практически не исследованном крае не проводились. Тем не менее, наблюдения Дубровина являются весьма интересными сведениями по рассматриваемому нами вопросу.

В западной части Мещёры, если судить по сохранившейся доныне топонимике, мерянские анклавы (или же пограничные с мещерой мерянские группы – ?) проживали в Вохне (нынешний Павлово-Посадский район Московской области), где существовала деревня Меря (сейчас – село Казанское), а также по реке Нерская, которая изначально, а потом еще очень долго, чуть ли не до начала XX века, именовалась «Мерская» или «Мерьская». Кстати, реки с названием

«Мерская» и «Мерзкая», без трансформации «м» в «н», существуют и в Костромской области¹⁴. То, что такая трансформация здесь не произошла, объясняется тем, что в Костромском крае меря окончательно потеряла свой этнический облик позже, нежели в других местах, где существуют «Нерль», «Нерская», «Нерехта» и т.п. Там со временем местное население уже забыло о проживании народа меря и со временем связанные с этнонимом названия были несколько изменены. А в Костромской области такая перемена, после ассимиляции последних мерян, еще не успела произойти.

Наконец, третьим мерянским топонимом запада Мещёры является название деревни Нареево (сейчас – часть н.п. Шувое), первоначально писавшееся также «Мереево». Причем, оказывается, что это «Мереево-Нареево» было не единственным населенным пунктом с таким названием в том уголке нынешнего Подмосковья. В «Писцовых книгах XVI века», изданных в 1872 году Н.В. Калачовым, в Высоцкой волости тогдашнего Коломенского уезда мы встречаем еще одно Нареево, без какой-либо привязки к той или иной реке (первое Нареево стоит по реке Шувойке), рядом с которым упоминаются селения по реке Цне¹⁵. Высоцкая волость располагалась на территории части нынешнего Егорьевского района и ее центром было село Высокое (или Егорий Высокий) ставшее впоследствии городом Егорьевск. Первое Нареево входило в состав соседней Гуслицкой волости и от Егорьевска расположено довольно близко. Получается, что оба Нареева-Мереева находились рядом друг с другом. Скорее всего они обозначали примерную границу между мерей и мещерой в этой части Мещёрского края.

В местности Гуслицы протекает река Вольная, в старину именовавшаяся «Волна». Весьма сомнительно, чтобы имя свое она получила от славянского одноименного слова. В таком случае по этой реке должны были ходить волны, тогда как все другие окрестные речки представляли бы само спокойствие. На наш взгляд, здесь было бы важно провести параллели с аналогичными названиями в других финно-угорских, прежде всего мерянских местностях. А речка с именем Волма, имя которой крайне похоже на

¹⁴ Атлас Костромской области. М.: Арбалет, 2009. С. 13, 29, 30, 146.

¹⁵ Писцовые книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачова. Отд. 1. СПб., 1872. С. 571.

Волну, в начале XX века была известна в Кологривском уезде Костромской губернии¹⁶.

Говоря о мере на западе Мещёрского края, также нельзя обойти вниманием и название деревни Берендино, находящейся в Воскресенском районе Подмоскovie, кстати, не так далеко от реки Нерской. На наш взгляд, этот топоним следует связать происхождением с встречающимися в мерянских землях названиями «Берендеево». Есть ряд населенных пунктов с таким названием в Московской, Тверской, Ярославской, Костромской областях. Есть два Берендеевых болота – одно, наиболее известное, восточнее Переславля-Залесского, второе западнее города Клин. В северной части современной Московской области в старину известна административная единица – Берендеев стан. Еще по детским сказкам и «Снегурочке» А.Н. Островского нам известен народ «берендеи». Его мы встречаем и в русских летописях. Но в последнем случае берендеев традиционно считают тюрками – союзниками русских князей, а по Островскому видно, что берендеи были народом типичным для русской лесной глубинки. Но почему мы вдруг заговорили о произведении художественной литературы? Какое отношение оно может иметь к серьезным историческим вопросам? А вот, весьма прямое. Вспомним, что у Островского были и костромские корни. В детстве он слышал в том числе и костромские сказки. А в последних присутствовал и определенный пласт исторической памяти. Вспомним, что одно из Берендеевых находится недалеко от Костромы. При написании «Снегурочки» явно был использован забытый ныне сказочный народный сюжет.

Предки жителей селения Берендино вполне могли быть представителями мерянской народности берендеев, которые оказались в западной части Мещёры. Непонятно, относилась ли к берендеям вся местная меря, или же здесь речь может идти о какой-то небольшой группе, отделившейся от основного массива и обосновавшегося рядом с представителями другой мерянской общности.

В самом городе Воскресенск темы следов древнего финно-угорского населения края в своих изысканиях касается местный исследователь А.Н. Фролов. Он, опираясь на опубликованные работы

¹⁶ Список населенных мест Костромской губернии... С. 144.

и на собственный полевой материал, выявил следы финно-угорского населения, по его мнению мерянского или мещерского, в местном диалектном материале. Прежде всего в ныне исчезнувшей деревне Кладьково¹⁷. Последний он приводит, ссылаясь на работы начала XX века, прежде всего публикации Н.М. Каринского¹⁸. Учитывая тот факт, что в указанной местности протекает река Нерская, то материал явно происходит именно из следов мерянского языка.

Еще одним элементом традиционной культуры некоторых уголков Западной Мещёры, прежде всего местности Гуслицы, который явно является остатком именно мерянской культуры, являются «сосны колдунов». Несколько таких сакральных деревьев возле селений Гуслиц, по полевым изысканиям автора росли прежде возле деревень Степановка, Устьяново, Шувое (а также соседнее Нареево), Круглово, Мисцево. Вне гуслицкой территории «сосна колдунов» известна еще в 1940-х гг. в северной части Воскресенского района (бассейн Нерской!). О ней автору рассказал А. Фролов, собравший по тому уголку прекрасный полевой материал. В настоящий момент от них осталась разве что только историческая память местных жителей. Восточнее, в Шатурском районе, где уже собственно Мещёра в чистом виде, мне довелось встречать информацию о «дубах колдунов». Дуб, как сакральное дерево поволжско-финских народов, был характерен и для мещеры. «Сосны» же явно остались от какого-то другого народа, учитывая раннюю историю края – мери. Параллели можно было встретить во многих прежде мерянских регионах, например, в той же Ярославской области, в Мологском уезде¹⁹.

Но, вышерассмотренный регион явно не островок прежнего проживания мери среди мещерского и прочего населения, а уже часть собственно мерянской земли, хотя и ее пограничье. Хотя западнее р. Нерская, в южной части Орехово-Зуевского района, до сих пор существует селение с именем «Мещёры», но это уже островок

¹⁷ См., например, его главу «Вдоль по Нерской, по реке» в книге: Суслов А., Фролов А. Очерки истории Воскресенского края. М., 2012. С. 169–174; Фролов А.Н. О следах древнего финно-угорского языка в говоре жителей деервни Кладьково Воскресенского района Московской области // Мещёра-край. М., 2013. Вып. 3. С. 34–52.

¹⁸ См., например: Каринский Н.М. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. СПб., 1903.

¹⁹ Овсянников А. Замечательное дерево в Мологском уезде // Ярославские губернские ведомости, 1869. № 49 (неофиц. ч.).

мещерского населения, вкрапленный в мерянский массив. Возможно, что в этих краях проживали чересполосно оба народа.

Касаясь западной части Мещёры, хотелось бы коснуться и еще одного весьма загадочного уголка. Это местность Ялмать (Ялмоть, Ялмонть) в восточной части нынешнего Шатурского района, входившая прежде в Егорьевский уезд Рязанской губернии. Древний центр этой местности – погост Николо-Ялмонть – так и остался административно в Рязанской области. Еще в начале XX века Ялмать, административно входившая в Лекинскую и Архангельскую волости Егорьевского уезда (41 населенный пункт) была четко обособлена в диалектном плане и здесь сохранялись следы былого самосознания, выделявшего ее жителей от населения соседних мещерских уголков. Хотя диалектная и иная обособленность для мещёрских уголков явление очень характерное, Ялмать здесь была особенно интересна. В свете рассматриваемого вопроса, хотелось бы привести и мерянскую версию племенной принадлежности предков жителей Ялматы. Она может опираться только на сравнение названия края и протекающей через него реки Ялма с несколькими топонимами в исконно мерянской территории, в Костромской, Ивановской и Ярославской области. В последней мы видим реки Ильма и Ильмеж²⁰. В Любимском районе той же Ярославской области протекает река Малая Элнать, которая сливаясь с Большой Элнатью, текущую через соседнюю Костромскую область, образует реку Элнать, впадающую в Волгу²¹. Еще одна подобная река, только уже именуемая Ёлнать, течет через Кинешемский и Юрьевский районы Ивановской области, также впадая в Волгу. На ее берегу стоит старинное одноименное село, название которого местные краеведы трактуют как «желтые пески», выводя его из финно-угорских языков. (wiki.ivanovoweb.ru) Также южнее Юрьевца в Волгу (Горьковское водохранилище) впадает и река Эльма²². В Костромской области до сих пор сохранилось название реки Ильмовка и урочище Ильматик²³. Однако, здесь сразу же возникает множество параллелей в разных уголках финно-угорского мира: то же озеро Ильмень под Великим Новгородом, реки

²⁰ Атлас Ярославской области. М.: Арбалет, 2002. С. 36, 70, 99, 109.

²¹ Там же. С.25, 41; Атлас Костромской области. М.: Арбалет, 2009. С. 99.

²² Там же. С. 196.

²³ Там же. С. 12, 151, 168.

типа Илемна и проч. Совсем уж близкий топоним можно найти в Карелии – река Ялмас. Это говорит нам только о том, что река Ялма однозначно носит финское имя, но из какого именно языка оно происходит, так и остается открытым вопросом. Возможно, что предки жителей Ялматии были не мерей, а одной из групп муромы. Дело в том, что исстари в документах территория Ялматии и ряда соседних местностей писалась как «в Муромском сельце».

Еще очень важным для рассматриваемой нами темы уголком является территория прежнего Муромского уезда. Данная местность расположена уже вне Мещёры, здесь в древности жила в основном мурома, однако с Мещёрским краем она тесно связана не только географически.

В небольшой книге Н.Г. Добрынкина «Следы пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда, Владимирской губернии», вышедшей в 1896 году, есть важная для нас информация об археологических объектах, которые существовали в указанной местности. Здесь мы, в связи с такими местами, несколько раз встречаем названия урочищ типа «Мары» и «Моры». Эти топонимы находились по Оке и ее притокам: 1) урочище «Мары» и овраг «Марский» вблизи деревни Базарово и села Голянищево; 2) холмистая местность, которую крестьяне называли «Моры», ранее покрытая курганами, у деревни Битюково, в 13 с половиной вестах от Мурома; 3) урочище «Моры» на берегу реки Илемны, на котором было до двадцати курганов; 4) большой курган, который называли «Мары», вблизи села Талызино²⁴.

Эти названия «Мары» и «Моры», которые были известны еще в 1890-х гг., ныне уже давно забыты, поскольку уже в то время относились, как мы увидели, не к существовавшим селениям, или даже их частям, ни к водным топонимам, а к урочищам. XX же столетие из таких старых названий оставило крайне мало. Скорее всего, прежде, до того времени как памятниками местной древности заинтересовался Добрынкин, их было больше. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что данные топонимы относились к курганным группам, или же соседствовали с местами, где жители находили

²⁴ Добрынкин Н.Г. Следы пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда, Владимирской губернии. Владимир, 1896. С. 9, 20, 22, 28.

керамику или еще что-либо из артефактов. Причем большинство этих артефактов относились к финно-угорскому времени. Возможно, конечно, что «моры» касательно курганных групп, которые однозначно есть места погребения, происходит от русского «мор». Наверняка кое-кому из историков типа районных краеведов так и покажется. Но если попытаться разобраться серьезно, то «моры» или «мары» может происходить от имени древней группы, которая проживала здесь и оставила эти археологические объекты. И это имя уж слишком походит на «меря»! Возможно, что «моры» и «мары» – искаженное с течением времени в языке местных жителей изначальное «меря». Но, не исключено, что древние жители края (не из мери) и в древности именно так произносили данный этноним. Так можно предположить, что это – название локальной группы местной мери или какой-либо еще финской группы, которая жила в этих местах.

Также нельзя не привести и название речки Марьи (ныне – Марьинки), в Судогодском уезде, т.е. уже однозначно в глубине собственно Мещёрского края. Прежде здесь также существовал и Замаричский церковный приход²⁵. Однозначно, это название происходит не от женского имени, а по иной причине. Этой причиной может быть и память о проживании здесь небольшой группы древней мери. Кстати, севернее этой маленькой речки расположен населенный пункт Икшево. Сразу же возникают параллели с подмосковной р. Икша, южнее Дмитрова, которая расположена в мерянских землях (есть еще и река Икша на территории Республики Марий-Эл). Ближе Икшева к Марьинке стоит и деревня Шебаново. Населенных пунктов с таким названием можно немало встретить в местах проживания мери, например, в Павлово-Посадском районе того же Подмосковья.

Есть и еще один важный момент, который мог бы прояснить возникновение рассматриваемых топонимов. Добрынкин упоминает, со ссылкой на историческую память местных жителей два места в Муромском уезде, где ранее жили черемисы, т.е. марийцы²⁶. Хотя эти места расположены довольно далеко от Мурома, на расстоянии

²⁵ Атлас Владимирской области. М.: Арбалет, 2003. С. 97; Добронравов В.Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1897. Т. 4. С. 564.

²⁶ Добрынкин Н.Г. Указ. раб. С. 28.

около 63 верст (одно из них было у деревни Талыньское), но для древнего человека при редком населении края и налаженными связями между дальними с нашей точки зрения поселениями, да еще и по такой важной транспортной артерии, как Ока, преодолеть его было не так уж и сложно. Самоназвание черемисов-марийцев – «мари». Это также может объяснить происхождение топонимов «мары» и «моры». Черемисы, о которых рассказали Добрынкину, могли быть и древнейшим населением края, и более поздними поселенцами, времен миграций жителей разных регионов в новые места. Традиционные места расселения древних черемисов находились неподалеку от Муромского края. Они занимали, изначально, в том числе и огромную часть современной Нижегородской области. Черемисы немного заходили своим сплошным расселением на восток нынешней Ивановской области, о чем в «Историко-географическом атласе Ивановской области», на карте истории области в период раннего средневековья, показывает археолог П.Н. Травкин²⁷. Если к Мурому и не подходил массив сплошного марийского населения, то возле него спокойно могли существовать и небольшие марийские островки, появившиеся когда-то среди родственного муромского и, возможно, мещерского населения. О проживании на территории Владимирского края групп черемисов также говорят и названия нескольких населенных пунктов. Это: 1. деревня Черемисино Мугреевской волости и 2. деревня Черемиска Мстерской волости, обе – Вязниковского уезда, а также 3. деревня Черемисино Карачаровской волости Муромского уезда²⁸.

К сожалению, тема древнего финно-угорского населения Центральной России, включая и Мещёрский край, продолжает оставаться для нас «белым пятном». Для его ликвидации необходимы достаточные археологические, топонимические, фольклорные, письменные и иные сведения. Но, ими мы располагаем далеко не всегда. Тем не менее пытаться выяснить подробности об этом пласте истории России необходимо прежде всего потому, что без него не было бы того, что ныне считается русским народом, русской культурой.

²⁷ Историко-географический атлас Ивановской области... С.37.

²⁸ Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 58, 59, 145.

Разумеется, то, что мы выше рассмотрели далеко от полного рассмотрения картины пребывания мерянских групп на территории того пространства, которое мы привыкли именовать «Мещёрой». Данный вопрос нуждается в дальнейшем рассмотрении и освещении.

Сергей Сергеевич Михайлов

КАК ДЕРЕВНЯ МЕРЯ СТАЛА СЕЛОМ КАЗАНСКИМ. ИЗ ТОПОНОМИЧЕСКОЙ МЕРЯНСКОЙ ИСТОРИИ НА ЗАПАДЕ МЕЩЁРЫ

Во многих местах, где прежде поселения мери соприкасались с поселениями других народов, существовали населенные пункты, реки и другие объекты, которые носили названия, произошедшие от имени этого древнего народа. Подобные названия можно встретить и на востоке Подмосковья, где меря соприкасалась с мещерой, а позднее и со славянскими поселенцами. До сих пор одна из рек востока Мещёрского края носит имя «Нерская», а в не столь уж давнем прошлом она писалась как «Мерская», «Мерьская», «Мерзка» и т.п. В прежнем Богородском уезде ранее существовала и деревня, которая именовалась «Меря». Это селение сохранилось и сейчас, в Павлово-Посадском районе, только ныне оно именуется «Казанское». В данном повествовании нам хотелось бы рассказать о том моменте, когда эта смена названий имела место. В этом нам поможет небольшой архивный материал, который сохранился в Центральном Историческом Архиве Москвы (ЦИАМ).

Когда возникло селение Меря и до какого времени сохранялась мерянская группа, его населявшая, нам скорее всего не будет известно никогда. Как и у подавляющего большинства других древних сельских поселений центра России, между первым упоминанием о населенном пункте и его фактическим появлением может быть весьма большая разница. Когда в начале 2000-х гг. я собирал материал по истории Казанского храма, построенного в деревне в 1860-х гг., и беседовал с некоторыми старожилами, одна пожилая женщина так

объяснила мне прежнее имя села, которое, однако, ныне еще кто-то из стариков помнит. Она сослалась на своего отца, который ей когда-то говорил, что деревня именовалась «Меря», потому, что ее жители теперь русские, а когда-то были *меряки*. Последний вариант этнонима мне, например, не встречался прежде никогда. Ни женщина, ни отец, на которого она ссылалась, вычитать его из литературы не могли, в отличие от принятых имен «меря» и «меряне». Здесь можно предположить, что он мог быть распространен в данной местности и оставался какое-то время в памяти потомков. Мало того, женщина, также ссылаясь на рассказ отца, поведала, что меряки здесь жили не всегда. До них на этом месте обитали другие люди, которых называли *юрики*. От этих юриков, также по словам моей собеседницы, якобы остались курганы, расположенные восточнее Казанского. Однако, эти курганы были в свое время обследованы археологами и идентифицированы как славянские. Возможно, что в исторической памяти жителей, как это часто случается, возникла определенная путаница и разные иноплеменные соседи, юрики и славяне, поменялись местами. Возможно, что данная группа мери пришла сюда, в довольно позднее время, уже после славянской колонизации. А на месте основанного ими селения на каком-то этапе успела пожить какая-то славянская группа. На эти вопросы ответа уже никогда не получить. Здесь также не стоит забывать об источнике данной информации и, возможно, приведенная информация – плод выдумки какого-то местного грамотея, жившего не очень-то и давно. Впрочем, «меряки» могут быть малограмотно переименованным «меря» или «меряне», но с юриками здесь не совсем понятно. Их вроде бы подслушать никто нигде не мог.

К сожалению, разговор происходил более десятка лет назад и моих собеседниц, которым тогда уже было по много лет, явно уже нет на свете. В то время я особо не интересовался финно-угорской темой и поэтому не проявил внимания к рассказу и не попытался выяснить что-либо еще.

Сама же деревня Меря, под именем «Миря», впервые упоминается в Писцовых книгах второй половины XVI века: в волости Вохна «Дер. Миря на р. на Вохне...» «...крестьян 11 дв...»¹. Помимо этого

¹ Писцовые книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачова. Отд. 1. СПб., 1872. С. 87, 287.

селения там же упомянута и деревня «Старая Меря», уже именовавшаяся в то время Грибаново: «Дер. Грибанова, а Старая Мера тож, на рчк. на Вохонке <...> крестьян 5 дв., во дворе бобыль...»². Почему автор Писцовой книги одно селение назвал «Миря», а другое «Меря» («Мера»), непонятно. Возможно, здесь мы имеем дело с обычной опиской, каковых всегда было много. Не исключено, однако, что «миря» – местное название мери, или же название местной группы мери. Здесь также можно предположить, что первые обитатели Мери пришли из соседнего Грибанова, почему последнее и стало называться по отношению к новой соседней деревне «старым». Возможно, что вышеупомянутые юрики жили здесь как раз до появления мерянской деревни. Прежде они были соседями предков жителей нового селения, почему о них и сохранилась какая-то память. Разумеется, это в том, случае, если предание о «меряках» и «юриках» является частью исторической памяти, а не поздней сказкой.

Сохранялась ли в указанной местности в XVI столетии собственно меря, ныне сказать уже невозможно. Скорее всего, судя по тому, что возникли селения именно под таковым именем, ее, пусть даже и уже явно сильно обрусевшие остатки, еще жили здесь. Не будем забывать, что край, в котором возникли обе деревни, именовался и позже «Вохна», также называется и река, которая течет и через оба населенных пункта. Название явно меряно-финское и мерей ранее могли быть населены еще многие местные селения. Но, судя по всему, именно в Мере и Старой Мере (Грибаново) могли сохраняться последние остатки древнего, русеющего народа. Кстати, недалеко, чуть южнее, находится погост Троице-Чижи, вторая часть названия которого явно не связана с птицей, а перекликается с именем знаменитого карельского погоста Кижы. Скорее всего, этот погост когда-то был основным центром христианизации данного уголка Подмосковья и жившей здесь мерянской группы. Но центром местности «Вохна» был погост с храмом Дмитрия Солунского, ставший со временем селом Павлово (ныне – гор. Павловский Посад). Этот погост известен уже во времена московского князя Дмитрия Донского.

Селение Старая Меря могло возникнуть не слишком уж намного ранее более поздней Мери. Вряд ли это могло произойти ранее

² Писцовые книги XVI века / Под ред. Н.В. Калачова. Отд. 1. СПб., 1872. С. 87, 287.

начала XVI, самое раннее – XV столетия. Какой-либо информации по этому поводу не сохранилось. Оба рассматриваемых населенных пункта, а также и многие соседние селения, тянутся по реке Вохна (ныне – Вохонка), что может являться доказательством древности их происхождения, когда именно по рекам шло заселение края.

История возникновения в деревне Меря Казанского храма и переименования селения началась следующим образом. После поездки в находящуюся неподалеку от Вохны старообрядческую местность Гуслицы главы Удельной Конторы М.Н. Муравьева и его доклада императору, власти решили для борьбы с «расколом» на востоке современного Подмосковья основать четыре миссионерских монастыря. Работа по их созданию была поручена бывшему старообрядцу, строителю Николо-Берлюковского монастыря, иеромонаху Парфению (Агееву, 1805 или 1807–1878). Последний стал активно объезжать старообрядческие местности и, во время поездки по Запоторской и Игнатьевской волостям Богородского уезда, 25 февраля по старому стилю, наткнулся на деревню Меря. В этом населенном пункте в то время проживали и православные, и старообрядцы. Согласно архивным документам дела об устройстве новых монастырей (в конечном счете был основан только один монастырь – Спасо-Гуслицкий), Парфений нашел «...в деревне Мери православных, желающих построить новую каменную церковь, с открытием нового прихода, по причине значительного расстояния от существующих церквей...»³.

Приведенный выше момент говорит нам о том, что жители селения, вернее их православная часть, вознамерились соорудить храм еще до визита к ним Парфения. Его приезд лишь ускорил процесс: миссионер помог быстрее довести просьбу до духовных властей и скорее начать работу.

Почему посвящение храма было выбрано именно Казанское? Икона Казанской Богородицы была почитаема в этой местности и ранее. Рядом с храмом был источник ей посвященный. По преданию, в 1812 году русским отрядам здесь был явлен этот образ. Источник был весьма почитаем местными жителями, но ныне он загублен: в не

³ Центральный Исторический Архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 364. Оп. 1. Д. 6352. Л. 24 об. – 25.

столь уж давнее время некие доброты для «облагораживания» родника решили взять его в бетонные кольца. Это фактически и уничтожило чтимую святыню.

Еще один Казанский родник, также местночтимый, существовал возле Грибаново. Он славился как «глазной» и на нем получали исцеление зрения. Но в советское время его засыпали местные власти. Уже в 1990-х гг. его прежнее месторасположения не знали даже старожилы. Не исключено, что оба упомянутых родника могли почитаться еще в древности и поклонение им носило отнюдь не христианскую окраску.

Но вернемся к храму. Судя по архивным документам, дело строительства новой церкви началось вскоре после того, как в Мере побывал Парфений. Обнаруженное мною в архиве, в фонде Богородского Духовного Правления дело о построении храма начато 13 сентября (по старому стилю) того же 1858 года. Из него мы узнаем, что помимо обитателей рассматриваемой нами деревни, о сооружении в ней каменного церковного здания и учреждении при нем самостоятельного прихода, хлопотали также и жители соседних: Криулино, Грибаново, Сонино, Игнатово, Фомино, Дмитрово. Все селения, включая и Мерю, входили в состав прихода церкви Воскресения в Павловском Посаде. Свою просьбу крестьяне мотивировали тем, что павловский храм им не подходит «...по дальности расстояния их селений от приходской церкви и по неудобствам сообщения с нею и причтом...». Храм изначально просили разрешить построить именно каменный, с двумя теплыми приделами, каменной колокольной. При нем сразу должен был быть учрежден самостоятельный приход с причтом из одного священника и двух причетников.

На построение новой церкви, по смете, требовалось 14 588 рублей серебром. Проживавшие в местных селениях богородский купец 3-й гильдии Яков Егорович Рудаков и московский 3-й гильдии купец Семен Иванович Салтыков, сразу жертвовали 10000 руб., а также брали на себя обязательство помогать строительству и в остальное время. Также обязались жертвовать на это дело и остальные крестьяне деревень, откуда были просители⁴. К 1864 году новая Казанская церковь была построена и освящена.

⁴ ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 620. Л. 1–12.

В марте-апреле 1864 года московские светские и духовные административные структуры в своих списках и ведомостях начали менять старое название «Меря», на новое — «Казанское». К тому моменту уже последовал Указ Его Императорского Величества Александра Второго об официальном переименовании селения. По идее, сооружение храма в прежней деревне не означало автоматического переименования. В архивных документах причина смены имени названа прямым текстом: «...деревня Меря, Богородского уезда, Игнатьевской волости, переименована в село Казанское, согласно приговору крестьян оной деревни...»⁵. Так что в данном случае инициатива исходила не от духовных или светских властей, а снизу, от самих жителей населенного пункта. Чем им не нравилось прежнее имя, до наших дней точной информации не сохранилось. Анонимный автор заметки в уездной газете «Богородская речь» в 1911 году писал, что «...когда задумали строить церковь в “Мере”, местные умники, нисколько не знакомые с историей края, нашли это старинное название неблагозвучным и присвоили новому селу название Казанского...» В этой же заметке отмечалось, что на момент ее написания в простонародье селение чаще все же именовалось старым именем⁶. Возможно, дело здесь и в самом деле в местных «умниках», которые стеснялись имени селения, здесь надо сразу вспомнить вышеприведенный материал из архивного дела о переименовании селения. Не исключено, что местных крестьян кто-то надоумил. Обычно сельские общества были консервативны, в том числе и к привычным именам родных населенных пунктов. К сооружению храма они стремились явно искренне, но его существование в селении совершенно не мешало сохранению имени прежней деревни.

После построения храма два названия в разных документах и изданиях еще долго сосуществовали вместе. Название населенного пункта часто писалось «Казанское-Меря». Но бывали случаи, когда древняя часть игнорировалась. Уже в 1880-х гг. селение часто именовалось просто «Казанским»⁷. Причем чаще это можно встретить в

⁵ ЦИАМ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 839. Л. 2.

⁶ Село Казанское (дер. Меря) // Богородская речь. Ногинск, 2011. № 10. 7 апр.

⁷ См. например: Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1884. Т. IX. Народное образование. С. 572; Московская губерния по местному обследованию. 1898–1900 гг. М., 1903. Т. 1. Вып. 1. С. 38-39.

светских изданиях. К примеру, в сведениях о различных предприятиях по Московской губернии, а в рассматриваемом нами населенном пункте было шесть парчовых заведений, о «Мере» не вспоминается совершенно, а пишется во всех шести случаях только село Казанское⁸. Однако, иногда можно было встретить: «С. Меря (Казанское), Казанского сельского общества»⁹. Село еще Меря, но сельское общество уже было Казанским. На вышедшей в 1871 году «Карте раскольничьих селений Московской губернии», населенный пункт обозначен под своим старым именем «Меря», без всякого «Казанского». Здесь, согласно условному значку, не менее $\frac{1}{4}$ населения исповедовало старую веру¹⁰. Кстати, указанная «Карта...» чуть ли не единственный источник, созданный светской структурой, который упоминает лишь исконное название, напрочь проигнорировав новое официальное имя.

В целом, если посмотреть на разные источники, то получается, что светские структуры и издания весьма быстро постарались забыть древнее название селения. Церковные же источники наоборот, довольно долго использовали в названии старое имя наряду с новым. Возьмем, к примеру, описание поездки по епархии викарного епископа Можайского Игнатия 1870 года. Село он посетил 4 сентября по старому стилю. Там сказано, что «...преосвященный слушал литургию в Казанской церкви села Мери»¹¹. Видно, что церковный источник проигнорировал официальное переименование населенного пункта, которое было за шесть лет до этого, и при Казанском храме село называл именем прежней деревни.

Регулярно рассматриваемый населенный пункт именовался «Село Казанское-Меря» или «Село Казанское, Меря тож» в клировых ведомостях и прочих церковных документах. Например, в клировой ведомости за 1903 год, церковь именуется «Казанской Божией Матери,

⁸ Сведения о фабриках и заведениях Московской губернии. М., 1885. С. 106–111.

⁹ Сведения о селениях и жителях Московской губернии. М., 1873. Т. I. Богородский уезд. С. 40–41.

¹⁰ Карта раскольничьих селений Московской губернии. Издание Московского губернского и столичного статистического комитета. М., 1871.

¹¹ Из путешествия преосвященного Игнатия, епископа Можайского, викария Московского, по епархии Московской // Московские епархиальные ведомости. М., 1870. № 40. С. 6.

что в селе Казанском – Меря тож»¹². В официальной епархиальном издании – «Московских церковных ведомостях» (в 1869–1879 гг. выходили под названием «Московские епархиальные ведомости»), к примеру, в 1908 гг. в связи с кадровыми перемещениями и проч., населенный пункт и храм в нем упоминается четыре раза и во всех случаях как «с. Казанское-Меря»¹³. Это говорит о том, что для епархиальных структур населенный пункт представлялся, вопреки светскому наименованию, более под двойным именем. Однако, и здесь можно встретить исключения: в 1885 году село один раз назвали просто «Казанским». Такой же момент мы встретили и в одном из номеров за 1889 год¹⁴. Если просмотреть «Ведомости...» за начало XX века, то, когда речь заходит о рассматриваемом населенном пункте, мы видим и церковь «Казанскую села Казанского», как это было в 1913 и в 1915 годах¹⁵. Интересно, но еще в период «Московских епархиальных ведомостей», в 1875 году, церковь была названа «Казанской села Мери»¹⁶.

В 1882 году приход изыскал средства для сооружения при храме каменной колокольни и подал об этом прошение в Московскую Духовную Консисторию. В кратком деле мы неоднократно встречаем и наименование населенного пункта. Само дело, по надписи на обложке, называется «Дело о постройке колокольни при Казанской, села Казанского, церкви, Богородского уезда». Также и в прошении заявителей, а именно священника Василия Виноградова и церковного старосты Филиппа Егоровича Рудакова, церковь именуется «...Казанской села Казанского...». В документах дела мы также встречаем «село Казанское», но один раз, в том же длинном тексте, где фигурирует неоднократно новое наименование селения, видим «...в селе Казанском, мери тож...»¹⁷.

¹² ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 465. Л. 81.

¹³ Московские церковные ведомости: Офиц. отд. М., 1908. № 15–16. С. 103; № 25; № 29; № 36; 1880. № 28 (офиц. отд.); № 33 (офиц. отд.).

¹⁴ Московские церковные ведомости: Офиц. отд. М., 1885. № 26. С. 7. 1889. № 10: Офиц. отд.

¹⁵ Московские церковные ведомости, 1913. № 19. Офиц. отд.; 1915. № 16.

Офиц. отд.

¹⁶ Приложение к № 42 «Московских епархиальных ведомостей». М., 1875. С. 3.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 452. Д. 10. Л. 1–8.

Тем не менее, если разобраться, в церковных источниках старое название селения задержалось относительно надолго, тогда как подавляющее большинство светских источников его забыли быстро. Здесь еще можно привести пример и «Населенных местностях Московской губернии» 1913 года, где также село показано как Казанское, без всякой Мери¹⁸.

В начале XX столетия, в уездной газете «Богородская речь», которую выше мы уже цитировали, мы обнаружили несколько заметок, посвященных селу Казанскому. Последнее в них именовалось по разному. Та заметка, которую мы приводили, сохраняет двойное имя и называется «Село Казанское (дер. Меря)». Но, если мы прочитаем эту статейку, то увидим, что анонимный автор уделяет большое внимание и древнему народу, отсюда и такой заголовок¹⁹. В другой заметке, опубликованной в следующем 1912 году, село просто названо «Казанским», без какого-либо воспоминания о Мере²⁰. В начале того же года именно таким же образом обозвано село в заметке о юбилее местной школьной учительницы Ю.М. Савельевой. Однако, в следующем, 1913 году, в заметке об инциденте с Казанским храмом (в приходе возник конфликт из-за того, что прихожане выступили против Московской Духовной Консистории, отказавшейся утвердить избранного старосту Н.Ф. Рудакова, вина которого заключалась в том, что он «...купил для своей церкви свечи не у епархиального завода...»), мы читаем «...в с. Казанское Меря...», хотя в заголовке статьи указано только с. Казанское²¹. Авторы газетных заметок были лицами, прежде всего, независимыми и, что самое важное для нас, отражали реальное положение дел. Посему то, что мы видим по их заметкам является реальным отражением ситуации, которая существовала с названием в то время. Село в представлении населения Богородского уезда уже Казанское, но о Мере еще часто вспоминают.

В советское время, как это не покажется странным, позднее церковное название окончательно вытеснило старое, «светское».

¹⁸ Населенные местности Московской губернии. М., 1913. С. 80.

¹⁹ Село Казанское (д. Меря)...

²⁰ Село Казанское // Богородская речь, 1912. № 29; Село Казанское. Юбилей // Там же. № 5.

²¹ Село Казанское. Полиция в церкви // Богородская речь, 1913. № 9. 23 февраля.

По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года, опубликованным в 1929-м, село Казанское поименовано уже без всякого «Меря». В нем проживало 616 жителей²².

Село Казанское административно находится в Павлово-Посадском районе Московской области. Это относительно большой населенный пункт, связанный автобусным сообщением с райцентром и станцией «Фрязево» Горьковской железной дороги. Существует и железнодорожная платформа «Казанское» той же ветки, однако она ныне крайне неудобно расположена относительно села и от нее надо идти несколько километров пешком по малоиспользуемым тропинкам. Казанский храм в селе сохранился и не функционировал всего несколько военных лет, когда прихожане и монашки павлово-посадского Покрово-Васильевского монастыря, проживавшие в населенном пункте после разорения обители, скрывали ключи от властей, дабы избежать разгрома церкви. Старообрядцы продолжали составлять значительный процент жителей Казанского. В одном из богатых домов была устроена моленная, восточнее церкви, по реке Вохонке, до сих пор сохранилось отдельное кладбище, считающееся «старообрядческим». Оно относительно большое, что свидетельствует о довольно большой общине и захоронения здесь совершаются до сих пор. Однако, они производятся «по инерции» выходцами из местных старообрядческих семейств, большинство из которых о вере отцов уже забыли. Внешне это кладбище, в отличие от старообрядческих мест захоронения в Гуслицах, ничем не примечательно. Здесь почти не найти никаких специфических могил, с осьмиконечными крестами и другими узкоконфессиональными атрибутами. В первой половине 2000-х гг. я увидел лишь несколько могил, на холмиках которых лежали камни, типичные для захоронений Гуслиц.

Следует сказать в завершении нашего повествования, что ни в 1990-х гг., когда стало активно развиваться краеведческое движение, ни позже, никто в Павлово-Посадском районе и в самом Казанском не поднимал вопрос о том, чтобы вернуть селению его исконное имя, или даже снова сделать двойное название – Казанское-Меря...

²² Справочник по населенным местам Московской губернии. По материалам Всесоюзной переписи 1926 года. М., 1929. С. 42.

*Разные времена – разные указатели. Платформа «Казанское».
Верхнее фото 2000 г. Нижнее фото 2013 г., С.С. Михайлов*

«ГУСЛИЦЫ» И «ТУГЛИЦЫ» ИМЕНА ДВУХ ИСТОРИЧЕСКИХ МИКРОРЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ МЕЩЁРЫ

Прошлое микрорегионов, которые имели неофициальное существование, по праву представляет особенный интерес. Многие древние микрорегионы, имеющие разное происхождение, вернее, разные причины своего возникновения, дали начало каким-то более поздним административным образованиям: волостям, станам и т.п. Многие же, просуществовав какое-то время, постепенно исчезли из памяти потомков. В данном повествовании нам хотелось бы поговорить о двух таких древних микрорегионах, вернее об их именах. Один из них стал древней волостью, впервые упоминаемой при московском князе Иване Калите, другой так и получил в развитие в виде административной единицы, хотя о нем помнили еще в начале XX столетия.

Касательно первого микрорегиона, то это – волость Гуслица, просуществовавшая довольно долго и исчезнувшая в ходе очередных административных преобразований. В дальнейшем на базе древней волости развился известный старообрядческий регион «Гуслицы», в который вошла уже куда большая территория. Предположительно, волость получила имя от реки Гуслица (левый приток р. Нерской), в нижнем течении которой она находилась. Центром волости был Ильинский погост, который до начала XX века также носил и параллельное имя – «село Гуслицы». Одним из его исторических названий было и «погост на Гуслице», это при том, что от реки данное поселение находится на каком-то расстоянии. Последний факт может также намекать на то, что «Гуслица» уже в раннее время было не только именем реки, но и определенной местности, которая и стала затем административной волостью.

При внимательном ознакомлении с топонимом «Гуслица» видно, что корень у него однозначно финский, а конечная часть слова уже славянизирована. Как мы уже сказали, река Гуслица впадает в реку Нерскую. Эта же река в прошлом называлась «Мерская», «Мерьская», «Мерзка», т.е. «река мери». Из вышеприведенного следует,

что по этому водоему ранее, до окончательного сложения местных древних племен в русские, проживал анклав народа меря. Следовательно, и основа топонима «Гуслица» явно происходит из мерянского языка, или какого-то его диалекта. Об этом языке мы почти не имеем никакого представления и даже толком не можем сказать, к какому именно финскому подвиду он относится. Явно меря не была частью поволжско-финского мира, а также явно она не принадлежала к прибалтийским финнам. Возможно, меря являла собой группу этносов, которую правильнее было бы отнести к особой ветви, к своеобразным «центральным финнам».

Но что же может означать основа названия реки Гуслица? Последняя часть слова однозначно славянская и была добавлена в речное имя позднее, когда более сложный и труднопроизносимый финский топоним надо было упростить. А по поводу корня слова, то здесь нам легко найти объяснение из современных финских языков. И в Интернете, и в устных беседах заинтересованных лиц можно найти объяснение из современного финского (финского-суоми) языка, как происходящее от слова *kuusi* в значении «ель»¹. Это весьма логично, поскольку елей традиционно по берегам Гуслицы было немало. Кстати, та же причина имела место быть и в случае с именем другой мещёрской реки – Гусь, по берегам которой возникли знаменитые промышленные центры Гусь-Хрустальный и Гусь-Железный. В весьма близком к финскому-суоми карельском языке «ель» также будет – «куузи»². Похожее слово мы встречаем и в языках поволжских финнов, поселения которых начинались фактически в этих же местах: мещера была частью мордовско-эрзянского мира. В эрзянском языке ель будет «куз», ельник – «кузбуло»³. Также («куз») «ель» звучит и в мокшанском языке⁴. По-марийски это, интересующее нас слово, будет «кож» (ельник – «кожер») ⁵. В пермско-финских языках «ель» будет звучать следующим образом: «кыз» – по удмуртски,

¹ Русско-финский словарь / Сост. Н.Ф. Рождественский. М., 1935. С. 158.

² Русско-карельский словарь / Сост. М.Д. Георгиевский. СПб., 1908. С. 22.

³ Эрзянско-русский словарь. Русско-эрзянский словарь. Саранск, 1993. С. 223.

⁴ Щанкина В.И. Мокшанско-русский словарь. Русско-мокшанский словарь. Саранск, 1993. С. 253.

⁵ Русско-марийский словарь. (Йошкар-Ола), 1941. С. 35; Балдаев Х.Ф. Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола, 1983. С. 26.

«коз пу» – по коми и «коз» по коми-пермяцки⁶. Таким образом мы видим, что это слово, пусть даже и бытующие в разных вариантах, практически общее для всех финских языков. В варианте похожим на эрзянское и мокшанское «куз» и финское *kuusi*, слово «ель» могло бытовать и в мерянском языке. Может быть, мерянское слово звучало как «гус» или «кус». Но, вероятнее всего, в более позднее время древнее название было трансформировано во что-то более близкое по звучанию русскому языку. В вышедшем в 2013 году словаре «Merjan jelma. Мерянский язык», в котором Андрей Малышев, опираясь на уже известные сведения, попытался воссоздать некую картину мерянского языка, слово «ель» обозначает по-мерянски как «куж», «куз», «кузь»⁷. Однако, к данному источнику следует относиться достаточно критически. Да и Малышев приводит ссылки на топонимы разных мерянских регионов, где однозначно существовали разные диалекты, а то и вообще разные мерянские языки. «Ельник» он переводит как «кожер» (как и в марийском – С.М.), «куза». В Подмосковье, как происходящий отсюда современный топоним, Малышев приводит название населенного пункта «Кошерово», входившего в Бронницкий уезд⁸. Но, учитывая созвучие этого варианта («кожер») марийскому слову, надо бы предположить, что он мог бытовать у тех мерянских групп, которые жили недалеко от марийцев. Вряд ли имя реки «Гуслица» могло произойти от него. А вот вариант «ельника» «куза» речке Гуслице весьма близок... Здесь все-таки следует не забывать, что современные попытки воссоздания элементов исчезнувшего языка могут мало напоминать то, что было когда-то в реальности. В мещерском же языке слово «ель» вообще могло быть идентичным эрзянскому. Получается, что эта версия является наиболее вероятной для объяснения происхождения названия и реки Гуслица, и местности, которая возникла в ее нижнем течении.

Теперь о другом мещерском топониме, который в отличие от предыдущего, не стал именем административной единицы и мы узнали о нем фактически случайно. Это – Туглицы, под которыми ранее подразумевали некую территорию вокруг города Егорьевска. О точных, и

⁶ Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Игушев Е.А., Аксёнова О.П. Сравнительный словарь пермских языков. Сыктывкар, 2008. С. 68.

⁷ Малышев А.М. (Мерянин). *Merjan jelma*. Мерянский язык. М., 2013. С. 53.

⁸ Там же.

даже о примерных границах Туглиц мы теперь вряд ли когда-либо узнаем. Они никогда не фиксировались официально, а современное население прежнего Егорьевского уезда, в составе которого Туглицы оказались после 1778 года, об этом имени ничего уже не помнит.

Нам о Туглицах стало известно следующим образом. В начале 2000-х гг., во время поиска материалов о Гуслицах в газете «Московский листок» за 1880-е гг., я несколько раз натыкался на заметки, которые были посвящены Егорьевску и его окрестностям. Там упоминалось название «Туглицы», которое поначалу легко можно было принять за неправильно написанное «Гуслицы». Однако, во всех «туглицких» заметках речь шла именно о егорьевских окрестностях и гуслицкие селения здесь не фигурировали вообще. В одной из заметок упоминаются и гуслицкие конокрады, сотрудничавшие с коллегами из егорьевской Нечаевской волости, и здесь же, касательно именно егорьевской территории мы дважды встречаем слово «Туглицы»⁹. «В Туглицах, в этом обширной кустарном районе...» читаем мы в другой заметке¹⁰. В одной из заметок за 1885 год мы встречаем пояснение, что «...из Туглиц – фабричная местность в Егорьевском уезде Рязанской губернии...»¹¹.

Последнее упоминание о Туглицах нами обнаружено уже в 2013 году, при изучении подшивок газеты «Богородская речь» за 1912 год. В одном из материалов, посвященных Дорховской волости Богородского уезда Московской губернии (эта волость – восточная часть Гуслицкого края), есть упоминание о находящейся восточнее станции «Запутная», «...расположенной в Туглицах, и соседнем Егорьевском уезде...»¹². Железнодорожная платформа «Запутная» и давшая ей имя соседняя деревня находятся в северной части прежнего Егорьевского уезда (сейчас эта местность входит в состав Орехово-Зуевского района). Получается, что в Туглицы входили не только непосредственные окрестности гор. Егорьевска, но и относительно отдаленные уголки.

Имя этого таинственного края известно и некоторым краеведам, которые, однако, вовсе не стремились выяснить о нем хоть какие-то подробности. Так, в рязанского исследователя Н. Аграмакова, в книге

⁹ Егорьевский уезд (Рязанской губернии) // Московский листок, 1884. № 266. 26 сент.

¹⁰ Егорьевск, Рязанской губ. // Московский листок, 1885. № 47. 16 фев.

¹¹ По фабричному делу // Московский листок, 1885. № 278. 7 окт.

¹² А-в. Из Дорховской волости // Богородская речь. Богородск, 1912. № 39. 23 сент.

«Прогулки по Рязани», мы читаем: «Часть “длинных обозов”, минуя Спас-Клепики, направлялась в **Туголицы** (выделение мое – С.М.) – Дмитрий Салынский – Фрол, в Егорьевский уезд (бывш. Ряз. губернии) и обратно»¹³. К сожалению, данный момент не снабжен цитируемым автором какой-либо ссылкой, откуда он почерпнул эти сведения. Здесь важнее и приведенный вариант «Туголицы», если, конечно же, Аргаматов не допустил ошибку. «Дмитрий Салынский» – это Дмитровский погост, «Фрол» – погост Радушкино, также в восточной части Егорьевского уезда. Однако, подробностей о том, что из себя этот загадочный край представлял, мы не видим. Можно сделать лишь предположение, что он явно был не такой уж и маленький и охватывал довольно большую часть Егорьевского уезда. Но, Дмитровский погост – центр местности «Коробово», Радушкино-Фрол тоже расположено рядом, поблизости от того же Коробово и другой местности – Ялмать. Нам кажется сомнительным, чтобы эти местности могли бы быть частью Туглиц.

Возможно, в ходе исследовательской работы будут выявлены новые упоминания о Туглицах, которые будут содержать пока неизвестную нам информацию. Тогда сведения об этом забытом таинственном крае расширятся.

С Туглицами ситуация практически такая же, что и с Гуслицами – финский корень и славянское окончание. Касательно происхождения первой части топонима «Туглицы», то, на наш взгляд, она происходит от слова «хмель». Подобное слово мы встречаем в пермско-финских языках: «туг» (удмурт.), «таг» (коми, коми-пермяц.)¹⁴.

Но, почему именно хмель? Для изучения того или иного топонима, как известно, помимо лингвиста, также необходимо участие историка и географа. Так вот, с точки зрения и того и другого специалистов, «хмелевая» версия находит весьма обоснованное подтверждение. В том регионе, куда входят Туглицы, традиционно было развито хмелеводство. При местных скудных почвах эта культура одна из очень немногих, которая росла весьма неплохо. В окрестностях Егорьевска, до развития фабрик и кустарного дела, именно хмель кормил жителей.

¹³ Аргаматов Н. Прогулки по Рязани. Рязань, 2009. С. 202.

¹⁴ Сравнительный словарь пермских языков... С. 241.

В восточной части прежнего Егорьевского уезда, а ныне в Шатурском районе Подмосковья, есть древний погост Туголес, поглощенный в настоящее время соседней деревней Лузгарино. Касательно второй части этого топонима – это тема отдельного исследования. Но точно можно сказать, что с русским словом «лес» она

не связана никоим образом. Некоторые краеведы, настроенные славянофильски, объясняют данный топоним как лес, в который приходили тужить по усопшим и убиенным. Разумеется, такая «версия» может вызвать только улыбку. Подобной традиции, выбирать специально для грусти и «тужения» особые леса, ни в этом крае, ни в какой-либо другой местности не известна. Зато, по словам прекрасного знатока Мещёры, Дмитрия Павловича Барскова, неоднократно бывавшего в шатурских лесах, вблизи Туголеса, по лесным чащам, можно встретить весьма значительно количество дикого хмеля. Это – весьма значительный аргумент в пользу хмелевой версии происхождения данного названия.

Кстати, на наш взгляд, именно благодаря хмелю появилось и название «Туговой горы» в черте современного Ярославля. В 1257 году при ней произошло битва с татарским отрядом, крайне неудачная для русских. Посему в официальной традиции происхождение названия производят от того же самого тужения по убиенным воинам. Но, тогда почему подобного географического имени не возникло нигде более, в местах неудачных сражений и гибели большого числа воинов. Скорее всего, Тугова гора имела свое название и до печально памятной битвы, которая-то и случилась «при Туговой горе», а не гора потом стала «Туговой». Хмель растет и в ярославских землях, посему и гора когда-то могла быть заросшей лесом, в котором было много дикого хмеля. Да битву при Туговой горе считают легендарной, или полуполегендарной. Не факт, что этот неудачный подвиг русского оружия вообще имел место. Культ Туговой горы и связанные с поминовением моменты возникли уже в куда более позднее время.

Но, здесь сразу же возникает вопрос, а из какого языка происходит топоним «Туглицы»? Из языка местной мери, или же из языка мещеры? Последняя явно была по своему происхождению близкой эрзе и говорила на языке – диалекте эрзянского. Однако, если мы посмотрим в уже известные нам словари современных финских язы-

ков, то увидим следующее. В том же эрзянском языке слово «хмель», в его ботаническом варианте (т.е. не в значении «опьянение») будет «комоля»¹⁵. В мокшанском языке хмель будет – «комля»¹⁶. В марийском языке данное растение называется: «умла», «ымыла»¹⁷. В современном финском-суоми языке хмель именуется двумя вариантами обозначения: *humala* и *raihtumys*¹⁸. В мерянском словаре А. Малышева слово «хмель» показано как «омла»¹⁹. Этот автор даже приводит топоним, который произошел от данного слова – название деревни Омлево... Однако, очень многое из данного словаря следует воспринимать с осторожностью. Да и у разных групп того, что мы именуем «меря» могли существовать разные названия.

Даже невооруженным взглядом легко определить, что «комоля», «умла» и тем более *humala*, так или иначе похожи на русское «хмель». Таким образом, данное слово в этих языках могло быть заимствовано на каком-то этапе предками финнов у индоевропейцев, тех же славян. Тогда у пермских финнов, а возможно и у групп мери и родственной эрзи мещеры, сохранялся древний финский вариант обозначения этого растения.

Место, где находится погост Туголес находилось явно в краях, где проживала уже мещера... Но, та часть Мещёрского края, которая входит ныне в состав Шатурского района Подмосковья, в дорусское время была не моноэтнической. Еще в XX столетии сохранялось некоторое противопоставление жителей разных уголков этой местности. Так, к примеру, жителей тех же Коробово и Ялмати обитатели района Кривандино дразнили «литвой». Последнее может означать и балтскую принадлежность их предков, и просто тот момент, что они принадлежали к иному этносу. Например, в районе Муромы «литвой» позднее называли мордву, которая к балтам уж точно не имеет никакого отношения. Таким образом, в Шатурском крае прежде могли чересполосно проживать и мещера, и меря, большой анклав которой находился чуть западнее, по реке Нерской.

¹⁵ Эрзянско-русский словарь... С. 377.

¹⁶ Шанкина В.И. Мокшанско-русский словарь... С. 438.

¹⁷ Балдаев Х.Ф. Русско-марийский словарь биологических терминов... С. 96.

¹⁸ Русско-финский словарь... С. 786.

¹⁹ Малышев А.М. Указ. раб. С. 73.

Дмитрий Павлович Барсков
*кандидат технических наук,
председатель Содружества исследователей
Мещерского края «ГеоШушмор»,
член Союза краеведов России,
член Союза писателей России*

ПОЧИТАЕМЫЕ КАМНИ МЕЩЕРЫ

Памятники мегалитической культуры

Изучение священных и культовых камней на территории центральных областей европейской части России уже имеет свою историю (А.В. Платов, Мегалиты Русской равнины. М.: Вече, 2009 год). Усилиями нескольких поколений ученых-исследователей, и прежде всего замечательного краеведа Сергея Николаевича Ильина из города Шуя Ивановской области, во второй половине XX века были выявлены и взяты на учёт сотни почитаемых камней на территориях, прилегающих к Мещерскому краю. Примерно с середины 1980-х годов стали появляться публикации, посвященные уже не отдельным камням (знаменитый Синь-Камень на берегу Плещеева озера, Конь-Камень на берегу реки Красивая Меча), но культовым комплексам (святилищам), главными элементами которых являются священные камни (святилище на реке Кимерше в Московской области, Краснохолмское святилище возле истоков реки Непрядвы в Тульской области). Одновременно появились исследовательские работы, свидетельствующие о существовании на Русской равнине глобальных мегалитических комплексов, имевших, помимо традиционно культовых, функции астрономических обсерваторий (А.В. Платов). Был сделан важнейший для дальнейших поисков **вывод о существовании на территории Центральной России единой и значительной мегалитической культуры, являющейся важным элементом традиционной культуры и вообще сакральной Традиции в частности. Эта единая культура, в рамках которой были объединены все известные памятники такого рода – от небольших камней-«следовиков» и камней-«чашечников» до потрясающих воображение большеразмерных каменных комплексов в десятки тонн весом, получила название мегалитической.**

В настоящее время российскими учёными накоплены академические знания о памятниках мегалитической культуры – по отдельным валунам и целым мегалитическим сооружениям. Под мегалитическими сооружениями по общепринятому правилу подразумевают «большие камни» или комплексы из них, несущие следы человеческой деятельности: рукотворный характер таких сооружений, нанесённые изображения, ориентация отдельных валунов относительно сторон света или небесных светил. Таким образом, следует говорить не просто об отдельных памятниках времён язычества, но о некой цельной древней культурной и культовой Традиции, связанной со священными камнями.

Неолит длился с V до середины II тысячелетия до н.э. Каменному веку был характерен матриархат. В этот период люди поклонялись и почитали Великую Богиню Лосиху, что зафиксировано на одном из мегалитов Мещёры в виде наскального изображения. У почитаемых камней проводились магические обряды перед охотой, рыбной ловлей и т.п.

Бронзовый век, начавшийся в середине II тыс. до н.э., сохранил сложившийся образ жизни людей, основой которого являлось скотоводство. Но уже появились изготовление орудий и украшений из бронзы, строительство длинных домов, курганные и кремированные захоронения. Исторические источники указывают на то, что и древние славяне, и древние балты почитали камни. Финские народы, заселявшие территории Поволжья и Поочья, тоже поклонялись камням, деревьям, источникам, почитали священные рощи и жертвенные камни. Менялись времена, менялись племена, неизменными оставались только камни – самые стойкие хранители следов исчезнувших эпох... Культура священных камней была одним из важнейших элементов сакральной традиции славян в I тысячелетии н.э. То же самое относится к финно-угорским народам (меря, мордва, мурома, черемисы), предшествовавшим славянам (вятичи, кривичи) или проживавшим позднее рядом с ними как на территории Мещёры, так и за её пределами.

Заповедный край Мещёрской низменности до недавнего времени не рассматривался в качестве полноценного мегалитического региона, но, тем не менее, культ камней здесь до сих пор сохраняется и при этом имеет свои специфические черты, связанные с природно-географическими особенностями. Широкое распространение здесь

получили песчаные гряды, которые в шатурской Мещере называются – *гривы*, а во владимирской – *острова*. Они имеют формы водно-ледниковых равнин с песчано-грядовыми возвышениями, на которых в послеледниковую эпоху возникли поселения «мещерских первопроходцев». Главные водные артерии Мещеры (Пра, Гусь, Колпь, Бужа, Польш и Поля) стали в далёком прошлом самыми надёжными путями-дорогами, сокращая расстояние между княжествами Древней Руси. Путь между Рязанью, Коломной и Владимиром пролегал также по лесным дорогам от *острова* до *острова*, пересекая реки, обходя озёра, минуя болота...

Кто сказал, что в Мещере нет мегалитов? Да сколько угодно! Нет, конечно, не в заболоченных низинах и марях, а на песчаных *гривах*. В древнейшие времена из множества собранных в округе камней складывали святилища – места поклонения обожествлённым силам Природы, которые в более поздние времена являлись капищами языческим богам. Отдельные валуны внушительных размеров сами служили алтарями, их обожествляли, как необычные для этих мест объекты природы, как дары богов. Священные камни являлись уникальной частью культурного ландшафта Мещеры, несущего отпечатки идущей из глубины веков живой традиции взаимодействия человека и Природы. Сформировавшиеся здесь сакральные объекты мегалитической культуры являются во многом сплавом верований и представлений населявших Мещеру финно-угорских народов и славян. В местах расположения мегалитических святилищ, ритуальных камней и языческих капищ с приходом христианства возводились первые деревянные православные церкви. Однако на территории Мещеры ещё в течение нескольких столетий существовало *двоеверие* и сохранялись «отголоски язычества», в том числе и в форме поклонения священным камням.

В процессе самостоятельных экспедиционных поисков возникло тесное взаимодействие группы энтузиастов Содружества исследователей Мещерского края «ГеоШушмор» (к.т.н. Д.П. Барсков) со специалистами Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (к.г.н. Бронникова В.К.), института Археологии РАН (к.и.н. В.В. Сидоров), Национального Парка «Мещёра» (З.Н. Дроздова), Историко-художественного музея города Гусь-Хрустальный (Н.И. Скулов) по изучению обнаруженных мегалитов и валу-

нов. Всего участниками Содружества «ГеоШушмор» (*Земля Шушмора*) в ходе экспедиций 2008–2012 годов по Мещере на сопредельных территориях Владимирской, Московской и Рязанской областей открыты и исследованы десятки каменных объектов, которые можно отнести к категории уникальных памятников мегалитической культуры. К их числу относятся отдельные почитаемые камни (следовики, чашечники, межевые и пограничные валуны), каменные святилища, фрагменты языческих капищ, мегалиты с петроглифами, мегалитические сооружения. Все они с полным правом могут быть отнесены к объектам **природного и культурного наследия**.

В летне-осенние сезоны 2008–2012 годов в верхней и срединной зонах Центральной Мещеры под руководством Д.П. Барскова было осуществлено более тридцати поисковых самостоятельных экспедиций и экспедиционных вылазок, имевших научно-исследовательский характер.

Мегалитический комплекс с менгиром «Судьбина»

Первая экспедиция Содружества «Геошушмор» (2008) осуществляла поиск мегалитов в районе условного географического треугольника – деревни Турово, Большие и Малые Острова Собинского района. Среди множества обнаруженных скоплений камней уникальным объектом этого глухого уголка Мещеры является мегалит «Судьбина» в форме призмы с тремя обработанными гранями и внушительными размерами (длина 2,2 м; ширина 1,0 м; высота 0,9 м). По результатам лабораторного анализа отобранного образца установлено, что мегалит «Судьбина» представляет собой полевой шпат малинового цвета и является алюмосиликатом. На территории России подобные полевые шпаты наиболее часто встречаются на Кольском полуострове и в Карелии, а за границей – в Скандинавии, что подтверждает «ледниковое происхождение» этого мегалита. Отличительными признаками камня «Судьбина» являются три гладкие (отшлифованные) грани с острыми рёбрами, расположенными под прямыми углами, а также наскальные рисунки, среди которых древним художником отчётливо изображена «Голова лосихи». Это свидетельствует о «рукотворном» периоде в истории этого мегалита, который, по-видимому, был центральным элементом (менгиром)

кругового мегалитического сооружения. В пользу этой версии свидетельствует другой камень внушительных размеров, который расположен в 50 метрах южнее «Судьбины» и подобно айсбергу основная его часть находится под землей...

Радиационная обстановка во всех 16-ти точках района исследования спокойная – уровень радиации находится в пределах – от 4 мкр/ч до 12 мкр/ч, что не превышает установленный допустимый уровень гамма-излучения. Зафиксированы отклонения напряженности магнитного поля Земли от номинального значения, характерного для города Москвы (40 А/м), в пределах от 44 до 48 А/м, т.е. от 10% до 20%. Это характеризует слабовозмущенную аномалию магнитного поля Земли в районе исследований. Для фиксирования аномальных всплесков магнитного поля Земли необходим непрерывный мониторинг в течение продолжительного времени.

В зоне исследования встречаются чаще, чем в лесных массивах других районов, деревья (сосны, берёзы) с аномальными искривлениями стволов и причудливыми переплетениями ветвей. К природным аномальным объектам с полным правом можно отнести следующие: *«Раздвоенная сосна»*, *«Сосна с изогнутым стволом»*, *«Кривые сосны»*, *«Суковатая» сосна»*, *«Квартет берёзового ствола»* и многие другие. Среди них редко встречающееся на других лесных территориях Русской равнины – объект *«Триединство Мещёрского леса»*: из одного корневого сплетения выросли сосна, ель и берёза.

Неповторимую картину представляет урочище «Тундра», которое расположено справа от просёлочной дороги на деревню Малахово в полукилометре от Малых Островов. Это обширная территория белопесчаных кварцитов сплошь покрыта светло-зелёным ковром настоящего ягеля с редкими островками берёзок и сосенок по её краям. Здешний «олений мох» – основа флоры приполярной природы России, каким-то чудом занесенный сюда, островок ландшафта гиперборейской эпохи. Характер природы урочища «Тундра» напоминает равнинный пейзаж Кольского полуострова. Участник экспедиции «Гиперборея» Евгений Сергеевич Лазарев, побывавший 2000-2001 годах вместе с её руководителем В.Н. Дёминым на территории Национального Парка «Мещёра», отмечал удивительную «северную» картину мещерских лесов и приводил весьма любопытные сравнительные данные природы Мещеры и Севера. Он в своей ста-

тье «Мещера гиперборейская» отмечал, что *сам характер здешней природы удивительно напоминает то, что можно увидеть далеко на Севере, где-нибудь у Белого моря. Ведь ещё совсем недавно, в середине XIX века, в здешних краях, в Волго-Окском междуречье, вплоть до Нижнего Новгорода жил северный олень (эти данные привёл в своём очерке в «Науке и религии» № 10 за 2001 год писатель и этнограф Севера А.С. Старостин).*

Уникальным объектом этого уголка Мещёры является камень «Судьбина» с его необычайно большими размерами и формой, наскальными рисунками и гладко отёсанными нижней и 2-мя боковыми гранями, которые так и хочется назвать рукотворными...

Не менее загадочен камень «Рюриков», который едва приметен и возвышается над землёй, а основная его часть, как у айсберга в океанских водах, скрыта от взора... Поражает своим обилием разнообразие камней, которые можно назвать *«Каменной симфонией»* или *«Каменной летописью» Мещёры*. Среди них заслуживает внимания пирамидальный *«Иванов камень»*, названный в честь Вани Иконникова – самого юного члена экспедиции...

В ходе наших маршрутов установлено, что за Мещёрскими камнями идет «неслышная охота»: небольшие валуны собирают предприимчивые люди, грузят их на тракторные тележки и вывозят для продажи, по-видимому, владельцам коттеджей для украшения участков, скрытых от постороннего взора.

Камни Мещеры, занесенные сюда ледниками, – это неотъемлемая частица нашей природы, его история, география и археология. Необходимо прекратить процесс изъятия камней с мест их векового нахождения для дальнейшего изучения и поиска творений древнейшей человеческой культуры.

Результаты спектрального анализа химического состава красного образца горной породы

Образец горной породы красного цвета отобран от камня «Судьбина» в процессе первой экспедиции Содружества «ГеоШушмор» в зону «Рюрика» (Владимирская область, Собинский район). Лабораторные исследования выполнялись в отделе экспертизы металлов института ЦНИИПСК им. Мельникова. Химический состав

определяли методом спектрального анализа на рентгеновском микроанализаторе SX-100. Экспертную оценку производил к.т.н. Г.Р. Шнейдеров.

Результаты спектрального анализа представлены в таблице.

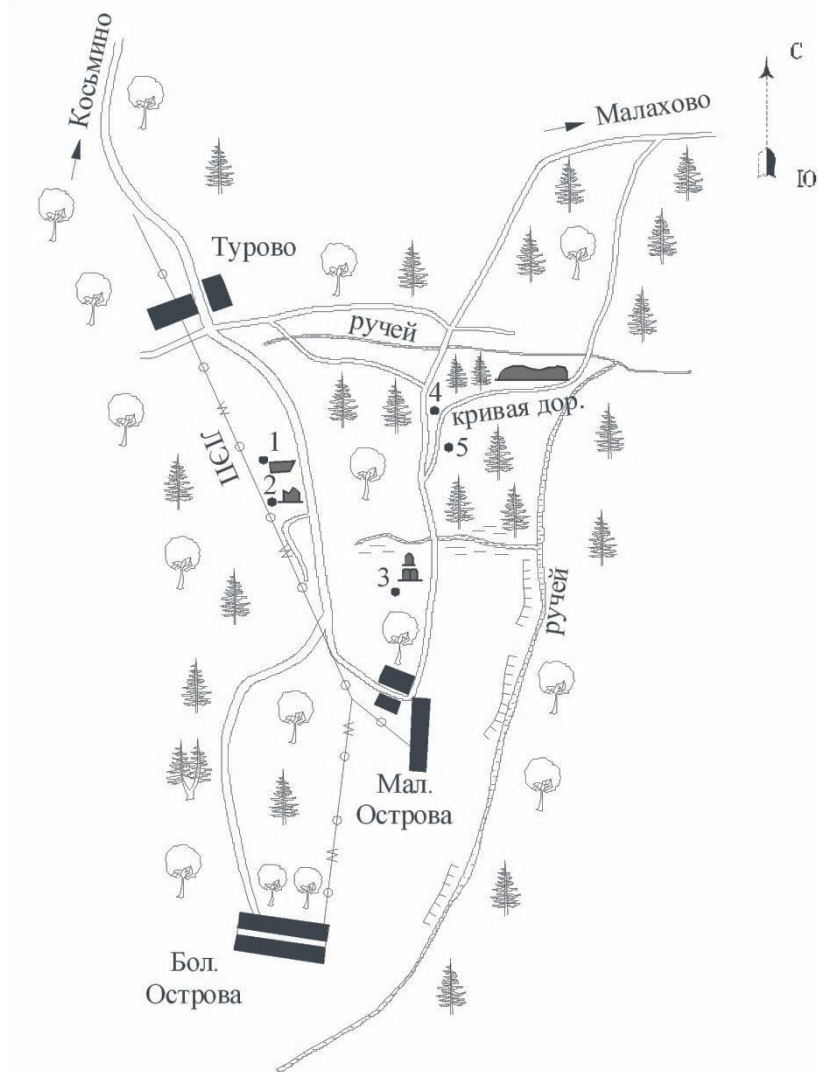
Химический состав (% по массе) исследованных образцов

Образец	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	FeO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	MnO	NiO
красный	47.4	2,0	9,06	2.09	0.41	0.06	0,025	1.4 9	0,065	4,32

Отобранный от камня «Судьбина» «красный» образец представляет собой **полевой шпат**, который является алюмосиликатом калия, натрия, кальция. По результатам исследования химического состава «красного» образца в лабораторных условиях представлено Заключение: основу массы образца составляют SiO₂ – 47,4%, и Al₂O₃ – 9,06%.

Наиболее часто подобные полевые шпаты встречаются на территории России в Карелии и на Кольском полуострове, а за границей – в странах Скандинавии (название происходит от шведских слов feld – поле и spat – шпат). Это косвенным образом подтверждает «ледниковое происхождение» камня «Судьбина». Однако две гладкие грани с острыми рёбрами, расположенные под углом 90° друг к другу, а также наскальные рисунки, среди которых явно угадывается «Голова Лосихи», свидетельствуют в пользу «рукотворного» периода в истории этого уникального камня.

План расположения камней и валунов в районе мегалитического комплекса «Судьбина»

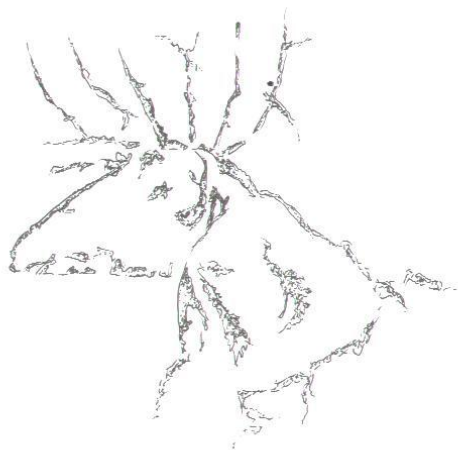
1. Менгир «Судьбина»

2. Мегалит «Рюриков»

3. Скопление валунов «Березовая поляна»

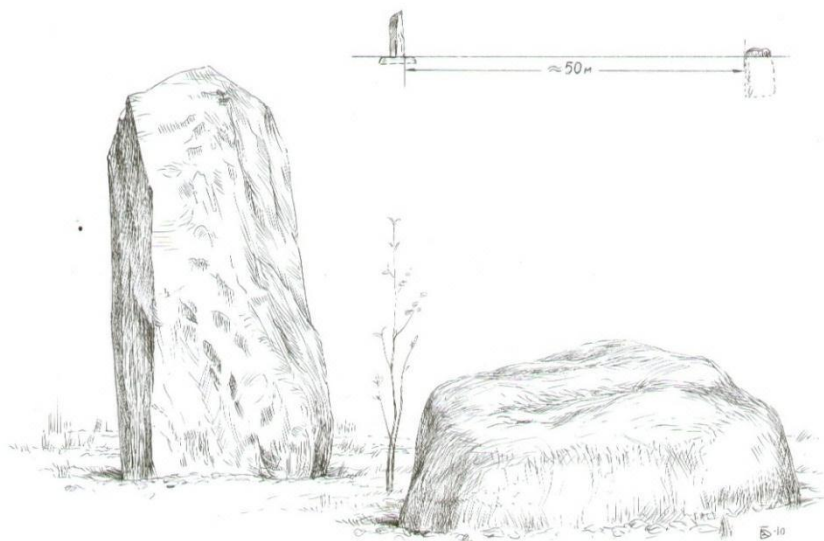
4. Придорожный валун

5. «Иванов» камень

Б-10

*Реконструкция наскального изображения «Голова Лосихи» на менгире «Судьбина».
Графика. Худ. В. Барсков, 2008 г.*

*Реконструкция мегалитического комплекса с менгиром «Судьбина» (в центре) и
мегалитом «Рюриков». Графика. Худ. В. Барсков, 2008 г.*

**Мегалит «Судьбина» в зоне Рюриковой дороги.
Владимирская область, Собинский район**

*Триединство лесов Мещеры: ель, сосна и берёза растут из одного корня.
2 мая 2008 года. Фото автора*

*Мегалит-менгир «Судьбина» возле Рюриковой дороги.
2 мая 2008 года. Фото автора*

*Менгир «Судьбина» с обработанными гранями и острыми рёбрами.
2 мая 2008 года. Фото автора*

*Участник экспедиции в зону «Рюрика» Д.П. Барсков у менгира «Судьбина».
2 мая 2008 года. Фото автора*

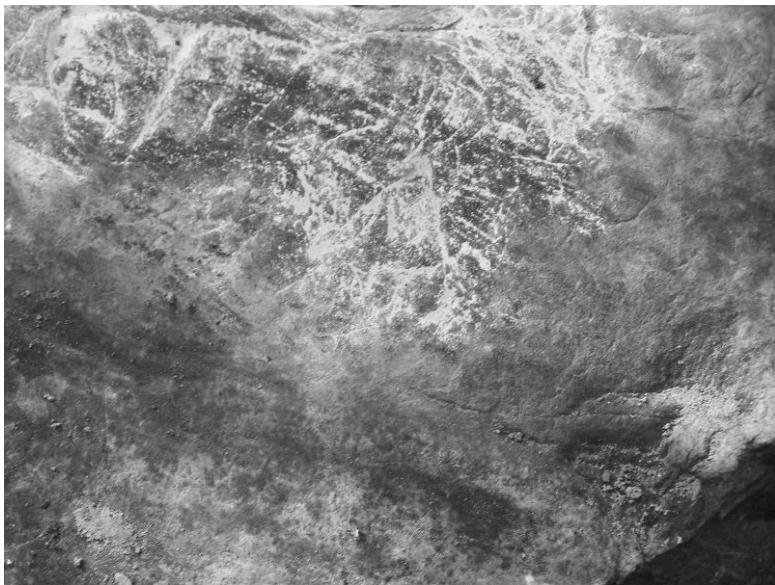

Мегалит «Рюиков». 2 мая 2008 года. Фото автора

**Мегалит «Судьбина» с наскальным изображением
(петроглифом) «Голова Лосихи»**

*Головная часть менгира «Судьбина» с отколотым элементом.
2 мая 2008 года. Фото автора.*

Наскальное изображение «Голова Лосихи». 2 мая 2008 года. Фото автора.

МЕЩЕРСКИЙ СИНЬ-КАМЕНЬ

22 октября 2011 года в результате многомесячных поисков участниками двадцать первой экспедиции Содружества «ГеоШушмор» в мещерской глубинке в 40 километрах к юго-востоку от города Гусь-Хрустальный обнаружено таинственное мегалитическое сооружение. Экспедиционные поиски осуществлялись под руководством Д.П. Барскова. В состав поисковой группы также входил Владимир Дубровин (историк, археолог) из города Гусь-Хрустальный и жители деревни Аксёново Сергей Русаков (директор школы) и Елена Гайтанова (знаток местных урочищ, проводница).

Мегалитическое сооружение расположено в глухом урочище «Синий Камень» вдали от населённых пунктов в лесном массиве на берегу речки Кошкар, впадающей в Сентур – левый приток реки Гусь. Мегалитическое сооружение состоит из нескольких крупных валунов. Центральным элементом является огромная каменная глыба серовато-синего цвета с фиолетовым оттенком – **Синь-Камень**. В плане он представляет собой овальный неправильный четырехугольник, три стороны которого имеют длины по 1,4 м, а четвёртая – 1,8 м. Осевые размеры по диагоналям составляют около 2,0 м. В разрезе Синь-Камень имеет форму, подобную хлебному караваю с плоским основанием, округлыми боками и возвышенной вершиной – общая высота составляет 0,8 м. Боковые поверхности мегалита имеют конусообразное закругление к плоскому основанию, покоящемуся на массивной плите, которая практически полностью скрыта под землёй, и размеры её определить невозможно. Имеется боковая поддерживающая плита шириной 1,2 м, оголовек которой возвышается сбоку от Синь-Камня, а основная часть под наклоном уходит под массивную плиту. Это элементы единого мегалитического сооружения. Возможно, в земле сокрыты и другие его части.

Поверхность Синь-Камня ровная с небольшими шероховатостями, а основание – отшлифованное. Это даёт основание сделать предположение о рукотворном характере обработанных поверхностей валуна. **В этом таится одна из загадок Мещерского Синь-Камня.** Поверхность его покрыта зёрнами кварцита, и дневной свет, преломляясь через них, создаёт синевато-фиолетовую цветовую гамму.

Поодаль, к юго-западу в шести метрах от Синь-Камня расположен **валун «Кошкар»**, названный по имени речки Кошкар. По свидетельству проводницы из-под Синь-Камня ещё несколько лет назад бил родник. Ключевую воду десятилетиями брали в период летней покосной страды. **«Родник у Камня»** пользовался известностью у охотников, собирателей ягод и грибов. По-видимому, из-за череды засушливых лет этот живительный источник временно иссяк.

По имеющимся сведениям, Синь-Камень не является объектом поклонения или языческим символом для местного населения. Возможно, в давние времена он почитался людьми племени мещера, или другими финно-угорскими племенами, населявшими в начале первого тысячелетия нашей эры междуречье Клязьмы и среднего течения Оки.

Николай Игоревич Скулов – директор историко-художественного музея Гусь-Хрустального полагает, что обнаруженный **Мещерский Синь-Камень** является уникальным объектом мегалитической культуры на территории Мещерского края и, скорее всего, представляет собой элемент культового комплекса (святилища). Возраст мегалитического сооружения может уходить в глубины тысячелетий – эпоху неолита.

Поклонение камням, которые Русской равнины часто называют «синими», принято связывать с наследием народа Меря. Есть сведения о поклонении камням в древности в Эстонии, в землях Води и Ижоры. Известны случаи поклонения камням, а также факты жертвоприношения большому белому камню «Валкеа киви» в Восточной Финляндии. Кроме того, в Финляндии кроме камней, известны случаи почитания «Синих скал». У саамов Лапландии до сих пор существует почитание священных камней. На Соловецких островах сохранились саамские святилища – каменные круги, лабиринты и т.д. Любопытно отметить факты пережитков поклонения синим камням «сэнъ кев» (синим камням) у эрзян. Так, недалеко от эрзянского села Курилово, на высокой горе «Караул пандо» и ныне лежат большие камни. Существует предание о том, что в далеком прошлом здесь жгли сигнальные костры, предупреждавшие население об опасности. Большой «синий камень» – валун находился недалеко от Куриловского монастыря (несколько лет назад его увезли в неизвестном направлении). Существовало поверье, если постоишь или посидишь на камне, то тебе будут сопутствовать удача, счастье, здоровье. Некоторые старожилы

села уверяли, что этот огромный «синий камень» упал в давние времена с неба, во время грозы...

В Ярославской области (например, старожилы села Городище) утверждают, что синий камень отводит грозу. Кстати, «синих камней» в Верхнем Поволжье очень много, особенно знаменит Синь-Камень на берегу Плещеева озера, с которым связано множество легенд и сказаний. В 1997 году «Синий камень» выявлен под Костромой и в северной части Рязанской области.

...Интересная связь между «синим камнем» и божеством грозы, верховным богом Юмалом (Укко) наблюдается в Финляндии и Карелии, которого язычники представляют в костюме синего цвета. Финский исследователь Уно Харва приводит в качестве примера руну, в которой бог грозы Укко зовется также «Синивитта» («Синяя накидка»). У. Харва приводит также сведения о горе Уккомяки, на которой стоит «Синий камень», где с незапамятных времен жгли костры.

Происхождение названий многочисленных как мерянских «синих камней», так и финских «синих камней», а также «Синих скал» Финляндии объясняется в народе исходя из синего цвета. Однако «синие камни» не обязательно синего цвета, встречаются также и серые, сине-серые, бирюзовые, белые и т.д.

У «синих камней» древние Меряне устраивали сходы, моления, жертвоприношения (хлеб, плоды, ягоды). Это были своего рода святилища, как и родники, священные рощи и т.д

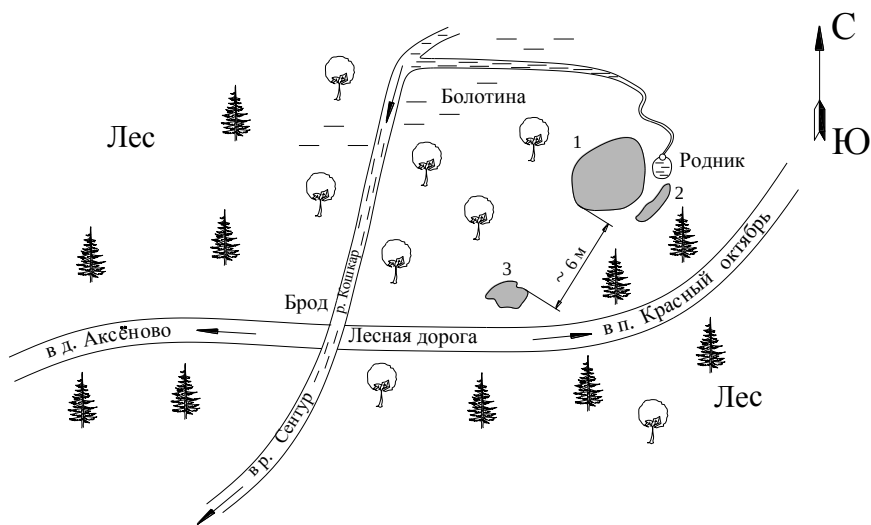
Неёловский камень типичный камень-чашечник. У самой вершины камня есть довольно крупное углубление где застаивается вода.

С такими камнями часто связаны предания о лечебной (живой) воде.

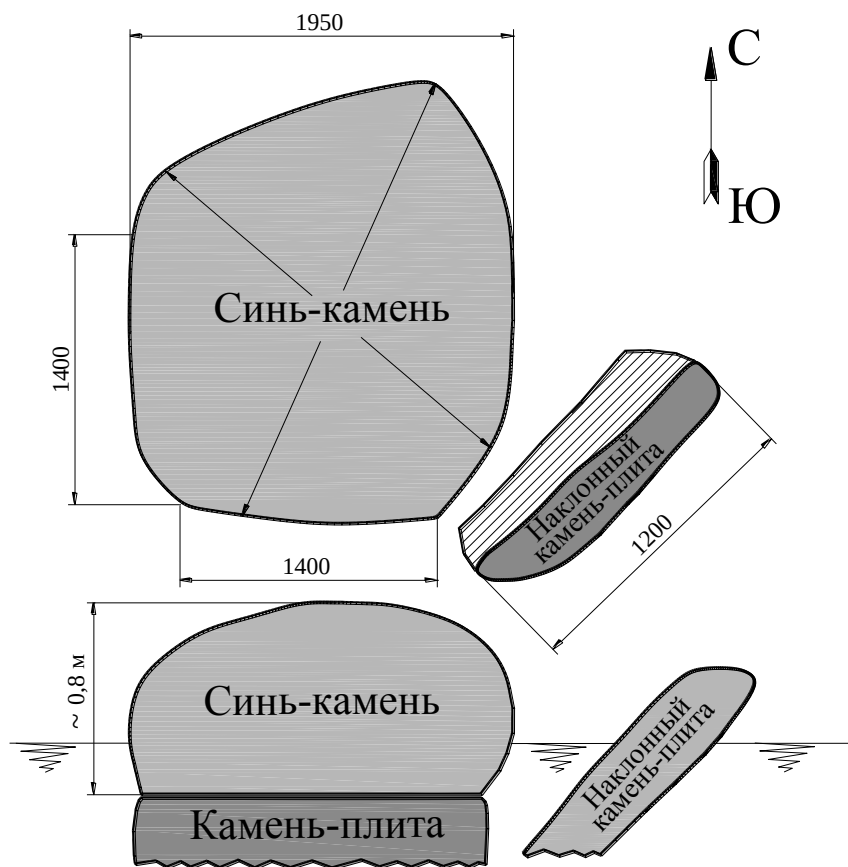
Можно с уверенностью утверждать, что **Мещерский Синь-Камень** наряду с Кривандинским мегалитическим комплексом, являющимся астрономической обсерваторией, и мегалитическим сооружением дольменного типа «Запольское святилище» на территории Национального Парка «Мещёра» займёт достойное место в качестве памятника древнейшей истории и культуры. Он является хранителем сакральной Традиции, и тысячелетия назад мог выполнять священные культовые и магические функции для контактов наших пращуров с вполне реальными «скрытыми силами Природы». В нём

сокрыта многовековая тайна взаимодействия Природы и Человека на земле Мещеры. Владимирский Синь-Камень станет объектом неустанныго интереса археологов-исследователей и краеведов-поисковиков. Сюда обязательно проляжет маршрут природного туризма, поскольку объект является уникальным и имеет высокую культурно-историческую значимость. Аналогом ему может служить Синь-Камень на берегу Плещеева озера у подножия Александровой горы (Ярилина гора) неподалеку от г. Переславль-Залесский Ярославской области.

В состав предстоящих исследований будут включены измерения напряженности магнитного поля Земли (определение «места Силы»), дозиметрический контроль мегалита, определение физико-механических свойств, химического состава и породы камня, а также сбор сведений этнографического характера – местные легенды, сказания, связанные с урочищем «Синий Камень», и т.д.

План-схема расположения мегалитического сооружения
«Мещерский Синь-Камень» в урочище «Синий Камень».
Владимирская область Гусь-Хрустальный район

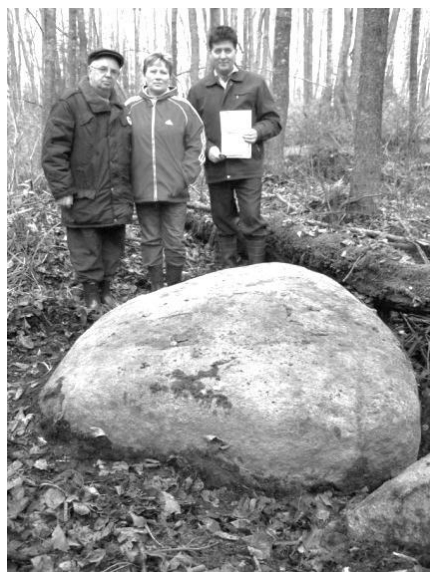

Геометрические параметры мегалитического сооружения
«Мещерский Синь-Камень».

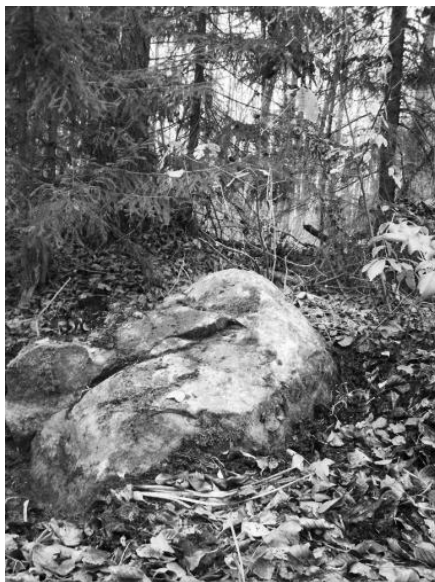
Владимирская область Гусь-Хрустальный район

Урочище «Синий Камень». Мегалитическое сооружение «Мещерский Синь-Камень». 22 октября 2011 года. Фото автора.

Участники экспедиции к Мещерскому Синь-Камню: Д.П. Барсков, Е.М. Гайтанова, С.М. Русаков. 22 октября 2011 года. Фото автора.

*Урочище «Синий Камень». Мегалит «Кошкар».
22 октября 2011 года. Фото автора.*

*Урочище «Синий Камень». Мещерский Синь-Камень.
22 октября 2011 года. Фото автора.*

Почитаемые камни Егорьевска

Часть территории современного Восточного Подмосковья, включавшая ещё в начале XX в. сопредельные земли Бронницкого и Богородского уездов – Московской, Покровского – Владимирской и Егорьевского – Рязанской губерний, называлась «Гуслицей» и являлась краем многочисленных старообрядческих поселений. На этом обширном пространстве с XVII в. существовали сопредельные Гуслицам старообрядческие уголки, хотя они не являлись частью этого края и не считали себя «гусликами». Волость Гуслица была известна со времени Ивана Калиты и просуществовала до XIX века, в котором она уже насчитывала десятки деревень, населённых старообрядцами. При этом каждое селение, что было весьма характерным для Егорьевского края, являло собой отдельный мир, зачастую совсем непохожий на мир соседнего селения. Здешний глухой край интенсивно заселялся во времена бегства старообрядцев (преимущественно бояр и стрельцов), спасавшихся от преследований за неприятие церковной реформы патриарха Никона.

Корреспондент газеты «Егорьевский курьер» Алексей Петрович Марков в статье («О чём молчат камни», 25 мая 2011 года) поведал читателям про известные камни, за которыми – столетия верований, местных легенд и сказаний. *...Слава о как минимум двух камнях на территории Егорьевского района выходит далеко за пределы окрестных деревень. Это **моленный камень** близ старообрядческой деревни Чёлохово и **так называемый «Змеиный камень»** близ заброшенного села Шатур. Моленный камень в Чёлохове молва связывает со старинной церковью святого Великомученика Никиты в несуществующем ныне селе Гвоздна. Чёлоховский камень какое-то время находился на пути из Чёлохова к кладбищу погоста Гвоздна и он мог использоваться в качестве «прощального», когда здесь делали остановку и на камень ставили гроб с покойником для прощания (А.П. Марков).*

Впервые в урочище «Старообрядческая часовня» у Чёлоховского камня участникам Содружества «ГеоШушмор» удалось побывать 4 июня 2011 года вместе с известным краеведом, исследователем Гуслицкой округи, директором школы в селе Ильинский погост Орехово-Зуевского района Юрием Андреевичем Карякиным.

Камень тёмно коричневого цвета поразил необычностью формы (пирамидальная усечённая призма) и внушительными размерами (2.0 x 1.2 x 0.9 м). Боковые и торцевые грани камня несут на себе следы обработки. По классификации культовых камней его можно отнести к менгирам, то есть к камням, которые устанавливались вертикально на древних святилищах. Думается, что в далёком прошлом и Чёлоховский камень стоял вертикально. В 2008 году во время первой экспедиции нашего Содружества в районе деревни Малые Острова Собинского района Владимирской области был обследован похожий камень. Его размеры (2.0 x 1.0 x 0,9 м) и углы двух обработанных рёбер (90 градусов) очень близки к Чёлоховскому камню. Одна грань менгира из Малых Островов не обработана и на ней чётко просматривается рукотворный рисунок «Голова Лосихи». Не исключено, что на нижней поверхности Чёлоховского камня также присутствуют древние рукотворные изображения.

Чёлоховский камень в древности являлся центральным элементом святилища, а после возникновения погоста оставался «чтимым» и в качестве сакрального объекта был положен под сруб первой Никитской церкви. После упразднения погоста и переноса последней церковной постройки в Егорьевск, на кладбище, здесь, рядом с родником, была построена старообрядческая часовня. Чёлоховцы не дали использовать чтимый камень на булыжник для мощения городских улиц в ходе вывоза остальных валунов. Местное население приписывало камню чудотворные свойства и поэтому к нему всегда было особое отношение.

Исследователь истории старообрядчества, неутомимый краевед Сергей Сергеевич Михайлов в своей книге «Чёлоховский старообрядческий приход в Гуслицах» (2011), в частности, отмечал: *В начале XX века территория, где находились почитаемые старообрядцами камень, родник и часовня, принадлежала егорьевскому купцу-старообрядцу А.В. Клопову. Из окрестных старообрядческих приходов к часовне и святому роднику устраивались многотысячные крестные ходы. В советское время часовня была разрушена, но местные старообрядцы продолжали приходить к камню и на источник с иконой, старообрядческие священники тайком служили здесь молебны. В начале 1970-х годов здесь стали искать фосфориты, и земля на месте древнего погоста была перерыта на*

многометровую глубину. В результате исчез родник и был потерян камень. О нём долгое время ничего не было известно. Только в самом начале 2000-х годов один из жителей Чёлохова, который хорошо помнил почитаемый камень, во время сбора грибов случайно нашёл его. Возле камня было самое грибное место. Валун еле-еле виднелся из-под земли и находился уже гораздо ближе к деревне, нежели раньше. Видимо, его сильно передвинули в то время, когда разрывали землю. Местные жители откопали его полностью, и вскоре здесь был устроен часовенный знак с образом Никиты Мученика. Через два года, в день Никиты Мученика 2003 года, вблизи камня и часовни-знака была освящена большая часовня...

О так называемом **«Змеином камне» под селом Шатур** впервые поведал в своей книге (История шатурских деревень. Книга первая. 1995. С. 55–56) ныне покойный шатурский краевед Виктор Михайлович Казаков: *География поселений складывалась в языческие времена. И сегодня с определённой долей вероятности мы можем сказать, где стояли капища и святилища верховных жрецов, шаманов и волхвов. Вот их предположительные местонахождения:*

Шатур – капище змеиному богу по имени Ур.

Тугалес – святилище верховного жреца богу Перуну.

Кобелево – капище богине судьбы Кобелии.

Власово – святилище скотьюему богу Велесу.

Баженово (Бажаново) – капище змеиной богине Урице.

Дмитровский Погост (Чисмора) – Даждьбогу.

Дуброва, Погостище, Радовицы, Радушкино – Яриле.

Этот ряд можно бы продолжить....

Утверждения В.М. Казакова довольно смелые, но во многом спорные, требующие уточнений и разъяснений. Бог – в славянской мифологии название высшего существа, которое может дать человеку долю, счастье (родственно названию «Богатство» и т.п.), противопоставляется Небогу, приносящему, несчастье, обездоленность. Слово **Бог** выступает в качестве второй части многих названий славянских божеств: Белбог, Чернобог, Даждьбог, Стрибог, Огнебог, Спасибог, Числобог... Многие боги имели свои собственные имена и функции.

Самый известный литературный источник, где перечисляются славянские божества – **«Велесова книга»**. В ней перечисляется свыше восьмидесяти богов и божеств. *«Книга Велеса» была написа-*

на на деревянных дощечках (43 доски) в IX столетии волхвом Ягайло Ганом, вендом по происхождению, служившем в храмах Древнего Новгорода, Киева и Сурожа. Значение «Книги Велеса» велико для осознания истоков не только русской, но и всех славянских культур. Она рассказывает о жизни праславян, начиная от легендарного Исхода из Семиречья и кончая эпохой Рюрика. Эта книга величественный памятник письменной культуры, который ставит славян в один ряд с древнейшими народами мира (Александр Игоревич Асов).

Есть более поздние источники, в которых помимо богов, входивших в пантеон, известны и другие мифологические персонажи. Одни из них тесно связаны с семейно-родовым культом (Род и рожаницы) или с сезонными обрядами (Ярила, Купала, Кострома). Есть божества, известные из менее надёжных источников (Троян, Переплут, Лель, Полель, Позвизд). Некоторые языческие божества вообще являются созданиями так называемой «кабинетной мифологии». Не стоит утомлять читателя перечислением всех источников, где называются славянские боги и божества, но, поверьте, ни в одном из них даже **не упоминаются змеебоги по имени Ур и Урица!** Тем интереснее раскрыть подоснову появления этих мифов. В нашем болотистом и озёрном крае змей, ужей, медянок, ящериц, тритонов и прочих земноводных полным-полно! Конечно эти твари всегда вызвали у людей страх и отвращение, плодили слухи-страшилки, байки-сказки, легенды-мифы, заклинания-задабривания. А ещё можно предположить, что эти «божества» каким-то образом приبلудились к некоторым нашим кабинетным учёным из других стран. В Египетской мифологии, например, прабожество Атум в конце мира должно вернуться в виде злой змеи Урей в хаос, из которого оно некогда возникло. Кстати, символ священной змеи Урей использовался на головном уборе фараонов в качестве знака священного царя. Не отсюда ли «родились» змеиный бог «Ур» и богиня «Урица» шатурского краеведа В.М. Казакова? И все же необходимо заметить, что змеепоклонство, распространённое у многих народов, никогда не было свойственно духу русского народа. В славянском былинном эпосе народ всегда выходил на борьбу с чудовищем-змеем, высылал против него своих могучих сыновей-змееборцев. Тогда же и зародились сказы-былины про борьбу Добрыни Никитича со Змием Горынычем,

Алёши Поповича с Тугариным Змеевичем – сыном Змия Горыныча, про борьбу Егория Храброго со «змием лютым, огненным драконом». Егорий Храбрый – он же Георгий Победоносец, красуется на гербе Москвы и города Егорьевска. В календаре древних славян есть два праздника, во время которых вспоминают змей: 7 апреля (25 марта) – время, когда «на юрьеву росу» выгоняют скот, земля становится теплой, можно начинать сельскохозяйственные работы, змеи выползают из-под земли; 27(14) сентября – конец сельскохозяйственных работ, уход змей под землю, в зимнюю спячку. В период христианства на Руси змей стали чествовать на Юрьев день – 6 мая (23 апреля), который в народе называли – Егорьев, именно в этот день скотину выгоняли на пастбища. И хватит о змеях, поскольку со змеиным богом «Ур» в Мещере, являющим собой плод «местной мифологии», картина становится ясной даже непосвящённому читателю.

С другой стороны, необходимо прояснить смысловое значение палеотопонима древней Мещеры – **Шатур**. Известный краевед, журналист и писатель Николай Дмитриевич Чистяков даёт ключ к разгадке наименования древнего села, давшему название городу энергетиков – Шатуре: *Истоки этого названия кроются в глубине тысячелетий. Во времена индоевропейской общности народов праславянский и праиндийский языки были настолько близки друг другу, что многие учёные считают их диалектами одного и того же языка. На языке индийской культуры – санскрите – около трёх тысяч лет назад была написана «Ригведа» (то есть Ричведа=Речведа= «речеведение», в буквальном переводе «знание речи»), и другие известные книги ведической культуры Индии. В санскрите есть слово «чатур», означающее «четыре». В цыганском языке, относящемся к индийской группе индоевропейских языков, слово «штар» также означает «четыре». А теперь поставим рядом слова из родственных языков: **Чатур – Штар – Шатур**. Они очень близки по звучанию. А то, что «чатур» в нашем языке превратилось в «шатур», вполне естественно: чередование ч/ш – одно из самых распространённых в русском языке. Итак, перед нами праславянское «чатур», означающее «четыре». Но что именно подразумевается под этим «четыре»? Ответ на интересующий нас вопрос мы находим на карте: с возвышенности, на которой расположено село Шатур, берут начало четыре реки: Поля и её*

приток Вичушка, Цна, Шувойка. Итак, Шатур (Чатур) можно растолковать как «четырёхречье», «четвёртая река», «поселение на четвёртой реке».

И никакой лингвистической подосновы «змеиного» смысла в слове «Шатур» нет и быть не может. А теперь вернёмся к так называемому «Змеиному камню», который таковым не является ни по одному из рассмотренных выше критериев. А поскольку В.М. Казаков его точное местонахождение не указал, то приезжие энтузиасты приняли за него придорожный камень в болотистой низине на полпути между селом Шатур и деревней Собанино, известный издавна местным жителям под названием «прощального». К этому камню открылось настоящее паломничество, люди едут издалека посмотреть камень-жертвенник древнего языческого капища змеиного бога «Ур», о котором совершенно безосновательно, не указав первоисточники информации, поведал в своей книге В.М. Казаков. Однако следует разочаровать участников многочисленных экскурсий – камень нашли совсем не тот, а настоящий «козаковский змеиный камень» ещё покоится где-то в глубине мещерских лесов вдали от людских глаз, да и сам В.М. Казаков говорил о валуне внушительных размеров. Во всяком случае, тот небольшой камень, который участники нашей экспедиции увидели около Собанино, не производит такого впечатления – не более одного метра в длину и полуметра в высоту, а верхний выступ – шириной около 30 см. Приходский священник иеромонах Лаврентий (Пустовалов) после проведения опроса старожилов деревни Собанино сообщил, что по местной традиции раньше покойников носили хоронить из Собанино на погост Шатур по лесной дороге и у «прощального» камня делали остановку. Там же, поблизости, в лесу располагалась маленькая часовня.

О более раннем периоде в истории существования придорожного камня между селом Шатур и деревней Собанино наглядно свидетельствует его волнообразная боковая поверхность, говорящая о его культовой принадлежности к «погребальным» или «могильным». Подобные «волновые» камни обнаруженные на древнейшем кладбище Заколпского некрополя и погребениях Нуксорского могильника в Гусь-Хрустальном районе Владимирской области, а также среди кладбищенских мегалитов существовавшего с незапамятных времён святилища на «Сергиевой Горе» (Чернолесье) в Егорьевском

районе, **подтверждают ритуальную культовую принадлежность бывшего «Змеинога камня».**

К югу от Егорьевска есть отдельные холмы, достигающие отм. 168 и 216 м. Эти возвышения составляют в центре района «моренный остров», протянувшийся на 40 км с юга на север от деревни Тимшино до села Знаменское. Он образовал четыре склона, с которых стекают основные реки района: Цна, Гуслица, Медведка и Поля. Холмы для Мещерской низменности являлись объектами сакральной географии, местами поклонения могучим и совершенно реальным «скрытым силам Природы» и на них с древнейших времён располагались мегалитические сооружения – святилища и капища. Основу этих сооружений составляли священные камни с выполнением ими как магических, так и мифологических функций. Многие священные камни были связаны с божественными или мифологическими персонажами, являлись жертвенниками или иными элементами языческих святилищ.

Особый интерес представляет холм «Сергиева Гора», на вершине которого издревле располагался **погост Сергиевский** с храмом преподобного Сергия Радонежского и теплой церковью во имя иконы Божией Матери Тихвинской. На месте погоста существовало древнее приходское православное кладбище, которое постепенно было сплошь заполнено современными захоронениями. Обе деревянные церкви в 1930-е годы были закрыты, а затем разобраны. В настоящее время на месте погоста Сергиевский расположен современный посёлок Чернолесский, где возник лесопильный цех по переработке леса лиственных пород, называемого «чёрным лесом» – отсюда и необычное название этого поселения.

Участники экспедиции Содружества «ГеоШушмор» 19 мая 2013 года посетили территорию древнего погоста, где по информации корреспондента газеты «Егорьевский курьер» А.П. Маркова имеется скопление нескольких десятков кладбищенских валунов «от старых погребений». Наличие большого количества камней, да ещё в таком сакральном месте, вызвало повышенный интерес, но, как говорят, действительность превзошла наши ожидания... При проведении оценочного подсчёта оказалось, что в проходах между оградами, около стволов деревьев, у могильных памятников находится около 200 валунов (!) различных размеров, формы и цвета. Зафиксирова-

ны более десятка камней-алтарей и камней-жертвенников (плоские плиты и «столы» со следами ручной обработки), а также сакральная пара – камень у основания дерева, валуны в форме полушария и др. Для получения более полной информации о скоплении мегалитов на «Сергиевой Горе» необходимо проведение специальных исследований. Однако самый главный вывод сделан сразу после первого посещения погоста Сергиевский – это сакральное место в древности являлось уникальным мегалитическим комплексом – Святилищем, включавшем в себя сооружения – Капища, поклонные и почитаемые священные камни, и, по всей вероятности, каменную астрономическую обсерваторию – аналог Кривандинского мегалитического комплекса в соседнем Шатурском районе, только гораздо большего масштаба. Измерения напряжённости магнитного поля Земли показали, что результаты превосходят естественный фон на 50%, то есть «Сергиева Гора» являет собой одно из мест «природной Силы». Проявления аномалий умели «чувствовать» наши пращуры и создавали на таких местах свои протохрамы.

Древнее кладбище старообрядческой деревни Тимшино расположено на вершине холма с отм. 212 м. Там обнаружены остатки мегалитического сооружения – 8 валунов, среди которых камень-жертвенник. До «Сергиевой Горы» от «старообрядческого холма» по прямой всего три километра...

**Урочище «Старообрядческая часовня».
Московская область, Егорьевский район**

*Чтимый камень и часовенный знак возле деревни Чёлохово.
Акварель. Худ. В. Барсков, 2011 год.*

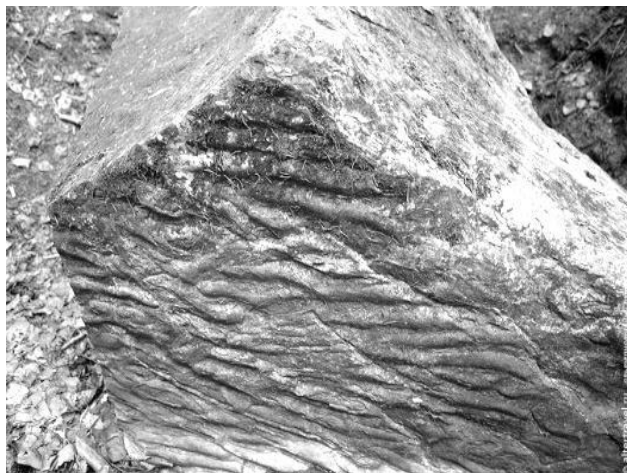
*Старообрядческая часовня вблизи деревни Чёлохово.
4 июня 2011 года. Фото автора*

*Чтимый камень (мegalит) и часовенный знак рядом со старообрядческой часовней.
4 июня 2011 года. Фото автора*

Мегалит возле села Шатур. Егорьевский район

*Придорожный «прощальный» камень между д. Сабанино и с. Шатур.
На боковой грани отчётливо видна волнообразная поверхность –
принадлежность к погребальным камням.*

*Придорожный «прощальный» камень.
На боковой грани волнообразная поверхность –
принадлежность к погребальным камням.*

*Придорожный «прощальный» камень в период весеннего половодья.
11 мая 2013 года. Фото автора.*

Мегалиты Сергиевой Горы (Чернолесье)

*«Сергиева Гора». Старинный надгробный памятник
19 мая 2013 года. Фото автора*

*«Сергиева Гора». Сакральная пара – алтарный камень и дерево.
19 мая 2013 года. Фото автора*

*«Сергиева Гора». Алтарные камни.
Май 2011 года. Фото А.П. Маркова*

*«Сергиева Гора». Плоские мегалиты.
Май 2011 года. Фото А.П. Маркова*

*«Сергиева Гора». Скопление валунов.
19 мая 2013 года. Фото автора*

Анастасия Владимировна Ильичева
*специалист по русской традиционной культуре,
с. Конобеево Воскресенского района
Московской области*

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МОЕЙ СЕМЬИ ИЗ СЕЛА КОНОБЕЕВО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Родом мои родители из Подмосковья. В Воскресенском районе издревле на Безымянном овраге стоит село Конобеево. Недалеко от него – село Чечвилово. Это мои родовые места.

Мама, Шмелькова Галина Петровна 1952 г.р., что называется, конобеевская, а папа Шмельков Владимир Алексеевич 1951 г.р. – чевилковский (фино-угрское слово «чечева», то есть блоха, дало название селу Чечвилово. Но теперь его жители слово это сократили, и стали в беглой речи говорить: Чевилово). Конобеево – районный центр, большое село с многовековой историей, железнодорожная станция. Достоверно не известно, то ли его название связано с загадочным Конобеем, то ли с обычаем торговых людей на пути в Москву бить коней в дар водяному. Мой отец Шмельков Владимир Алексеевич (далее В.Ш.) не понаслышке знает, какие топкие и гиблые места, непроходимые леса были кругом, и как приходилось бить коней, чтобы доехать от Чевилово, Ванилово и других сёл до железнодорожной станции. Сотни лет назад дороги вряд ли были лучше. Отсюда, говорит он, и название села пошло – Конобеево. Кстати, мама и папа владеют различной лексикой, разные у них варианты одних и тех же песен и приговорок. По речи сразу можно было понять, откуда ты родом, и «конобеевские» отмечали, что так-то говорят «чевилковские», и наоборот.

Меня зовут Анастасия Ильичёва, я закончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова отделение русского устного народного творчества. Мне довольно поздно пришло в голову фиксировать в тетрадь, что и как говорят мои деревенские соседи и родичи старшего поколения, собирать родовой фольклор. Вместе с тем, я ловлю себя на мысли, что сама отстраненно наблюдаю за своей родной речью, той самой, которая словно бы сама рождает самобытные об-

разы и несёт в себе неповторимое ощущение детства и счастья. Не могу ответить на простой вопрос: носитель ли я своей исконной подмосковной речевой традиции или просто «звукозаписывающий механизм». Впрочем, теперь записывать, честно говоря, стало почти некого. Ушли старики, немало умерло и молодых – многие деревенские юноши поколения 50-60-х погибали в драках, разбивались на мотоциклах, были сбиты поездами, сгорали по пьянке в сараях. Остальные мальчики и девочки не были заинтересованы в деревенской жизни, большинство из них уехали жить в Москву, Воскресенск, Новлянск, Коломну, Раменское. В 90-х годах многие пустующие дома стали раскупать дачники-москвичи, к 2000-м в селе появилось очень много азиатов. Коллективная речь стала каким-то усредненным винегретом, в котором нет-нет да и покажется драгоценное гранатовое семечко какого-нибудь емкого высказывания местного старожилы.

Предоставляемый материал является результатом самозаписи автора по собственным воспоминаниям об употреблении нижеприведенных слов и выражений в живой речи своей бабушки по матери Коняевой Людмилы Ивановны 1928 г.р. урожденной Леонтьевой. (Далее Б.Л.) К респондентам в особо указанных случаях присоединяется мой отец Шмельков Владимир Алексеевич (далее В.Ш.), моя мать Шмелькова Галина Петровна 1952 г.р. урожденная Коняева (далее Г.П.) и Комиссарова Любовь Васильевна 1931 г.р. – наша соседка по с. Конобеево и кладезь народной мудрости (далее Л.В.)

Агу! Не могу! Засмейся – не хочу!

Приговор на пестование ребенка. Можно посадить малыша себе на колени и приговаривать.

А! Ворона кума!

Ответ на вопрос: А?

– Ворона-кума!

Аля-улю гони гусей.

Незлобиво: Ты что, дурак что ли?

Арапа травить.

Врать.

Арясина.

Дубина. Сейчас вот возьму арясину и охожу тебя. Выросла арясина большая (о ребенке), а толку нет (В.Ш).

Барыня-чирик

(Б.Л.). Оденешься чудно или нарядно, бабушка скажет: «барыня чирик». Также употребляется как синоним «Настатсьи Кутафьевны» (см. ниже). От бабушки записана мной частушка: «Барыня Чирик на камушек села, праву ногу подняла, время поглядела».

Бездрыхлый.

Тот, кто не поспал. Чаше о ребенке: Что, будешь спать, бездыхлый?

Бестолковка.

Так незлобиво говорят о бестолковом человеке. Ещё «бестолковка» – это голова. (В.Ш.)

Близок локоток, да язык короток.

Близко локоть, да не укусишь.

Болявый.

Больной.

Бог не Мекешка.

Бог не Мекешка, он все видит! Известное выражение, имеющее много вариантов в употреблении даже в кругу одной нашей семьи: Бог не Тимошка, видит немножко. Бог не Яшка, видит кому тяжко. Ну, а от бабушки записано про Мекешку.

Бульник.

Бульжник. Бульная дорога (В.Ш.)

Бурить. Набурить. (Насикать, набурикать).

Писать, описать. (О маленьком ребёнке). Ну что, набурил уже? Насикал? Набурикал?

Синоним слову «напрудить».

Бык мирской.

Оскорбление. Полный вариант: «Бык мирской, голова доской, жопа ящиком, сам приказчиком». (В.Ш.)

В горбушку настучать.

Физическое наказание. «Не будешь слушаться, настучу в горбушку, дам по горбени-то».

Ведёрочка.

Ведро. Я принесу тебе ведёрочку огурцов. Приходи ко мне с ведёрочкой.

Вековуха.

Незамужняя баба. Не была замужем. В народе говорят: Нет злей мухи и бабы вековухи.

Частушка: (Б.Л., Л.В.)

Ух, ух, ухаю,
Гуляю я с Илюхою.
А Илюха меня бросит,
Стану вековухою.

Вековуха, вековуха,
Вековуха – не беда,
Как прослышу про покойничка,
(Вариант: как увижу я покойничка),
С ведёрочкой туда.
(Вариант: С мочалочкой туда).

Комментарий Б.Л: Раньше покойников допускали обмывать только честным вдовам и старым девам, кто с мужиком не спит. Вот, если Илюха бросит, пойдет покойничков обмывать.

Ветрить. Поветрить.

Вывеси бельё на улицу, пусть его поветрит. Его поветрит немного, и оно высохнет.

Вижу жопу рыжу.

Искрометный ответ на вопрос: Ну что, видишь?

В п... или в м... настеганный.

Способный. Дескать, уже до рождения настёган, опытен, способен.

Время провожать.

Тратить время зря.

В ту пору.

Очень давно. Это ещё в ту пору было.

В ту-пору тот год река так разливалась, сто к самым домам подступала. И мужики ходили в луга рыбу ловить.

Воз до небёс. Воз до небёс и маленька тележка.

Очень много.

Очень много, но с насмешливым оттенком смысла. (Г.П.) Он наговорит! Воз до небёс и меленьку тележку!

Ворошилка.

Так говорят о подвижном ребёнке. «Ох, вон ворошилка твоя бежит». Когда ребенок беспокоится, вертится. (Ворошилка – механическое устройство для ворошения сена. Подвешивается к трактору).

Веретено.

Тоже чрезвычайно подвижный ребенок. Здесь примечательно употребление слова веретено по отношению к молодому человеку (милому, хахалю) в частушке:

Все зелёно, все зелёно,
Все зелёно-зелено. ...
Не сразу я узнала,
Что ты милый-верьтено.

(Это слово и частушка, записаны от моей бабушки Коняевой Людмилы Ивановны.)

Веник. Шустрый, – ая, как веник.

О ребёнке, о подвижном взрослом, который везде бегает и всё успевает. Отсюда – **шустрить**. Все успевать. «Она тогда бегала, как веник. Шустрый был, как веник».

Вертисы. Вертиса.

Упомянуто в беглой речи бабушкой Люсей: «Покойники снятся к **вертисам** – к снегу ли, к дождю». Непогода, когда крутит-вертит.

Вешнявый.

Веснушчатый. Он рыжий и вешнявый.

Волхва.

Кто-то неприятный, чужой. Слова из фрагмента лирической песни (из с. Чемадуново. Зап. от Л. В.) «Не по нраву жену взял. Не по нраву, не по мысли, всему дому как волхва».

Ворабать. Переворабать.

Ворошить, переворошить что-либо. «Ты что тут всё переворабала? А убирать кто будет?»

Волосатики.

Такой нарыв на пальце. Раньше говорили волосатики. Когда искупаешься в пруду, может нарывать палец, там червячок такой.

Волынка. Волынка на Ходынке.

Медлительный человек. Кто-то делает какое-либо дело очень неспешно. Говорят, «Волынка ты на Ходынке» или просто «Ну ты, волынка»!

Волынку тянуть.

Медлить, тянуть время.

В последней ложке вся сила.

Не доел – всю силу оставил.

Вшивый поросёнок.

Приговор родному человеку, когда он моется. Трёшь ребенку спину, приговариваешь: ну ты, вшивый поросёнок.

В час по чайной ложке.

Очень медленно делать что-либо.

Где мама?

– А она чёрная или белая?

– Чёрная.

– Мыться поехала.

(В.Ш.) Детский фольклор. Ответ на вопрос : «Где мама?»

Существует вариант ответа, когда она «белая», но В.Ш. не помнит его. («Грязниться поехала», отвечает он на мои расспросы).

Глазливая.

Поддающаяся сглазу. Я глазливая, мне лучше в церковь не ходить. Там все смотрят.

Говорят, кур доят.

Насмешливое замечание на реплику: Говорят!

Полный вариант: Говорят, кур доят. Я пришёл, сисек не нашел! (В.Ш.)

Голодный спать ляжешь – цыган присниться.

Нельзя спать голодным.

Голова, как овин.

По словам Б.Л. – густые, хорошие волосы. А мама (Г.П.) так говорит: У меня голова как овин, пойду расчесывать и укладывать волосы. Проснулся, голова как овин!

Т.е. волосы копной, шапкой.

Горелой каши поешь – грома бояться не будешь.

По словам Б.Л. так говорила её мама Анастасия Федоровна Леонтьева, урожденная Травкина: Бывало мать из печи достанет

горшок каши немного с дымком и скажет: Ничего-ничего, ешьте! Грома бояться не будете!

Грибок, грибок, выставь лобок!

Приговор, чтобы грибов в лесу набрать, чтобы они попадались на глаза.

Перву сыроежку найдешь, значит грибов домой принесём, говорила Б.Л.

Дай покой. Дай покою. Дай спокою.

Дескать, отстаньте. Дайте мне спокойно побыть одной.

Дай! – Полай!

Диалог у детей: Дай! – Полай! Гав-гав! Собакам не дают, они сами на помойке найдут! Или просто: Мам, дай! – Полай!

Дали Зине десятку – пошла на базар и всё купила.

Насмешливо о том, кто на маленькие деньги хочет много купить.

Даром одним татарам.

Так говорят любителям халявы.

Дать дрозда.

Сделать что-то немыслимое, с негативной оценкой. «Ну ты даёшь дрозда!» (В.Ш.)

Дать дуба.

Помереть, отдать концы. Или просто сильно замерзнуть: я стоял на улице два часа и дуба дал.

Дать круголя.

Сделать большой круг.

Два с полтиной.

Два с полтиной – три рубля.

Хромой человек – «два с полтиной», до трёх немного не хватает.

В.Ш.: У нас дядька был хромой, его дразнили, как он ходит: Два с полтиной – три рубля, два с полтиной – три рубля.

Г.П.: Хром, хром, где твой дом? – Под ореховым кустом.

Дела херы.

Плохи дела.

Делать что-то без думы.

Сделать без думы – не подумавши. У меня и думы об этом не было.

Дитё расть, что осинку глодать.

Осинка горькая. Дитё растить горько, как осинку глодать. (В.Ш. со слов своей матери Шмельковой А. П. 1914 г.р.)

Довести до ручки.

Довести до белого каления, разозлить.

Доедай, Ванюша, завтра ведро будет!

Доешь, что в тарелке, значит завтра будет солнечная погода.

До морковкиной задвины.

Искажённое: До морковкиного заговенья. Т.е. никогда, до несуществующего срока.

Доска два соска.

О чрезвычайно худой барышне.

Дурачок насрал в кулачок.

Дразнилка.

Дурочка с верёвочкой.

Дразнилка.

Дурнопа.

Глупо поступивший человек.

Душа-мера.

Сам знаешь, сколько тебе поесть, попить или что-либо сделать.

Еле-еле душа в теле.

Когда человек устал и медленно что-то делает.

Есть – бы убил, нет – бы купил.

Про мужчин. Нет мужа – купил бы, а есть – убил бы.

Есть в охотку.

Есть с аппетитом.

Есть в драку.

Есть с большим аппетитом.

Ешь досы.

Ешь досыта, наедайся.

Ешьте гоги собачьи ноги.

Самоирония по поводу своей стряпни.

Ешь за столом, а не за столбом!

Призыв кушать за столом, а не в каких-либо иных местах.

Ёлка колка? – Колка.**– Поцелуй жопу у волка.**

(В.Ш.) Детский фольклор.

Ждать чего-либо, как ворон крови.

Она, поди, ждет от него письма, как ворон крови!

Желыгать.

Кусать (о комарах). Вот как тебя комары нажелыгали!

Жизнь бекова – любить некого!

Приговор на осознание своего одинокого состояния. «Бекова» (Б.Л.) – значит бякая, плохая.

Жидиться.

Жадничать. Не жидись!

Жила чухонская.

Жадина. (В.Ш.)

Жопа с ручкой. (По земле ходила).

Незлой укор для родных: жопа ты с ручкой!

Жопой песок не удержишь.

Нельзя утаить шило в мешке.

Жуть с волосами.

(В.Ш.)

Теперь мы говорим «жесть».

Загад не бывает богат.

Нельзя загадывать, не сбудется!

Загадка.

Тёмная комнатка за печкой. Там зимой телят держали. Использовали для хозяйственных нужд.

Там в загадке возьми!

Задрыга.

Человек непредсказуемым поведением.

Задрыгнуть.

Замёрзнуть. Я задрыгла сегодня, такой мороз!

Закрылся город шмыг.

В игре «сунь пальчик, там зайчик!», когда закрываешь ладошки и не пускаешь пальчик ребёнка в свой кулачок.

Закопёрщик.

(В.Ш.) Зачинщик, инициатор дела.

За ушко и на солнышко.

Приговариваешь, когда за провинность ребенка за ухо таскаешь.

Заюливать.

Приниматься за дело. Заюливай давай, работай, принимайся за хозяйство.

Злая бываю семерых убиваю!

Ты со мной не шути! Я злая бываю – семерых убиваю!

Когда хотят посмеяться, говорят: Злая бываю – семерых мух убиваю!

Здорово, корова. От быка поклон!

Приветствие хорошо знакомому человеку.

Зубрятки.

Зубы у ребенка. (В.Ш.). Зубятки. Молочный зуб выпадет – кидаешь его за печь: Мышка-мышка, возьми зуб молочный, дай мне коренной.

Из души три души.

Вывести из себя, вымотать душу. Нет, он из души три души вынет, доведет он меня до ручки. И просто о человеке-зануде: из души три души.

Как дела? Как сажа бела.

Горькая ирония на вопрос: как дела? Род риторического ответа.

И чиханье, и пердёж, ничего не разберёшь.

Когда человек чихает и говорит одновременно.

Иван Иваныч, сними портки на ночь. Придёт день, снова надень.

Говорят так, снимая штаны ребёнку, например. Или просто так. Приговорка.

Изгваздаться.

(В.Ш.) Испачкаться, извозиться в грязи.

Именинника в подпол сажали.

Б.Л. слышала от матери такой разговор.

Интересно девки пляшут.

Приговор, когда говорят: это интересно.

Вариант: Интересно киска какат, вся согнётся и дрожит. (В.Ш.)

Ищи-свищи!

Значит, попробуй теперь найди что-либо или кого-либо.

Калганники.

Староверы. Но «калганников» отличали от «столоверов».

Кан.

Индюк.

Г.П.: Кан сопливый, нехороший, на татарина похожий. А татарин на свинью: хрю-хрю-хрю, а свинья на петуха – ха-ха-ха! Дразнилка.

Канёво одеяло.

Лёгкое тканевое одеяло, покрывало на кровать.

Каля-маля купи коня.

Нерусь. Любой нерусский человек. Подражание татарской речи.

Да он «каля-маля, купи коня» – не поймешь его. См. чемергес.

Как? Сядь да покак!

Риторический ответ на вопрос «Как?», показавшийся глупым.

Капуста в супе с хрустецой.

Недоваренная капуста во щах.

Квадрашки.

Мерзлая картошка. Это ели в войну. Весной, когда земля только оттаивала весь свой огород, где сажали картошку, вручную «просеи-

вали» и находили даже не картофель, а склизкий крахмал в кожуре. И это смешивали с водой, пекли и ели эти квадрашки. Запаривали лебеду.

Кладочка.

Мост через ручей.

Кляхлый.

О каше – неразваренная. (Не с разварочки). О хлебе – непропеченный.

Красотушка.

Ласковое обращение. Настюшка-красотушка. Ванюшка-красотушка.

Коза-дереза.

Коза-дереза, кари глаза.

Ах ты, коза-дереза. Шутливый приговор девочке.

Коза-дереза, кари глаза – о козочке в сказках и беседах с ребёнком.

Кукла моя гуттаперчевая.

Ласковое обращение, подразумевающее красоту того, кого так величаешь. Б.Л.: Ну садись, кукла гуттаперчевая.

Красивый, как картинка.

Очень красивый. Писанный красавец.

Говорят так же в насмешку:

Красивый, как кошка псивый.

(Г.П.)

Кривосака.

О криворуком человеке, кто что-либо сделал неловко, криво.

(Г.П.)

Крови нет, моча не греет.

Так шутейно говорят о замерзшем человеке. Который, **«дуба дал»**, замерз.

Под кукавочку.

Платок **обязывали** под кукавочку. Обязывали – это повязывали, под кукавочку – под подбородком. Обяжи платочек!

Кобедня.

Вырастешь большой, с кобедню. (А что это такое, бабушка не знала).

Кобыла ногойская.

Нелестный отзыв. Ну ты, подвинься, кобыла ногойская!

В.Ш. так прокомментировал: есть ногойцы, есть половцы. А есть кобылы ногойские.

Ковлыга. Ковлыжка.

Колдобина на дороге. В отличие от **выбоины**, выпуклая.

Колобашка.

Какая-либо массивная штукавина. Раньше сами хлеб пекли: Вот такие колобашки. (В.Ш.)

Конешно! На колу повешено!

Риторический комментарий на реплику: Конечно!

Кожарки. То, что зажаривают, когда жарить, к примеру, картошку. Самое вкусное. «Будешь картошку с кожарками?»

Комом.

Бросить рубашку комом. (Скомкать). Снять одежду комом.

Комушек. (сахару). Кусочек сахару. Бабушка говорила: «Возьми комушек сахару, всего один комушек остался.»

Котовать.

Ходить по бабам. О бабнике. Котовать пошёл?

Кока с сокой.

Будет тебе кока с сокой. Дескать, узнаешь, почем фунт гребешков (фунт лиха). На прямой вопрос, хорошо это или плохо, бабушка говорила – да, «кока с сокой» – это хорошо, что-то хорошее будет тебе, прибыль. В её живой речи эдакое насмешливое употребление этого словосочетания, как мне кажется, подразумевало и обратный смысл. У Б.В. Шергина в сказке Мартынка «кока с соком» употребляется в положительном значении – сладости с соком, хороший харч.

Колчужка.

Железная болванка, которую докрасна нагревали на огне и клали в котёл с горячей водой в бане, чтобы вода подольше была горячей. (Л.В.)

Козиное молоко.

Молочка хочешь козиного? Козье молоко.

Коты-моркоты.

Фрагмент детской пестушки. Б.Л. детям: коты вы моркоты. В.Ш. говорит «мурлокотан».

Куда? – Корове под муда!

На такой грубый ответ нарывался тот, кто осмеливался спросить: А ты куда? Спрос этот считался несчастливым. Спросишь «Куда?» – дороги не будет.

Кутафиться.

С чем-либо долго возиться, заниматься до утомления. Кутафиться с ребёнком.

Сам ребёнок – **Настасья Кутафьевна** (вне зависимости от пола). Если малыш долго одевается – Настасья ты Кутафьевна!

Кулюшки.

Сладости: печенье, баранки, что-то вкусное.

Записана такая поговорка от Л.В.:
Ел бы кулюшки, а работать – х...шки.

Курица-Федурица.

Прозвище курицы для ребёнка.

Курнопа.

Курносый человек. Да она вся в мать курнопа.

Куковать.

Без толку ждать. Пропускать какое-либо событие.
Пришли рано и будем там теперь куковать.

Левуха.

Левша. Так бабушка меня звала.

Люли малина.

Хорошая жизнь, разгул и раздолье. «Это тебе не люли малина».

Мал клоп, да вонюч.

Маленький человек, а шуму или неприятностей от него много.
(В.Ш.)

Матрос портки растрёс.

Шутливый приговор малышу. Ну что, матрос, портки растрёс?

Мать моя женщина!

В значении – Боже мой!

Мать твою за ногу, отца за пупок!

Аналогично: Едрить твою мать! Укор.

Машка, Машка, где рубашка?

– Потеряла, потеряла, потеряла, потеряла!

Такая игра. Спрашиваешь про Машку, а когда отвечаешь – набираешь воздух за щеку, бьешь по ней, и усиливаешь воздухом звук «П» в слове «потеряла». Можно так делать себе, можно собеседнику.

Машка пряла, Фрол вертел.

Уйдешь надолго, с концами, бабушка спросит: Где ты пропала? Что ты там делала? Машка пряла, Фрол вертел?

Махотка.

Маленький чугунок с крышечкой.

Метился я в пятку, а попал я в нос.

Загадка (об испорченном воздухе).

Мешать кислое с пресным.

Сочетать не сочетаемое: есть селедку с конфетой.

Много вас таких Иванов на Святой Руси.

Дескать, и кроме вас есть желающие. Становитесь в очередь. Или: много претендентов на данный бутерброд. (В.Ш.)

Много, как говна за баней.

Там в реке рыбы много, как говна за баней. (В.Ш.)

Как говорится, всё из жизни...

Мудово рыданье.

Какое-то расстройство с оттенком иронии. Бабушка говорила о моём младенце: «Иди, бери своё мудово рыданье». А этим летом кассирша в магазине на станции Конобеево отчитала узбека, который принес ей горсть мелочи: «Куда ты мне принёс это мудово рыданье?».

Мурлокотан.

(В. Ш.) Кот.

Мурыжить.

Долго тянуть с чем-то, возиться.

Можжюха.

Можжевельник. Можжюхой пропаривали дубовые бочки под соление огурцов. (Л.В.)

На мякине не проведёшь.

Не обманешь. Меня на мякине не проведёшь. (В.Ш.)

Настучать по п... мешалкой.

Угроза барышне в случае плохого поведения.

Наперкосы.

Наискосок.

Дорожка там идет и так мостки наперкосы. Не прямо ступай, а наперкосы.

Нассы в глаза – все божья роса!

О невозможности добиться адекватной реакции от человека.

Ему хоть кол на голове теши, хоть нассы в глаза – всё божья роса!

Начальник! Пила упала в чайник!

Дескать, тоже мне начальник нашелся!

Наелся! Из жопы рост торчит.

Либо об объевшемся человеке, либо в противоположность тому, с иронией, – о том, кто не доел.

Наелся, напился и спать повалился.

Приговор человеку, который так и поступил.

Нажвухать.

Настегать крапивой. Сейчас как жвухну!

На фига козе баян.

О чем-либо ненужном – вещи или занятии.

Нашлепничаю.

Нашлепаю.

Не было печали – черти накачали.

Сетование на неожиданно возникшую неприятность.

Не всё про всё.

Нельзя всё успеть за один раз.

Не золотая слёзка.

Подумаешь, ребёнок плачет! Не золотая слёзка! Побольше поплачет – поменьше пописает.

Не насытится жопа бздением, а ум богатством.

О ненасытной человеческой природе.

Не сорочи!

(В.Ш.) Не говори быстро!

Ни кожи, ни рожи.

О некрасивом человеке.

Ни хера и луку мешок.

Ироничный ответ на вопрос: «Что?» или «Что принёс?»

Носки разные надел – как колдун.

Так говорят.

Нос чешется: или в рюмочку глядеть, или с лестницы лететь.

Нос чешется либо к драке, либо к выпивке.

Ну что, бог простил?

С иронией по возвращении из туалета.

Нужно сообразиться.

Нужно сориентироваться, сообразить как да что.

Нюхай, друг, хлебный дух.

Так шутят, проходя мимо навозной кучи или туалета.

Обдетниться.

Обзавестись детьми. Вот, ты у меня и обдетнилась.

Обосрано поленце.

Любуйтесь на обосрано поленце. Шутливо о маленьком запелёнаном ребенке.

Огонь-вода! Огонь-вода!

Такими словами надо отгонять слепня. (В.Ш.)

Огурец в жопе не жилец.

Огурцами сыт не будешь. К слову, у нас еще говорят: «Гриб и огурец в жопе не жилец».

Один глаз на Кавказ, а другой в Арзамас.

Когда человек очень сонный, глаза слипаются. (Зап. от В.Ш.)

Один-господин!

Когда малыш впервые встает на ножки, приговаривают: Один, один – господин! Еще: Стой, дубок, стой, дубок! Ой, дубок-дубок-дубок, скоро Ванечке годок!

Он похож на кокош. А кокош ни на кого не похож.

Ответ на вопрос: На кого он похож?

Опозал дед Назар на базар.

Слишком поздно пришёл, не успел.

Отчего коза хвост подняла? Сикать захотела!

Ответ на вопрос «Отчего?», показавшийся глупым.

Ошурукать.

Очистить от земли, шелухи. Возьми картошку, ошурукай ее.

Папа-мама-жаба-цапа.

(Г.П.) Просто так можно говорить, ни к чему. Похоже на подражание детской речи.

Парень с гармонью или без гармонии.

Парень умный или не очень, «с приветом».

Ты что, без гармонии? Значит, ты что, дурак?

Пей вода и ешь вода. Срать не будешь никогда.

Приговаривают желающим сесть на диету.

(В) Перово – лестница херова.

По словам В.Ш., его отец Шмельков Алексей Тимофеевич 1911 г.р. (с. Чечевилово) возил на станцию Перово продавать молоко в бидонах. Он-то и стал автором этого высказывания.

Петушок.

Мужской половой орган. (Ребенку скажут: Петушок-то написал ? Про взрослого скажут – петух свой выставил).

Перекстись. Окстись.

Перекрестись. «Да окстись, ты» – опомнись.

Пипявый.

Прыщавый. Весь в пипках.

По душам, по душам, а то и по ушам!

Дескать, я к тебе хорошо отношусь, но будешь баловаться, по ушам получишь.

Поновлять.

Поновлять одежду – зашивать дырки, переживать платье.

По ногам как по паркету.

Говорят так, когда на ноги наступают.

Посолниться.

Поесть солёного.

– На селёдки, посолнись!

По аналогии: Покислиться, посластиться.

- На, покислись!
- На, посластийсь!

Потеряли, чем пыряли!

- Куда дели?
- Потеряли! Потеряли, чем пыряли! (В.Ш.)

Потом суп с котом.

Ответ на вопрос: А что было потом?

Поцелуй пробой и иди домой.

Когда пришел к закрытой двери и приходится уходить обратно, несолоно хлебавши.

Почему? По кочану и по кочерёжке.

Риторический ответ на вопрос «Почему»?

По немецки цацки-печки, а по-русски бутерброд.

Ответ на вопрос, как это будет по-немецки? (В.Ш.)

Привет от старых штиблет.

Дружеское приветствие.

Пришел марток – одевай семеро порток.

В марте ещё очень холодно.

Пропал с концами.

Ушел и не вернулся. Б.Л.: Он ушел с концами, к себе домой, наверное, поехал.

Просифонить.

Продуть на сквозняке. Где тебя просифонило?

Пузо-пузо хочет арбуза.

Про толстого скажут: У него пузо хочет арбуза.

Рад до усрачки.

Крайняя степень радости.

Раскарака.

Женщина с растопыренными ногами. Неловкая.

Ух, ух, ух, ух,
Родила старуха двух.
Мальчика и девочку,
Раскараку Верочку.

Расхлебястнуть дверь.

Широко распахнуть дверь, стукнуть ей, с оттенком осуждения.
(В.Ш.)

Родненька издалёка близенька.

Своего-то родного сразу признаешь. Так, родненька издалёка близенька.

Родился, тут же в дело сгодился.

О прирожденном таланте.

Руки крюки.

О «криворукости» и неловкости человека. Разобьешь тарелку, скажут «руки-крюки».

Оцецал.

Отошёл от чего-либо. Оклемался. Ну что, оцецал немного?
(Г.П.)

Села баба на чело и кричит: Чаво-чаво?

На чело русской печи, думается, села баба. Так говорят о непонятливом человеке, который не понимает, о чем речь, и спрашивает собеседника: Чего? (В.Ш.)

Семь дыр провертит.

О егозе, беспокойном ребенке (см. также «ворошилку»).

Своя сопля солна.

Так говорят о своем родном ребенке. Аналог: своя рубашка ближе к телу.

Солнышко-колоколнышко.

Солнышко на Рождество ирает.

Сикось-накось.

Крест-накрест. Перевяжи грудь сикось-накось. (Мы шутили: кось на сикось.)

Снимай портки, да лук толки.

Ироничный ответ на вопрос – что делать? Когда и так очевиден ответ.

Мам, че делать-то?

– Снимай портки да лук толки.

Стульчики.

Бабушка мне в детстве делала игрушку – плела стульчик из длинных побегов подорожника. Укладывала на ладонь длинный гибкий подорожник дугой, ниже – такой же и переплетала их и так раз 5-9. Выправляла стульчик, а нижние его концы – ножки просто связывала вместе. Стульчик был неустойчив, но очень интересно было его делать.

Своя жопа – барыня.

Дома своя жопа-барыня. Можно, дескать, не стесняться своих некоторых естественных отправлениях.

Скройся беда на этим.

Когда разобьешь что-то, стакан или тарелку, нужно сказать: скройся беда на этим (этом).

Собаки жрать не будут.

Что-то очень плохое. Б.Л.:

– Посмотри на мои ноги, собаки жрать не будут.

Соня-засоня.

Дразнилка заспанному человеку.

Счастье у всякого не одинаково.

У всех разная судьба.

С прип...ю.

Так говорят о человеке со странностями, с моральными отклонениями.

Схватиться, как черт за грешну душу.

Он за меня схватился, как черт за грешну душу. Замуж за него пошла.

С...ть, как из гвоздя.

Понос. «Меня вчера несло, как из гвоздя».

Симоны-гулимоны.

Гулянье, праздник, застолье с выпивкой и закуской. «У них сегодня симоны-гулимоны».

Семь вёрст до небёс. Семь вёрст до небёс и всё лесом.

Когда собеседник «городит огород» – рассказывает очень много и с подробностями, но с сомнительной ценностью высказывания.

Семь вёрст говном плыть.

Тебе до него семь вёрст говном плыть. Дескать, ты ему и в подмётки не годишься.

Секель.

Женский половой орган. Вот еще несколько вариантов этого понятия:

Бабушка часто говорила **сикель-микель** (мужского рода!).

Сикушка. Сиканда.

(А так чаще шуточно говорили про девчонку, имея в виду её небольшой возраст. Но также употребляли слово и в прямом значении,

аналогично слову «писа», причём могли так сказать не только о девочке, но и о мальчике: Что, сиканда твоя написала? Ты теперь сиканый-буриканый (см. бурить). Для мужского (детского) полового органа было свое специальное слово – «петушок» см. выше).

Вот ещё такое присловье: «Сика Мику родила, три дня дома не была». (зап. От Л.В)

И при этом: «Родила п...шка игрушку, вот играй теперь да играй» – о новорожденном или маленьком ребёнке.

Сравнить жопу с пересечиной.

То же, что <сравнить хер с пальцем>, то есть сравнить в принципе несопоставимые вещи.

Собаки страшные.

В насмешку: ну они, собаки страшные, обещали и не пришли.

Станция Дерезай, кому надо вылезай.

Так говорили, когда подъезжали на место. (Г.П.)

Стар стал – одни мощи. Отрезать хер и бросить во щи.

Дескать, старость не в радость.

Стол-престол.

На столе не сидят, не стоят. Стол-престол. Будешь на столе сидеть – бог ушки отрежет.

Такая я такая есть, на базар меня не везть.

Я такая, такая есть. Не на базар же меня везть.

Тераска.

Холодное помещение,ходишь в дом – тераска. Потом сени, отдельная комнатка – горница. В доме центральное помещение «передняя» с красным углом.

Тепло! С носу потекло!

Легко оденешься на улицу, а там холодно. Скажешь бабушке:

– Да ведь тепло!

– Тепло, тепло! С носу потекло. Давай теплее одевайся.

Тетёшкать.

Пестовать ребенка. С дитём возиться, что богу молиться.

Трали-вали.

Так в Конобеево все называли самогон.

(К слову, другой вариант из Жуковского «ляпси-дряпси»).

Трупёрдый медведь.

Упрямец. Упрямый, как баран.

Тпруа.

Гулять. Пойдем тпруа, говорят ребёнку.

Тулпешка.

Тупой, бестолковый человек.

Ту-ту на Воркуту.

Приговор, намекающий на дальнюю дорогу.

Ты был с горошину, собирал по Алешину.

Устойчивое выражение, употреблялось бабушкой как временная отсылка к тому моменту, когда тот, о ком идёт речь, ещё не родился. Был «в проекте». Как объяснить это выражение, бабушка не знала. Возможно, в её речь это устойчивое выражение попало уже с ошибкой. Наша соседка баба Люба (Л.В.) произвела, как мне думается, полный или начальный вариант этого присловья:

«Ты был в м... с горошину, а мы уж работали по-хорошему». (Со слов Л.В., так говорила её мама Анастасия Николаевна Ложкина 1900 г.р.)

Ты дурак или родом так?

Риторический вопрос. Можно ответить: да он сам дурак, и родом так.

Тормоха.

Женщина, которая все делает суетно и без толку.

Ужин, ужин. Был бы обед дружен!

Приговор на спрос: Что на ужин?

Утром наймёмся, за день намнёмся, вечером расчёт берём.

О задуманном, но не состоявшемся деле.

Сокращенный вариант: утром наймемся, вечером расчет берем.

Узнаешь, почём фунт гребешков.

То же – узнаешь, почем фунт лиха.

У него в кармане вошь на аркане.

В кармане пусто, нет ничего. Финансы поют романсы. Про нищего, небогатого человека.

Утопленники.

Такое печенье готовили раньше на праздники, называли «утопленники». Тесто замешивали на дрожжах, как для лапши. Готовое тесто утапливали в ведре с водой под гнётом, потом доставали, раскатывали в тонкую лепёшечку, чтобы от стола отставала и разрезали треугольниками. Каждый треугольничек заворачивали в трубочку, присыпали сахаром и смазывали яйцом и ставили в русскую печь. Очень было вкусно. Только на праздники пекли утопленники, а пироги пекли каждое воскресенье.

Ухлять.

Уйти куда-либо с негативным оттенком значения.

Ты куда ухляла на весь вечер?

Фарья Васютишна. (см. Секель). Сокращенно просто «Фарья».

Иносказательно о женском половом органе и о женщине, которая по возрасту совершенно переросла «сиканду». Оттенок смысла – насмешливый, но, как правило, не злой. Злой оттенок носит в таких случаях всем известное слово п... Мной зафиксирована необычная форма множественного числа этого слова: «...ёзды».

Фунякий.

Вонючий. От междометия «Фу!». Фу, какие у тебя руки фунякие, иди мыть скорее.

Фурки.

Улица в с. Бессоново. Где они живут – на Фурках. Здесь же – «кладочка» (мостки) через ручей (речка Сухонка).

А на конце Конобеева за «линей» (железнодорожные пути) – Потеряевка. Дальше начинались «луга». Ходить в луга – за рыбой. Ходить на речку (Нерскую).

Фу-ты –ну-ты.**Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты, а меня зовут Фома.**

Приговор, аналогичный «ёлки-моталки».

Хорошая мать три пуда говна съест.

А плохая и того больше, говорила Б.Л. Пока ребенка вырастишь, в говне повоозишься.

Хороша гроза да к ночи.

Хорошо, что гроза к ночи началась – все спать лягут, и никто не испугается.

Ты что, хер за мясо не считаешь?

Шутка такая. Если мясо в супе не ешь. Ну и в других, конечно, обстоятельствах это выражение можно употребить. (В.Ш.)

Хер не кораболь, всех не посадишь.

(В.Ш.)

Хрен породы не испортит.

(В.Ш.)

Хоть стой, хоть падай. Хошь стой, хошь падай.

Крайняя степень удивления. Ну ты сказанул! Хошь стой, хошь падай!

Х...– нога. Вариант «Хер-нога».

Несуразное строение, не на месте поставленная баня, выросшее дерево. «Вон посмотри, что там выстроили, баня х...-нога стоит, не на месте поставили».

Чаёвничать.

Пить чай. Мы – чаёвники. Чаёвничаем. **Утром – чай, днём чаёк, вечером чаище.**

«Часики».

Полевые гвоздики (Т.н. гвоздики Фишера). В детстве мы по таким «часикам» смотрели, какой час: поворачивали в руке бутончик и приговаривали «тик-так, тик-так». На Вятке такой цветок называют «Сон Богородицы». Примечательно, что на итальянских полотнах и иконах XIV-XV веков мадонна предстает с младенцем в правой руке и с «конобеевскими часиками» в левой.

Чеграш. Чеграши.

Ребёнок. Дети. Мальчишки. Сама приходи, и чеграшей своих прихвати.

Чемергес.

Нерусский. Татарин, мордвин – не важно. Главное, речь его непонятна. Мой чевиловский батя так в шутку называл маленького внука (иди сюда, чемергес), видимо, из-за детского лепета. Так детская речь слышится взрослому, как что-то непонятное, иностранное.

Чё? – Через плечо не горячо?

Риторический ответ на вопрос «Чё?». См. А? – Ворона кума!

Черного кобеля не отмоешь добела.

Человека не изменишь.

Чёрти что и с боку бантик.

Какая-то ерунда, несуразно одетый человек, плохой рисунок.

Чечевика.

Чечевица. Чечевику у нас не ели, её для скота сажали. В Конобеево уже говорят чечевица, а в Чевилово продолжают старики говорить «чечевика».

Топ-топ-топаю,
Чечевика с викою,
Подержи мой ридикуль,
А я пойду посикаю. (Б.Л.)

Что делаешь? Спички сирю. (Спички серу).

Риторический ответ на вопрос: Что делаешь?

Что ты смотришь на меня, как солдат на вошь?

В насмешку о пристальном и неприятном взгляде. (В.Ш.)

Что ты ржёшь, моя кобыла, в туалет сходить забыла?

Ответная реплика на смех, который показался неуместным.

Что хочу, то ворочу.

Делаю, что хочу.

Что спишь, то не живёшь.**Чудо с пруда.**

Странно выглядишь: Чудо ты с пруда!

Чур мои деньги все до копейки.

Приговор на пролетающую птичью стаю в небе. Мама (Г. П.) говорит, что так надо говорить, когда птицы летят, чтобы деньги и богатство водилось.

Чухлома.

Здесь раньше чухлома была, гиблое место. Ну ты и чухлома, как сморозишь что-нибудь! (В.Ш.)

Шаром покати.

Нет ничего, пусто. У них в доме хоть шаром покати.

Шидорга.

В.Ш. То же что и «задрыга» см. выше. (Чевилковский вариант.)

Шиш с маслом.

Даже и с маслом это всё равно – ничего. Ничегошеньки.

Шишка бобышка.

О синяке, шишке.

Шишок под носок.

Смягчённое «шиш тебе».

Шквардашки.

Шкварки из сала. Картошка со шквардашками. Жареное до состояния жвачки свиное сало.

Почему-то в этой связи вспоминается, как бабушка рассказывала, что однажды принесла с работы большую бутыль рыбьего жира. (Бабушка работала медсестрой в Конобеевской больнице, расположенной в лесу рядом с селом Бессоново. А рыбий жир давали детям из большой бутылки ложкой в качестве источника витамина Е). И они потом на рыбьем жире жарили картошку. Говорила, было вкусно и сытно.

Шкрёты.

Обувь, которая шаркает. Дай-ка мне мои шкрёты!

Шкрыкать.

Ходить, шаркая подошвой.

Перестань шкрыкать!

Шемберить.

Тянуть резину. Медлить.

(В.Ш.)

Шерочка с машерочкой.

Две близкие подруги, всегда вместе. От французского «chère» и «та chère» – дорогая, моя дорогая.

Вон шерочка с машерочкой пришли.

Шукать.

Шукать-баюкать. Качать ребёнка. Дай-ка я тебя пошукаю.

Из пестушки: Шуки-баюшки, поехали к Ванюшке.

Это не кража, а просто делёжка.

Когда прихватил что-то незначительное. Например, взял полено у соседа и мучаешься совестью – украл или нет? Тут на помощь приходит старший в роду со спасительной поговоркой.

Я не я и лошадь не моя.

Дескать, меня это якобы не касается.

Необычные формы употребления слов.

Баиньки-заиньки (спать).

Ведёрочка. (см. выше) Ведро.

Вы наетые? Вы наедены? (Вы сыты?)

Вылазий. (вылезай).

Глядеть порядки (узнавать, как дела). Пойду погляжу порядки.

Далёко. Далеко.

Доёдывай! (Доедай!)

Долбачить. (Долбить).

Забелить щи сметаной.

Зада. На задах стоит. Выйди на зада (на задний двор).

Зачем? – За надом!

Издеватель (тот, кто издевается над кем-то).

Картовина. (картофелина)

Козам. Для коз.

Корец (ковш).

Котёньчик. Маленький котёньчик. Маленький ребёньчик.

Котлетина (одна котлета).

Кофтя (кофта). **Ленивка** (ленивица).

Луговина. Луг.

Люля (постель). Пора в люлю.

Маленько. Немножко.

Милая. Милая.

Моркошка (морковь).

Навести раствор (приготовить раствор).

Облак.

Обуй носки.

Одеялочка. Возьми одеялочку, оденься (значит, укройся).

Пёнушек (пень)

Полотенец. Возьми там полотенец.

Прижимочки (прищепки).

Ругачий (Тот, кто по обыкновению ругается).

Сельдери. Сельдерей.

Ступёнка (ступенька). Там на ступёнках стоит.

Свечёное яблоко. Освященное в церкви.

Сливина (одна слива).

Слизнуть, что послаще. Слизнуть. Полакомиться.

Снести картошку в подпол.

Ствола, стволина (ствол у картошки).

Туча. Какая большая туча идёт.

Тимонтий (Тимофей).

Таган (сковорода). Таган картошки нажарить.

Удовольствие справить (доставить себе любую радость).

Юбтя (юбка).

Яблок. Такой вкусный яблок.

Ямина (яма).

P.S.

После публикации «Конобеевские байки» в выпуске Мещёра край № 3 Галина Петровна Шмелькова сделала коррективы и пометки, дополнившие текст. Приведу их:

Мальчик-хулиганьчик завёл девочку в сарайчик. Нокормил её *мукой* (в варианте Б.Л. «крупой»), хватъ за титечку рукой.

Как у Вани на постели грибы-ягоды поспели.

Отчего они поспели? Ванька ссытся на постели.

- Что в горбу?
- Денежки.
- Кто наклал?
- Дедушка.
- Чем наклал?
- Лопатною.
- *Какою?*
- *Золотою.*

Немец-перец, колбаса, тухлая капуста.
Съел кобылу без хвоста, говорит, что вкусно.

С гуся вода, с Ванечки вся худоба.

Дождик, пуще! Дам тебе гущи! Бери ложку, хлебай понемножку!

Дождик, дождик перестань, я поеду во Рязань *Богу молиться,*
Христу поклониться.

Мой муж арбуз,
А я его дыня.
Он вчера мне изменил,
А я ему ныне.

У Б.Л. :

Арбуз, мой арбуз,
А я его дыня.
Он вчера меня лупил,
А я его ныне.

Мои глазки как салазки,
Только не катаются.
Я не знаю, почему
Мальчики влюбляются.

У Б.Л.: Я беззубого люблю, он лучше – не кусается.

Анеша, Вахлак (синонимы) – Вахлак – неопрятно и грязно одетый мужик. Анеша – прозвище конкретного человека. В дер. Чечевинское жил мужик, по прозвищу Анеша. Деревенское щатало, неопрятный. «Ходишь, как Анеша» говорили.

«Гость на гость – хозяину в радость» (В.Л.)

«Чай с таким» – просто чай, без ничего.

«Полешко подкинуть» – кинуть полено в печку.

«Горюша моя бедна дочь» – устойчивое словосочетание, не раз слышанное от В.Л. «Горюша ты моя бедна» – выражение сочувствия, жалости.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА

Подготовил к публикации
Сергей Сергеевич Михайлов

СВЯЩЕННИК-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Государственный Архив Рязанской Области (ГАРО). Фонд 5.
Опись 4. Дело 4055. Л.6–6 об.

Л. 6

И.Д.
Рязанского
Губернатора,
Вице-губернатор

*Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь.*

*Его Преосвященству,
Никодиму,
Епископу Рязанскому
и Зарайскому.*

По имеющимся у меня сведениям священник села Дмитриевского Погоста, Егорьевского уезда, Александр Фиников в конце 1905 года был замечен в тайной агитационной деятельности среди местных крестьян. 1-го января 1906 года при произнесении в храме после литургии проповеди о. Фиников открыто порицал действия Правительства и начальствующих лиц, а затем при посещении домов прихожан с теми или иными церковными требованиями пользовался всяким случаем, чтобы вести противоправительственную пропаганду, что послужило поводом к привлечению его к формальному дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном 129 ст. Угол. Уложения. В том же году Фиников, как установлено дополнительным дознанием, совместно со своей женой Лидией и деревенской молодежью, пел революционные песни в с. Заболотье, Егорьевского

Л. 6 об.

уезда, в доме местного священника о. Василия Лебедева. Кроме того с Финиковым, между прочим, ведет знакомство и священник с. Колычева, Егорьевского уезда, Александр Орлов, который, отличаясь нетрезвым образом жизни и частым посещением трактирных заведений, неоднократно замечен в пении там непристойных песен. Хотя Орлов и не проявлял открыто своих убеждений, но есть основание считать его политически неблагонадежным лицом, ~~потому что сочувствует политическому движению~~ (зачеркнуто в документе – С.М.). К церковной службе относится крайне небрежно, часто пропуская очередные богослужения, чем и уронил свой авторитет среди прихожан.

Сообщая об изложенном Вашему Преосвященству, имею честь покорнейше просить уведомить меня о мерах, какие имеют быть приняты Епархиальным Начальством по отношению к названным священникам.

Испрашивая Ваших Архипастырских молитв, имею честь быть Вашего Преосвященства.

И.д. губ, В. губ. Гр. Муравьев

«...» июля 1908 года

2. ГАРО. Фонд 5. Опись 4. Дело 3945. Л.8-8об.

Л. 8

НАЧАЛЬНИК
РЯЗАНСКОГО УБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ

Марта 14 дня 1906 г.
г. Рязань

Секретно

Во исполнение предложения от 10-го минувшего Февраля за № 669 докладываю Вашему Превосходительству.

Священник села Дмитриевского Погоста, Егорьевского уезда ФИНИКОВ и его жена Лидия – личности безусловно неблагонадежные в политическом отношении и о противоправительственном

образе действий священника Финикова возбуждено судебное следствие, по предложению Прокурора Рязанского Окружного Суда.

Ближайшие знакомства Финиковы ведут 1) с проживающей в Дмитриевском Погосте бывшей ссыльной Марией Ивановой Сомовой – теткой местного Земского Начальника Карандеева, изгнавшего ее из своей квартиры, 2) бывшим студентом Дмитрием Эрастовым Герасимовым и 3) с учителем местной народной школы Орловым, сын которого, бывший ученик Рязанской Гимназии Северин Орлов, привлекался при вверенном мне Управлении к дознанию по обвинению в государственном преступлении. Относительно учителя школы села Дмитриевского Погоста Дмитрия Иванова, его жены Анны Егоровой Ивановой и ее матери местной акушерки Надежды

Г. Рязанскому Губернатору

Л. 8 об.

Павловой Субботиной, установлено лишь, что они находились в ближайших сношениях с местным помещиком Козновым, который 18 и 19 Октября 1905 года вывесил у себя красные флаги с надписями «Да здравствует свобода и равенство».

Этим поступком крестьяне были возмущены и потребовали от Кознова, чтобы он убрал флаги, что тот и исполнил. Так как учитель Иванов тоже принимал участие в выходе Кознова с флагами, то крестьяне и на него обрушили свое негодование, вследствие чего он, Иванов, даже скрывался некоторое время из села Погоста.

Имеются также сведения, что и местный земский врач Петр Николаевич Зимин был причастен к кружку Финиковых и к делу о красных флагах. В первых числах Февраля сего года Зимин выбыл из Егорьевского уезда.

Полковник

подпись

В. Н. И.

ЕПИСКОП
РЯЗАНСКИЙ И ЗАРЯНСКИЙ.

Июля 10 -го дня 1909 г.

№ 2795

РЯЗАНЬ

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,
МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ,
ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

На отношение ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА отъ 24-го Іюля 1908 года за № 1407, съ свидѣніями о политической неблагонадежности священниковъ церкви селъ 3-го Егорьевскаго округа-Погоста Дмитревскаго Александра Финикова и Кольчева Александра Орлова и съ просьбой увѣдомить о мѣрахъ, какия имѣли бытъ приняты Епархіальнымъ Начальствомъ по отношеніи къ названнымъ священникамъ, - имѣи честь сообщить ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ слѣдующее.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
ГОСПОДИНУ РЯЗАНСКОМУ
ГУБЕРНАТОРУ, ТАЙНОМУ
СОВѢТНИКУ ВЛАДИМИРУ
АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛЕВАНОВУ.

24-го того-же Іюля мною предложено Духовной Консисторіи немедленно назначить формальное слѣдствіе по содержаніи означеннаго отношенія ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА о названныхъ священникахъ Финиковѣ и Орловѣ, при чемъ предписано Консисторіи производство слѣдствій о сихъ лицахъ поручить слѣдователямъ, или ихъ товарищамъ, изъ сосѣднихъ благочинническихъ округовъ, что Консисторіей и было приведено въ исполненіе 28-го Іюля чрезъ посылку указовъ слѣдователямъ-въ отношеніи священника Финикова-товарищу духовнаго слѣдователя 5-го Рязанскаго округа священнику Николаю Добролюбову за № 10894 и въ отношеніи свя-

708
щенника Орлова-слѣдователи I-го Егорьевскаго округа священнику Сергію Урусову за № 11072.

По разсмотрѣніи слѣдственныхъ производствъ о священникахъ Финиковѣ и Орловѣ установлено: 1|что обвиненія священника Александра Финикова въ политической неблагонадежности наличнымъ причтомъ церкви села Дмитіевскаго Погоста и присяжными показаніями опрошенныхъ свидѣтелей болѣе 30-ти чело-
вѣкъ не подтверждены, а посему Епархіальнымъ Начальствомъ 5-го Марта-6-го Апрѣля сего 1909 года постановлено: священника Александра Финикова, по обвиненіи его въ политической неблагонадежности, по суду считать оправданнымъ; и 2|что обвиненіе священника Александра Орлова въ политической неблагонадежности присяжными показаніями 32-хъ свидѣтелей не подтверждено, не подтверждено также обвиненіе его, священника Орлова, въ нетрезвости и неблагоповеденіи: водку онъ пьетъ, но не всегда и не чрезмѣрно, въ трактирныхъ заведеніяхъ его никто не видалъ и пѣнія свѣтскихъ пѣсень никто не слыжалъ; въ чайныхъ заведеніяхъ бывалъ или по дѣламъ службы, или за покупкою продуктовъ и выѣстъ для бесѣдъ по сельскому хозяйству. Въ отправленіи церковныхъ и приходскихъ требъ священникъ Орловъ всегда исполнительъ и въ ночное время и даже къ чужеприходнымъ; пропусковъ очередныхъ богослуженій не дѣлалъ и, вообще, священникъ Орловъ пользуется расположеніемъ и уваженіемъ прихожанъ. Въ виду изложеннаго Епархіальное Начальство 28 Октября-13 Ноября 1908 года постановило: священника Александра Орлова, по обвиненіи его въ политической неблагонадежности и неблагоповеденіи, по суду и слѣд-
ствѣ считать оправданнымъ.

О состоявшихся постановленіяхъ Епархіальнаго Начальства въ отношеніи священниковъ Финикова и Орлова симъ послѣднимъ Консисторіею дано знать указами чрезъ мѣстнаго благочиннаго.

Призывая на Васъ Божіе благословеніе, съ совершеннымъ

почтениемъ и преданностію имѣю честь быть
ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,
МИЛОСТИВАГО ГОСУДАРЯ,
покорнишии слуга
Николаи Епископъ Леваионіи и Зарайскіи.

*Храм Дмитрия Солунского в селе Дмитровский погост,
где служил о. Александр Фиников
(современное фото)*

МЕЩЁРСКИЙ ЮРТ

Гамэр Баутдинов

*журналист, член Попечительского совета
«Землячества нижегородских татар» в Москве и
Совета Орехово-Зуевской мусульманской общины*

СТАРЕЙШЕЕ МИШАРСКОЕ СЕЛО НИЖЕГОРОДЧИНЫ

В юго-восточной части нынешней Нижегородской области расположены на довольно компактной территории 33 татарские села и деревни. Хотя в административном отношении они разделены по пяти соседствующим районам области, но их многовековая история складывалась в русле общих тенденций расселения татар-мишарей¹. По этим землям проходили и древние маджары, и половцы, и ордынцы, а кто-то из них здесь оседал. По сохранившимся преданиям, эти земли в XIV веке входили в состав золотоордынского Мещёрского Юрта (Улуса) со столицей в г. Мухша (современный Наровчат на территории Мордовии)². Однако не сохранились названия тех поселений, которые могли стоять на месте нынешних татарских сёл и деревень в этой части Нижегородчины. А их нынешний отсчёт начинается с середины XV века, когда в хроникальных записях появляется название Сафаджая – крупнейшего татарского села в этих краях.

История

Согласно преданию, селение было основано в 1451 году. Эта дата указана в т.н. «Сафаджайских тетрадах» – ежегодных записях о происходивших в деревне событиях, которые велись в местной мечети. Лет через десять в Сафаджае появилось и первое мусульманское кладбище. В этих же тетрадах указано, что первыми поселенцами

¹ См. более подробно: Баутдинов Г. Мещёра и татары // Мещёра-край. М., 2011. Вып 1. С. 114–139.

² Ислам на Нижегородчине: Энцикл. словарь. Н. Новгород, 2007. С. 114.

здесь были восемь человек – выходцы из Ак-Мечети из-под Астрахани. Затем сюда перебрались люди с арзамасских и касимовских земель, а более конкретная история Сафаджая начинает проследиваться после казанских походов Ивана Грозного. Об этом подробно повествует книга «История татарской деревни Сафаджай – Красная Горка в XV–XX веках», авторами которой являются доктора исторических наук С.Б. Сенюткин и О.Н. Сенюткина, а также местный краевед С.В. Сабиров. Они подчёркивают, что «Сафаджай является одним из самых ранних татарских селений Нижегородского края по времени своего возникновения» и что «в отличие от подавляющего большинства татарских деревень, это селение возникло до XVII века по собственной инициативе первожителёв (неслужилых татар), а не по указанию российских властей»³.

До сих пор много споров вызывает название села, тем более что на местном мишарском цокающем диалекте оно произносится как «Сабацай» («Сабачай» в литературном варианте). Некоторые исследователи возводят первую часть этого названия к слову «сабан» (плуг), и отсюда, кстати, идёт «Сабантуй», известный народный праздник. Но думается, что правы те, кто видит в названии Сафаджая двойную основу: «сафа» и «джай» или «жай». В результате сложения этих двух слов получается нечто, которое можно образно перевести как «место приятного отдохновения». Однако в русском варианте «Сабачай» превратилось в «Собачий» с добавлением слова «остров», и село под официальным названием «Собачий Остров» фигурировало в документах вплоть до 1940 года, когда оно было названо Красной Горкой (ныне она входит в состав Пильнинского района Нижегородской области). Такие вот штуки выкидывает иной раз лингвистика.

И невольно улыбнёшься, когда читаешь, что Сафаджай оказался в составе Пьянского стана Алатырского уезда, образованного в 1584 году. Но здесь всё логично, ибо определение стана пошло от названия реки Пьяны, течение которой отличается особой извилистостью. Под категорию «алатырских» входили на первых порах и те сафаджайцы, которые числились в качестве «служилых татар». Как пишут авторы

³ Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Сабиров С.В. История татарской деревни Сафаджай – Красная Горка в XV–XX веках. Н. Новгород, 2006. С. 15.

вышеуказанной книги, по-видимому, «на стыке XVI–XVII столетий следует искать причину появления служилых татар в Сафаджае и образование близ него их служилого поселения – Новый Усад. Там впервые было размещено 11 военных татар, присланных из Кадомского уезда для прохождения государственной службы. По свидетельству источников, их усад расположился близ уже существующих 6 дворов, населённых коренными жителями Сафаджая»⁴.

Известно, что царские власти использовали служилых татар как на мирном поприще (например, на обслуживании почтовых трактов и ямских перегонов), так и в ратных делах. В этом смысле жизнь и служба сафаджайцев мало чем отличалась от того, что происходило с жителями других татарских селений Нижегородчины и соседних губерний. Служилые получали земли в разных селениях, в том числе в Сафаджае, хотя здесь уже обитали и «невёрстанные» (неслужилые) татары, владевшие землями предков. В писцовых книгах Алатырского уезда за XVII век⁵ приводятся многие имена служилых и неслужилых татар из Сафаджая и иных селений этого края, а в других исторических источниках называются места и даты боевых действий с участием алатырских, арзамасских и курмышских татар.

А было что защищать и за что сражаться! С юга, со стороны степи висела постоянная угроза набегов из Ногайской Орды, которые повторялись неоднократно. Но наиболее драматичным оказался набег, случившийся летом 1612 года, когда ногайская конница под водительством мирзы Курмаммета воспользовалась одним слабо защищённым «коридором» в лесостепи и проникла к татарским селениям. Одной из первых жертв этого набег а оказались жители Сафаджая, и селение, по всей видимости, было разорено. Далее ногайцы прошли через Петряксы и обогнули другие татарские селения (Рыбушкино, Уразовку, Шубино, Грибаново), пока не были остановлены на подступах к Арзамасу. При отступлении они были разбиты близ деревни Чукалы служилыми татарами, которыми командовал мурза Баюш Разгильдеев.

⁴ Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Сабиров С.В. История татарской деревни Сафаджай – Красная Горка в XV–XX веках. Н. Новгород, 2006. С. 15.

⁵ См., в частности: Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов. М.; Н. Новгород, 2012. С. 80–82.

Это происходило в период Смутного времени, и оно, конечно, не могло не коснуться и татар. Как и другие россияне, они оказались в разных лагерях, но алатырцы, в том числе и сафаджайцы, сражались на стороне тех, кто выступал за восстановление российской государственности. Они участвовали в последующих войнах с поляками, и в качестве примера можно привести события 1632–1634 гг. под Смоленском. Вот что писал покойный С.Б. Сенюткин (1951–2004): «Среди прочих (казанских, свияжских, касимовских, темниковских, кадомских) татар туда были направлены 359 алатырских, 220 арзамасских и 155 курмышских служилых татар и тарханов. Татары Нижегородчины составили почти треть всех служилых татар и мурз, брошенных тогда на войну с поляками»⁶. А в вышеупомянутой книге о Сафаджае говорится: «В начале 60-х годов XVII века военно-служилое сословие Алатырского уезда было одним из самых сильных среди российских уездов: из них только служилых татар и мурз насчитывалось 322 человека. Не менее 10 % от него (около 30 человек) составляли уроженцы Сафаджая, по тем временам относительно крупного селения»⁷.

Между тем в самом Сафаджае продолжались процессы, связанные с землевладением. Тогда земли ещё хватало, тем более что пришлым, служилым татарам были выделены новые земли. Эта территория получила название «Нового Усада», и довольно скоро он слился с самим Сафаджаем. Его жители, как и обитатели других татарских сёл и деревень, отрицательно отнеслись к призывам людей Степана Разина присоединиться к его движению. Ведь добра от добра не ищут! Плодородные чернозёмные земли, обильные покосы, богатые леса – всё это вполне устраивало татар, населявших эти края.

Но суровую встряску для татар и других инославных Нижегородчины и соседних губерний принесло петровское время. Ещё раньше, при первых царях Романовых, начались попытки христианизации иноверцев, хотя это не имело особого успеха среди татар. Однако царь Пётр I резко изменил политику в их отношении. Сначала были аннулированы права служилых татар, отказавшихся принять креще-

⁶ Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. Н. Новгород, 2001. С. 68.

⁷ Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Сабиров С.В. Указ соч. С. 21.

ние, на владение землёй с крепостными православного исповедания. Затем для всех татар были увеличены подати, стал более интенсивным рекрутский набор, а тем из них, кто переходил в православие, наоборот, всё делалось в сторону сокращения. Наконец, в 1718 году последовал царский указ о переводе служилых татар, в том числе Нижегородской губернии, образованной в 1708 году, на лесные работы в качестве «лашманов» (от немецкого *laschen* – рубить и *der Mann* – человек, мужчина). Многие тысячи татар и других «инородцев» стали направляться в обязательном порядке на подготовку, в первую очередь, корабельного леса. Полтора столетия они ходили в «лесорубах», и только в 1860 году лашманы были переведены в разряд государственных крестьян⁸. Эта работа была настолько тяжела, что у нижегородских татар родилось даже выражение – «лашман алашасы кебек арыдым» («устал, как лашманская лошадь» – зафиксировано в селе Красный Остров, что в 7 км от Сафаджия). Так закончилась эпоха служилых татар, между тем как большие группы татар были направлены на строительные работы по сооружению новой столицы России – Петербурга.

Всё это в полной мере коснулось и жителей Сафаджия, как и населения других татарских сёл и деревень Нижегородчины. Между тем в XVIII веке продолжало расти население этих краёв, всё меньше оставалось пахотных земель, вырубались леса, и теперь, например, от прежних лесов и рощ в Сафаджиае остались только одиноко растущие деревья. Татарские селения в этих краях соседствовали с владениями русских землевладельцев, среди которых выделялись представители таких известных фамилий, как, например, Мятлевы или Левашовы (отсюда название одного из соседних деревень – Левашовки). Не раз с ними возникали тяжбы по поводу принадлежности тех или иных земель. Тем не менее относительная удовлетворённость своим экономическим и социальным положением выразилась в том, что нижегородские татары не примкнули к восстанию Емельяна Пугачёва.

⁸ Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С. 318.

Духовная жизнь: Хусаин Фаизханов и другие

В 1788 году татары, как и другие иноверцы Российской империи, получили долгожданный указ о веротерпимости, поскольку императрица Екатерина II прекрасно понимала, что в многонациональном государстве нельзя попираť религиозные чувства населявших её народов. Было создано Оренбургское мусульманское духовное собрание (ОМДС), что дало последователям ислама возможность открыто исповедовать свою веру и строить мечети. Однако назначение их духовных наставников, мулл, проводилось по утверждению властей (отсюда идёт выражение «указной мулла»), и это позволяло контролировать деятельность мусульман.

Разумеется, в стороне от этих явлений не остался и Сафаджай, население которого к концу XVIII века достигло уже полутора тысячи человек. Само селение, ставшее одним из крупнейших в этих татаро-мишарских краях, было переведено административно в состав Курмышского уезда Симбирской губернии. Сохранились имена сафаджайских мулл того времени – Салих-мулла и Тухтар-мулла. Именно Салих Сулейманов, умерший в 1838 году, стал первым летописцем истории Сафаджая – автором тех самых «мечетных записей», о которых говорилось выше. Известно, что в начале XIX века в селении была небольшая мечеть, крытая соломой. В 1817 году при ней было открыто медресе – мусульманская школа, в которой преподавались основы ислама. Затем в Сафаджае появились другие мечети, и к началу следующего века их число возросло до восьми. И если прежде сафаджайцы совершенствовали свои религиозные знания в ближайших татарских селениях, то постепенно они стали ездить в знаменитые мусульманские медресе Поволжья и Урала, а затем и в Бухару и даже совершать хадж в Священную Мекку.

Самым известным уроженцем Сафаджая, достигшим общероссийской известности, является Хусаин Фаизханов⁹. Согласно последним данным, он родился в 1823 году¹⁰. Первоначальное образование получил у себя в деревне, а для углубления знаний его

⁹ Наиболее полно о Фаизханове см.: Хусаин Фаизханов: Ист.-док. сб. (на татар. и рус. яз.). Казань, 2006.

¹⁰ Ислам на Нижегородчине... Указ соч. С. 178.

отправили в Казань. В 1850 году Фаизханов, тоже числившийся «лашманом», перешёл в казанское медресе, которым руководил выдающийся татарский богослов и историк Шихабуддин Марджани (1818–1883). Общение с ним и с маститыми учёными-востоковедами, работавшими в Казанском университете, подвигло Фаизханова на переезд в Петербург в 1854 году. Однако здесь его ожидали немалые трудности как бытового, так и служебного порядка. Он преподавал на восточном факультете Петербургского университета, но его долго не могли оформить в качестве штатного преподавателя восточных языков. В Петербурге Фаизханов женился на дочери касимовского татарина Биби-Фатыме Бикеевой, родились дети, но нужда постоянно преследовала молодую семью. Тем не менее, помимо преподавания, Фаизханов вёл большую научную и исследовательскую работу. Весной 1858 года он был направлен в Москву для работы в Главном архиве Министерства иностранных дел, сотрудники которого были запечатлены А.С. Пушкиным в известных строках «Евгения Онегина» («Архивны юноши толпою...»).

Однако для Фаизханова многомесячное пребывание в Москве не стало синекурой, а явилось кропотливой работой в архиве по «снятию копий» с исторических документов на татарском языке. В ходе этой работы ему удалось выявить целый ряд новых документов, касающихся отношений России с Крымом, Бухарой, Персией. На основе этих и других источников был подготовлен фундаментальный труд под названием «Материалы для истории Крымского ханства...», изданный под редакцией академика В.В. Вельяминова-Зернова.

Другим результатом такого сотрудничества явилась командировка Фаизханова в город Касимов с целью выявления памятников периода ханского периода этого края. Здесь на местном кладбище он снял эпитафии с древних надмогильных памятников, и эти материалы были использованы тем же Вельяминовым-Зерновым в его классическом трёхтомном труде «Исследование о касимовских царях и царевичах».

Не касаясь других полевых исследований Фаизханова (в степях нынешнего Казахстана, в Казанской губернии), отметим другую важную сферу его деятельности – огромного вклада в дело просвещения. Он выпустил пособие для студентов – «Краткую учебную грамматику татарского языка» и написал работу «Школьная реформа», в которой

он проводит мысль о необходимости коренной реформы в системе образования татарской молодёжи. Фаизханов предложил идею создания медресе нового типа, в котором разумно сочеталось бы преподавание как религиозных, так и светских дисциплин и сам процесс обучения не сводился бы лишь к зубрёжке старых догм. И в этом смысле Хусаина Фаизханова можно назвать предвестником «джадидизма» (от арабского «джадид»-новый) – общественно-политического движения за обновление различных сторон жизни татарского общества.

Он умер в 1866 году в родном Сафаджай, где его могила стала в последние годы местом всеобщего поклонения. Знаменательно, что в 2004 году в Сафаджае прошла первая в России научно-богословская конференция «Фаизхановские чтения», которые теперь стали регулярными. Ныне имя Хусаина Фаизханова носит Нижегородский исламский институт, а на его родине, в Сафаджае, им названы улица, средняя школа, музей и мектеб (начальная духовная школа). Учреждена также премия имени Х.Фаизханова.

У него остались три дочери, и старшая из них, Биби-Айша, вышла замуж за крупного землевладельца из Башкирии Шахайдара Сыртланова, который избирался депутатом I и II созывов Государственной Думы Российской Империи. Их сын Галиаскар Сыртланов состоял депутатом III Госдумы, но ещё большую известность он приобрёл благодаря тому, что, будучи военным адвокатом, выступал на процессе по делу о виновниках поражения в русско-японской войне.

Достоин неперенного упоминания и Габдулгаллям Фаизханов (1850–1910), младший брат Хусаина. Он обучался в медресе у Марджани в Казани, долго путешествовал по странам Востока, затем работал учителем в Казани и Уфе, был казначеем ОМДС. Написал ряд трудов по проблемам экономики, внеся значительный вклад в развитие татарской социально-экономической мысли.

Погребальную молитву на похоронах Хусаина Фаизханова читал Аббас Ашрафов, ещё один известный уроженец Сафаджая. Он был сыном муллы и тоже учился в медресе Марджани, а позже стал мударрисом (старшим преподавателем) при этом же медресе. Затем Ашрафов выехал – и навсегда – в Турцию, где учился в школе права и работал в государственных учреждениях, в том числе на должности прокурора. Он помогал также знаменитому татарскому учёному и

политику Юсуфу Акчуре в написании биографии Марджани. Кстати, Аккура – один из самых известных представителей династии купцов и предпринимателей из Симбирской губернии, также заселённой татарами-мишарями (тогда Сафаджай входил в её состав). Переселившись в Турцию ещё в 1908 году, он стал там видным учёным и общественным деятелем, был избран депутатом Великого национального собрания (парламента) Турции, являлся советником Президента страны Кемаля Ататюрка по вопросам культуры и политики¹¹.

Век двадцатый

Ещё в XIX веке известность сафаджайских мулл и мударрисов вышла далеко за пределы селения, а по числу мечетей (7-8 на 5-6 тысяч его жителей в начале XX века) и медресе при них оно стало одним из ведущих в крае. В этой связи особого упоминания заслуживает имя Хабибуллы-хазрата Альмухамматова, который был хорошо знаком с Хусаином Фаизхановым. Дело Хабибуллы-хазрата продолжил его сын Мухсин Хабибуллин, ставший имам-хатыбом одной из сафаджайских мечетей. По его инициативе в 1907 году в Сафаджае была построена каменная двухэтажная школа-медресе, в которой преподавание шло по новому, «джадидистскому» методу.

На ниве просвещения трудились также братья Мухсин-хазрата. Один из них, Абдурахман Хабибуллин, возглавлял другую сафаджайскую мечеть, а Абдулбяр Хабибуллин, окончивший медресе «Мухаммадия» в Казани, сыграл большую роль в становлении системы просвещения в трудное время после революции. В 1918 году он стал руководителем первой светской школы в селе, основанной на базе медресе Мухсин-хазрата. В 1920 году в Сафаджае началось создание единственного в крае Татарского педагогического техникума на основе трёхгодичных педагогических курсов. Их первым директором тоже был Абдулбяр Хабибуллин, а среди преподавателей числился ещё один из братьев – Малик Хабибуллин. Позже, после присоединения Курмышского уезда Симбирской губернии к Нижегородской губернии, этот техникум из Сафаджая перевели в Нижний Новгород, и он получил новое название: Нижегородский татарский

¹¹Ислам на Нижегородчине... Указ соч. С. 178.

краевой педагогический техникум имени Н. Нариманова. В 1932 году техникум был возвращён в родные края, но обосновался он в другом татарском селе, Кочки-Пожарки. Из стен этого техникума вышли многие преподаватели и известные люди – уроженцы татарских сёл и деревень Нижегородчины.

Прежде чем остановиться на советском периоде в истории Сафаджая, обратим внимание на один принципиальный момент, имеющий прямое отношение к судьбам татарской деревни в целом. Как известно, в начале XX века в России была предпринята попытка проведения аграрной реформы, начатая по инициативе председателя Совета министров Российской империи П.А.Столыпина. По этому поводу существуют разные мнения, но вот что говорят авторы книги о Сафаджае: «Сельская община, против которой и были направлены столыпинские реформы, уцелела. Татарские сельские сообщества в силу их исторической специфики не распались»¹². А ранее С.Б. Сенюткин писал: «Таким образом, эти начинания Петербурга оказались неэффективными среди татар Нижегородчины. ...Не в столыпинских реформах (инициативах сверху), а в результате собственной предприимчивости нижегородские татары добивались повышения жизненного уровня. ...Крестьянам было выгоднее оставаться в рамках сложившейся хозяйственной структуры»¹³.

С этим вынуждены были считаться новые власти, и сафаджайцы в полной мере разделили всё то, что выпало на судьбы людей в драматичном XX веке. Их жизнь мало чем отличалась от того, чем жили соседние селения. Но всё же следует обратить на некоторые особенности советского периода истории Сафаджая. Так, здесь довольно спокойно произошёл переход к новой системе власти, поскольку само село испытывало большие экономические трудности, и с людей просто нечего было брать. Они были характерны и для 20-30-х годов, отягощённых неурожаем несколько засушливых лет. Сложным оказался и переход на колхозный путь, пострадали люди, некоторые были репрессированы. В Сафаджае, в отличие от соседних сёл, сложилась такая обстановка, что здесь, в конечном счёте, были созданы два колхоза – имени Калинина и Кирова, названия

¹² Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Сабиров С.В. Указ соч. С. 70–71.

¹³ Сенюткин С.Б. Указ соч. С. 244.

которых на слуху сельчан и поныне. Страшные гонения обрушились на религию: под разными предлогами были закрыты все мечети, подвергнуты преследованиям священнослужители, а имамы Садык Ильясов, Мухсин Хабибуллин и Атаулла Хасянов, наряду с несколькими десятками нижегородских священнослужителей, были расстреляны в 1937 году¹⁴.

Несмотря на все невзгоды, сафаджайцы, как и все татары, оставались верными своей Родине, что особенно ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны. Согласно подсчётам авторов книги о Сафаджае, из этого села с шеститысячным населением на фронт ушло 997 человек, и 489 из них погибли в годы войны, то есть более 50 процентов мужчин¹⁵.

Но эти и другие потери не смогли сломить неукротимого духа и инициативности сафаджайцев, их постоянного стремления к продолжению созидательной жизни. Люди работали не только в колхозе, но и пахали свои наделы, разводили скот, занимались пчеловодством, шили, кроили, валяли валенки, изготавливали другие товары. А в зимний период они уезжали на заработки в Горький (Нижний Новгород) и другие города, двумя полюсами которых были прежде всего Москва и Екатеринбург. Кто-то уезжал учиться, кто – служить в армии, и далеко не все возвращались затем в родное село. В этом отношении можно говорить о диаспоре сафаджайцев, проживающих ныне в самых разных местах страны. Благодаря своему труду и упорству многие из них добились больших успехов, работая в различных сферах жизни.

В Москве это, например, вице-президент Всемирной академии наук комплексной безопасности, доктор юридических наук, генерал-полковник Мансур Хакимов и генеральный директор «ЖСК-Центр» в Москве Ильгам Махмутов, возглавляющий также «Землячество нижегородских татар» в столице. Уроженцами Сафаджая являются профессор Московского государственного университета, доктор философских наук Зульфия Тажузирина, покойный доктор технических наук, профессор Ахмет Галиев, представитель Центробанка

¹⁴ Хафизов М.З. Трагедия в татарской деревне. Исторический очерк. Н. Новгород, 1999. С. 148, 149.

¹⁵ Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Сабиров С.В. Указ соч. С. 92.

России в Международном банке в Германии Бари Дианов, его брат Сафа Дианов, генеральный директор ООО «Заготпром» в подмосковном Реутове, бывший главный врач 36-й московской клинической больницы Энвер Якубов (другой известный врач, доктор медицинских наук Рушан Сулманов, работает в Великом Новгороде) и т.д.

Нужно вспомнить и о религиозных деятелях, продолжающих традиции сафаджайских имамов вне пределов родного села. Это имам-хатыб московской мечети «Ярдям» Зиннур Хасянов, имам Соборной мечети в Москве Марат Эксанов, имамы-братья Ильдар и Ринат Аляутдиновы, Гаяр и Ильдар Нуримановы. Словом, сафаджайцам есть, кем гордиться. В свою очередь, их земляки, живущие и работающие в других регионах, оказывают посильную благотворительную помощь родному селу¹⁶.

Личное

Живя в Москве, мы стараемся поддерживать связи с малой родиной наших родителей. Автор этих строк тоже имеет отношение к нижегородским краям. Мой отец, Анвар Баутдинов (1912–1987), родился в селе Красный Остров. В начале 30-х годов он вместе со своим соседским другом Абдурахманом Беляевым, по примеру многих нижегородских татар, уехал в Москву. Здесь молодые люди стали работать на строительстве метро, но, как рассказывал мой отец, это была адская работа вручную под землёй, несмотря на всю героику этой стройки. К тому же московский уклад жизни не всем пришёлся по душе, бывшим деревенским жителям не хватало сельского простора, привычной земли. Часть рабочих предпочла переехать в Подмосковье – благо, работы там хватало на строительстве новых фабрик и заводов. А друг моего отца Беляев уехал в Нижний Новгород, где получил педагогическое образование, участвовал в войне, а затем прочно обосновался в Сафаджае. В течение многих лет он с женой преподавал в местной школе, Абдурахман-абый был и её директором, а Зайтуна-апа занимала одно время и должность председателя колхоза в Сафаджае. Позже педагогические традиции

¹⁶ Более подробно об известных сафаджайцах см.: Нижегородские татары: Биограф. словарь. Н. Новгород, 2008. Том I.

продолжили их дети и внуки. Так, недавно умерший их сын Фарид Беляев показал себя не только на этом поприще, став директором средней школы в соседнем селе Петряксы, но и был первым директором регионального Музея истории нижегородских татар, находящийся в соседнем селе Медяна. Его сын Рамиль Беляев успешно закончил Московский исламский колледж, и в настоящее время он является имамом мусульманской общины в Хельсинки. Заметим, что предки нынешних финских татар являются как раз выходцами из Нижегородчины.

Мой отец тоже породнился с Сафаджаем. Он переехал в подмосковное Орехово-Зуево, где встретился с девушкой из этого села. Это была моя мама Саимя Сулейманова, и история её рода тоже примечательна. В татарских семьях положено знать своих предков желательно до седьмого колена. И согласно семейному преданию, в первой половине XVIII века в Сафаджае жил наш предок Мухаммаджан, от которого линия родословной тянется через его сына Джаннихана и внука Ярмухаммада к Сулейман-бабаю. О нём сохранились более конкретные данные¹⁷. Годы его жизни, предположительно, – 1822–1897, то есть он был практически ровесником Хусаина Фаизханова, семья которого жила недалеко от нашей. И две семьи были, наверняка, знакомы.

В первый период своей жизни Сулейман-бабай занимался торговлей, но в отличие от других сафаджайских купцов он поехал по делам сначала в Казань, а затем на Урал. Ему помогал сын Айса (1858–1912), и «Мануфактурная торговля. Сулейманов», как она значится на семейных фотографиях, была зарегистрирована в Турьинских Рудниках (ныне город Краснотурьинск). Известно, что здесь в 1859 году родился изобретатель радио Александр Степанович Попов, и невольно приходит мысль о том, что купец-мануфактурщик Сулейманов одевал и семью Поповых. Но радио, детище А.С. Попова, добралось до домов сафаджайцев лишь в середине 50-х годов прошлого века. Отец и сын Сулеймановы торговали также в Казани и представляли свои товары на большой ярмарке в уральском городе

¹⁷ О родословной Сулеймановых-Айсиных-Баутдиновых см.: Беляев А. Историческая генеалогия татарского народа. Родственные династии и их роль в истории семьи, нации и государства. Казань, 2012. С. 167–170.

Ирбите, которая считалась второй по значимости в России после знаменитой Нижегородской ярмарки.

Они были людьми весьма начитанными и набожными, и оба носили прозвище «Суфи». Например, мы добавляли это прозвище к фамилиям на почтовых конвертах, когда отправляли письма к родственникам в Сафаджай. Но их так называли не из-за принадлежности к суфийскому ордену. Сулеймановы и Айсины, как стала именоваться часть их потомков, получили прозвище «Суфи» в знак уважения от односельчан, по достоинству оценивших их набожность, просвещённость, мудрость и готовность прийти на помощь. Ведь после активного периода занятий коммерцией в Казани и на Урале наши деды не оставались в далёких краях, а возвращались в родную деревню. Здесь они полностью посвящали себя семье и детям и, будучи прекрасными садоводами и пчеловодами, успешно занимались собственным хозяйством.

Большую роль в их жизни занимала религия, они могли наизусть читать Священный Коран в разных манерах, ибо во время своих долгих странствий познакомились с носителями ислама других регионов России. Однако у себя в селе никто из них не пожелал стать муллой, хотя односельчане не раз обращались к ним с такой просьбой. Наши деды, проводившие немало лет за пределами Сафаджая, считали, что роль муллы заслуживают прежде всего те, кто постоянно окормлял паству на селе.

В семье была ещё одна традиция. Сулейман-бабай, после смерти первой жены Халимы в 1893 году, взял себе вторую жену из Казани, Гильмибаян (1854–1922), и его примеру последовал сын Айсас (1858–1912), также женившийся на казанской девушке по имени Умми (1857–1898). Казанское влияние чувствовалось и в семье Мусы-абыя (1879–1961), старшего сына Айсы-бабая, который был женат на Фасяхат-абыстай, тоже из Казани. Это сказывалось, в частности, в том, как она одевалась на казанский манер, а в речи не только её, но Мусы-абыя было немало слов и выражений, которые не использовали мишари-сафаджайцы. А всего у моего деда Айсы-бабая было 17 детей от первого брака и 8 детей – от второго, после того как он женился на нашей бабушке Алие (1875–1920). В числе последних была моя мама (1913–1941) и её старшая сестра Газизьяпа, являвшаяся хранительницей родовой усадьбы вплоть до лета 1988 года, когда она умерла на 87-м году жизни.

Что касается других членов этого большого семейства, то они испытали всё то, что выпало на их долю в беспокойном двадцатом столетии. Одни (братья моей мамы Халилулла и Сафиулла) погибли или умерли в трудные послереволюционные годы, другие – в годы Великой Отечественной войны (как их братья Ярулла и Малик, сестра Зайнаб или Хасан-абый, муж Газизы-апа). Сказалась, конечно, и детская смертность, а кто-то из взрослых оказался в других краях. Как рассказывала Газизя-апа, сестра моей бабушки Хадича была выдана замуж за Гимаметдина Нежметдинова из известной династии мулл из соседнего Красного Острова. Его сын Габдулла Нежметдинов был депутатом II Государственной Думы, а внуки, сыновья Габидуллы, стали известными по всей стране (писатель Кави Наджми, организатор Союза писателей Татарстана, и великий шахматист и шашист Рашид Нежметдинов). Перед Отечественной войной другая сестра моей мамы, Сафия-апа, уехала вместе с мужем Хамидом Юсиповым в Омск, где они воспитали славных пятерых детей. Другие наши родственники осели в Москве и Подмосковье (Орехово-Зуево и Подольск), а также в Казани, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле...

Другие остались в Сафаджае. Помимо Мусы Айсина, его жены Фасяхат-абыстай и жившей с ними Газизы-апа, это и большая семья его сестры Мафтухи, вышедшей замуж за Халила Юсипова. Её сын Абдурауф, последний из 14-и детей в семье, стал священнослужителем: он являлся муэдзином второй мечети, а затем возглавил соседнюю, пятую мечеть. Ещё одной родственной нам семьёй были Хамидуллины, и её глава Шайхулла-абый, был в 50-х годах председателем сельсовета в Сафаджае.

Надо ли говорить, что мы встречались с ними сразу же по приезде в деревню! Пригласить родственников и соседей «на московский чай» было принято во всех домах, даже если гости приезжали не из Москвы. Помимо традиционных подарков в виде отрезков ткани или платков, обязательным было угощение московским белым хлебом, привезёнными конфетами, сухофруктами, цейлонским или индийским чаем. А затем следовали ответные визиты в гости, и мы с большим аппетитом уплетали вкусные деревенские блюда.

Говорю «мы», так как я приезжал в деревню на школьные каникулы с отцом или с кем-либо из родственников. Хорошо запомнились те

превратности, с которыми мы сталкивались в Пильне – ближайшей железнодорожной станции от наших сёл, куда поезд прибывал, как правило, утром. Ещё далеко до остановки наши бабушки с именем Аллаха на устах начинали причитать, выражая надежду, что поезд непременно остановится в Пильне, что переправа через реку Пьяна окажется на месте, не снесенной внешними водами, и что найдётся подходящая подвода. Ведь от Пильны до Сафаджия было километров 20, а до Красного Острова – целых 25. Автобусного сообщения тогда не было, и вся надежда была на какую-нибудь подводу. На телегу грузили мешки и чемоданы, усаживали туда бабушек, а мы, дети, сначала чуть ли не бежали вприпрыжку, а затем начинали уставать, ожидая короткого привала. Добирались до деревни уже во второй половине дня. По принятому издавна ритуалу на 2–3-й после приезда взрослые совершали паломничество в близлежащую деревню Старая Медяна, к могилам «аулия», то есть почитаемых предков мусульман, считающихся святыми, приближёнными к Аллаху.

Вскоре, однако, взрослые уезжали, и я на всё лето оставался в деревне, попеременно живя то в Сафаджае, у Мусы-абыя, то в Красном Острове, где проживала летом Рабия-эби, тётя моего отца. Надо ли говорить, сколько впечатлений накапливалось за лето! Это дружба и с местными мальчишками, для которых привезённый футбольный мяч был ещё диковинкой. Это и проба с ними нового мёда, который качал Муса-абый, а я помогал ему как мог. И походы за калиной к реке Суре, после которых наша Газизья-апа готовила вкусные пироги с этой ягодой и тыквой. И долгие вечера в компании взрослых ребят, когда можно было часами, затаив дыхание, слушать татарские песни под гармошку. А днём я зачастую заходил к соседям Беляевым, в домашней библиотеке которых можно было найти много интересных книг как на татарском, так и русском языках. Правда, русский осваивался туго, так как Сафаджай был селом моноязычным, где говорили исключительно на татарском языке. Правда, было одно исключение. В селе работала единственный фельдшер, Антонина Торопова, которую вся деревня звала на татарский манер – «Тоня-апа», то есть «тётя Тоня». Но она тоже говорила по-татарски, а за свой многолетний беззаветный труд А. Торопова была удостоена ордена Трудового Красного знамени.

Как бы то ни было, за 3-4 месяца, проведённые в деревне, ты настолько вживался в татаро-язычную среду, что после возвращения домой в Орехово-Зуево с трудом переходил на русский язык. Увы, сейчас положение в городах кардинально изменилось: в том же Орехово-Зуеве да и в Москве большинство татарских детей едва говорят на родном языке, ибо есть огромные проблемы с его преподаванием.

Наше время

Несмотря на национальную культурную специфику, татарские сёла жили и живут интересами всей страны. Тогда, в дни нашего отрочества, шла борьба за урожай, и плодородные чернозёмные земли в этих краях, за исключением иных засушливых лет, давали неплохие урожаи пшеницы, ржи, овса и других культур. Правда, сельчане хитро посмеивались, когда в хрущёвские времена, по распоряжению свыше, стали сажать кок-сагыз. Это один из видов рода одуванчиковых, из которого можно было, якобы, извлекать вещество, необходимое для создания каучука. Но проку от этой затеи, кажется, не было. Нас, ребят, больше манили те колхозные поля, где можно было полакомиться вкуснейшим зелёным горошком. И мы всегда ждали еженедельных базаров (по воскресеньям в Красном Острове, а по четвергам в Сафаджае), на которые селяне из соседних русских, мордовских и чувашских деревень привозили огромное количество яблок, груш и ягод: малины, вишни, смородины, крыжовника. В наших деревнях тогда мало занимались садоводством, и имеющуюся землю старались засеять более прозаичными, но жизненно важными культурами – зерном и картофелем. А ещё нас завораживала магическая аббревиатура «МТС» (машинно-тракторная станция), где можно было познакомиться с тракторами, комбайнами и другой техникой. Нас влекло также на мельницу, паровик, сепаратор.

Люди работали, и достаток в домах был соразмерен вложенному труду. Помнится, лучшим хлеборобам или дояркам, помимо орденов и медалей, предоставляли право на приобретение в сельском магазине ковров, холодильников и других дефицитных товаров. Но на этом фоне были и печальные картины. Идёт, бывало, какая-то

бабушка с узелком в руках, и когда у неё спрашивали про здоровье и куда она направляется, нередко следовал такой ответ: «Вот иду в контору сдавать налог» (это могли быть десяток-другой яиц или пара фунтов сливочного масла).

У молодёжи были свои проблемы. Одни уезжали служить в армию, и часть молодых людей так и не возвращались в деревню. Другие сафаджайцы, особенно в многодетных семьях, регулярно наведывались в районный центр Петряксы с мечтой получить паспорт и уехать в какой-нибудь город. Но многие оставались в деревне, и благодаря их стараниям Сафаджай пережил самые сложные времена.

Ныне он по-прежнему остаётся крупнейшим татарским селом на Нижегородчине. Здесь появились свои фермеры и предприниматели. Выросли новые, каменные дома. Большое внимание уделяется и духовному воспитанию. Достаточно сказать, что сафаджайцам удалось восстановить или построить пять из восьми прежде существовавших мечетей. Причём помощь в этом им оказывали и те их земляки, которые живут в Москве и других городах страны.

Но духовное воспитание это не только религия, а проявление народных талантов в разных сферах. К примеру, Сафаджай известен своими поэтами: это Малик Насретдинов, Анвар и Вафа Камалетдиновы. Все они были удостоены премии имени Хади Такташа, известного татарского поэта (1901–1931), уроженца соседней Мордовии. Песенные традиции сафаджайцев достойно продолжает молодой Ильдар Исхаков, которого знают и в Москве. А как интересны праздники Сабантуя! Вспоминается детство, когда я приезжал в Сафаджай на каникулы. Уже за несколько дней до праздника начинался сбор скромных подарков для будущих победителей Сабантуя. Конечно, особое внимание уделялось соревнованиям батыров по национальной борьбе «куреш», которая ныне дала начало общероссийскому и международному виду спорта под названием «борьба на поясах». И в этом виде крупнейшего успеха добился уроженец Сафаджия Рамиль Нуриманов, ставший двукратным чемпионом мира в тяжёлом весе.

Село хорошеет, и невольно вспоминаются слова моего дяди, Мусы-абыя Айсина, о красоте этих мест. Как-то мы с ним поднялись туда, где некогда предки нынешних сафаджайцев zaloжили Новый Усад. Муса-абый называл эту часть села просто «Садом» (первона-

чальное «У» в русском слове «Усад» как-то со временем выветрилось в татарском варианте). Мы остановились около одного садового участка, и он сказал: «Посмотри, какая красота! Как хорошо здесь дышится! Ведь неслучайно наши предки определяли эти места словом «сафа», а в сочетании со словом «джай» и образовалось название нашей деревни». Муса-абый не был историком, но он был хорошо знаком с народными преданиями, которые донесли до нас сведения об историческом прошлом этого крупнейшего татаро-мишарского села Нижегородчины.

СТАРОВЕРИЕ МЕЩЁРЫ

Выпуск 4 Сборник в сборнике

Главный редактор – С.С. Михайлов

*Старообрядческий Ильинский храм в д. Ёлкино
Воскресенского района Подмосковья*

Владимир Александрович Трусов
*член Общества уральских краеведов,
Уральского историко-родословного общества,
Уральского генеалогического общества,
г. Первоуральск*

ИЗ ЖИЗНИ ИКОНОПИСЦЕВ ПЕТРА И АРТЕМИЯ КУРКОВЫХ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

В сборнике «Гуслицкая округа. Историко-краеведческий альманах»¹ приведены сведения из жизни на Урале иконописцев Московской губернии. Второй материал опубликован в альманахе по истории и культуре Мещёрского края². Третья статья также в альманахе по истории и культуре Мещёрского края³. В продолжение этой темы привожу новые документы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении публикуется материал из Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Источник приводится в соответствие с общепринятыми правилами архивных документов. Пропущенные слова и буквы восстановлены в квадратных скобках. Тексты воспроизводятся буквами современного алфавита, пунктуация и орфография в основном соответствует современным правилам.

Дело об удельных крестьянах Курковых, занимающихся написанием икон. 1858 года. (ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 668).

¹ Трусов В. А. Эпизоды из жизни на Урале староверов-иконописцев из Московской губернии // Гуслицкая округа: Ист.-краевед. альм. Куровское; Давыдово, 2007. № 3. С. 47–52.

² Трусов В. А. Пребывание иконописца Сергея Довольных в Екатеринбурге // Мещёра-край. М., 2012. № 2. С. 206–213.

³ Трусов В. А. Иконописцы Курковы, они же Панковы // Мещёра-край. М., 2013. № 3. С. 292–319.

Л. 1.	1858 года июля 4 дня исправляющий должность частного пристава первой части Екатеринбургской полиции постановил. До сведения моего дошло, что удельные крестьяне Петр* и Артемий* Курковы, из коих первой квартирует в доме мещанки Матрены Шишевой, а другой у мастерского Германа Калашникова, и без надлежащего дозволения занимаются работою раскольниковских икон. Заключено, в квартирах Курковых учинить обыски, и что окажется, о том составить акт, который вместе с поличными есть ли, что окажется, представить в городскую полицию на ее распоряжение. За частного пристава Загудаев. Удельный чиновник П. Тупицын.																					
Л. 1 об.	Обыск. Учиненный исправляющим должность частного пристава первой части Екатеринбургской полиции и квартальным надзирателем Селяниным при депутате с удельной стороны Тупицыне, и ниже подписавшихся понятых, в квартирах, занимаемых удельными крестьянами Московской губернии Богородского уезда Артемием и Петром Курковыми. По каковому обыску найдены у них, Курковых, разные иконы и другие принадлежности для писания оных, значащихся в прилагаемой у сего описи. Что по долгу службы и удостоверяю. 4 июля 1858 года. За частного пристава Загудаев. Удельного чиновника П. Тупицын.																					
Л. 2.	Опись иконам и доскам, найденным в квартирах удельных крестьян Петра и Артемия Курковых, и другим материалам, употребляемым при работе икон. <table><tr><th>№</th><th>В квартире Петра Куркова.</th><th>число</th></tr><tr><td>1</td><td>Воскресение.</td><td>1</td></tr><tr><td>2</td><td>Три иконы Николая Чудотворца.</td><td>3</td></tr><tr><td>3</td><td>Четыре Божия Матери.</td><td>4</td></tr><tr><td>4</td><td>Спасителя.</td><td>1</td></tr><tr><td>5</td><td>Недоконченных две во имя Божия Матери</td><td>2</td></tr><tr><td>6</td><td>Одна недоконченная трех святых.</td><td>1</td></tr></table>	№	В квартире Петра Куркова.	число	1	Воскресение.	1	2	Три иконы Николая Чудотворца.	3	3	Четыре Божия Матери.	4	4	Спасителя.	1	5	Недоконченных две во имя Божия Матери	2	6	Одна недоконченная трех святых.	1
№	В квартире Петра Куркова.	число																				
1	Воскресение.	1																				
2	Три иконы Николая Чудотворца.	3																				
3	Четыре Божия Матери.	4																				
4	Спасителя.	1																				
5	Недоконченных две во имя Божия Матери	2																				
6	Одна недоконченная трех святых.	1																				

Л. 2 об.	7	Один образец.	1
	8	Двенадцать досок липовых, приготовленных для икон.	12
	9	Три таковых же кипарисовых.	3
	10	Ящик с красками и 3 кистями новыми.	1
	11	Одна книжка листового золота.	1
	В квартире Артемия Куркова.		
	1	Усекновение честные главы Иоанна Предтечи.	1
Л. 3.	2	Божия Матери.	1
	3	Николая Чудотворца.	1
	4	Подушка коленная.	1
	5	Простая липовая доска.	1
	За частного пристава Загудаев. Уездный чиновник Тупицын. Понятыми находились мастеровые: Ермолай Калашников и Алексей Солнопеков и крепостной г. Клепинина человек Ермолай Тимофеев. Вместо коих по безграмотству и лично прось[бою] руку приложил мастеровой Павел Осипов. Крестьянин Артемий Курков. Крестьянин Петр Курков.		
Л. 3 об.	По описи вещи и иконы все сполна получил. Петр Иванов Курков.		
Л. 4.	1858 года июля ... дня. Екатеринбургский полицмейстер вследствие донесения первой части от 8 сего июля за № 55-м, при котором представлены найденные у удельных крестьян Петра и Артемия Курковых иконы и принадлежности для писания оных отозвался, что как в отношении искусства по писанию сих икон, безобразия и соблазнительного изображения не усматривается. То все отобранные от Курковых иконы им возвратить, но как они, Курковы, писанием икон, занимаются без всякого на это дозволенного акта от ремесленной управы, то о поступлении с ними за сие по правилам ремесленного устава, сообщив на распоряжение управы, просить о последующем уведомлении. Полицмейстер. Подпись.		

Л. 5.	Секретно 10 июля 1858. В Екатеринбургскую городскую полицию. Первой части полиции. Рапорт. Найденные в квартирах удельных крестьян Петра и Артемия Курковых иконы, принадлежности для писания таковых, и производство по сему предмету на распоряжения городской полиции.
Л. 5 об.	Первая часть при сем честь имеет представить. За частного пристава Загудаев. Заключено: рассмотреть и сделать особое распоряжение. Верно. Секретарь Давыдов. Июля 8 дня 1858 года № 55.
Л. 6.	№ 9890. Екатеринбургская ремесленная управа. Июля 24 дня 1858 года. Господину Екатеринбургскому полицмейстеру. Присланные при отношении Вашего Высокоблагородия от 11-го июля за № 213-м Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа удельные крестьяне Петр и Артемий Курковы, на срок в ремесленной управе показали, что они занимаются писанием икон без всякого от начальства дозволения. Первой мастерство это производит и в настоящее время, а Артемий таковое будто б оставил по случаю занятия его извозничеством на бирже. Но, принимая в основание уведомление Вашего Высокоблагородия о производстве им иконописного мастерства, показано сему верить нельзя, а потому ремесленная управа руководствуясь
Л. 6 об.	1796-го статьею уложения о наказаниях уголовных и исправительных, определила. Означенных крестьян, Курковых, за самовольное производство ими иконописного мастерства оштрафовать Петра дватцатью, а Артемия десятью рублями серебром в пользу ремесленной казны. Постановление это им объявлено, и они от платежа штра-

	фа отказываются под разными предлогами. Ремесленная управа, уведомляя о сем Ваше Высокоблагородие, покорнейше просит, о приведении определения сего в исполнение не оставить. Сделать зависящее со стороны Вашей распоряжение. За поведением же их иметь бдительный надзор. При чем припровождает свидетельство Петра Куркова, выданное ему на свободное проживание в Екатеринбурге за № 6183. А Артемий Курков объявил, что паспорт его хранится при городской полиции. Ремесленный голова П. Основин. Письмоводитель Никитин.
Л. 7.	№ 10359. 2 августа 1858. В Екатеринбургскую городскую полицию. Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа удельного крестьянина Артемия Иванова Куркова. Объяснение. На объявленное мне отношение Екатеринбургской ремесленной управы от 24-го июля за № 28 о наложении на меня штрафа за производство будто б мною иконописного мастерства, объяснить честь имею, что мастерство это (как я объяснил в ремесленной управе) оставил еще в 1850-м году и занимаюсь постоянно на бирже извозничеством. О чем не без известно полиции, также и городской думе, в которую я вношу ежегодно пошлину и получаю установленные номера. Правительство заподозрило меня в написании икон, потому только, что при обыске, производимом в квартире моей, найдены недоконченные отделкою две иконы на четвертных досках изображение Тихвинской Божией Матери и Святителя Николая. Иконы эти начаты писать мною самим еще тогда, когда занимался я иконописной работой и остаются не отделанными по настоящее время. Икона Усекновение Главы Предтечевы куплены мною назад тому три месяца крестьянина Ганенкова*, занимающимся этим мастерством в Нижнетагильском и Невьянском заводе. В старинном ли она виде или нынешнем писана, я понятия не имею и почитаю работу эту за греческое письмо.

Л. 7 об.	И подобные иконы невозбраняемы иметь в домах и поклоняться им. Других же вещей, принадлежащих к живописанию както: материалов и инструментов я совершенно никаких не имею. Посему покорнейше прошу меня от наложенного штрафа освободить. А также избавить и нареkania иконописного мастерства в старинном вкусе, потому что я мастерство это, как значит и выше, оставил назад тому 8-мь лет по случаю несовершенно мною в оном искуства. Августа 1-го дня 1858 года. К сему объяс[не]нию удельной крестьянин Артемий Иванов Курков руку приложил. № 3165. 5 августа 1858 г. Заключено: поручить 1 части полиции сделать положительное дознание о времени писания Курковым икон подлинного б искуству. Верно, секретарь Давыдов.
Л. 8.	1858 года августа 9 дня в первой части Екатеринбургской полиции Московской губернии Карповского приказа дер. Ляховой удельной крестьянин Петр Курков, при требовании с него, согласно отношения Екатеринбургской ремесленной управы от 24 июля за № 28, наложенных в штраф денег, сим сведением показали, что деньги те им в ремесленную управу внесены, в доказательства чего представила квитанции. Управа за № 102 просила по списании с оной копии,
Л. 8 об.	подлинную ему возвратить, в чем и подписует. Удельный крестьянин Петр Иванов Курков, и [он же] Панков. Спрашивал квартальный надзиратель. Подпись. Удельный чиновник П. Тупицын.
Л. 9.	Копия. Квитанция. 1858 года августа 8 дня дана сия от Екатеринбургской ремесленной управы Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа удельному крестьянину Петру Иванову Куркову в том, что следующие с него по пастовлению ремесленной управы штрафные деньги, за самовольное производство иконописной

Л. 9 об.	работы, получены сполна. И на приходе на книге записаны сего же числа, в чем и дана сия квитанция ему, Куркову, за подписом присутствующего и с приложением казенной печати. Подлинную подписал ремесленной голова П. Основин. С подлинным верно. Квартальный надзиратель. Подпись. Подлинную квитанцию обратно получил крестьянин Петр Курков, и [он же] Панков. Выдал квартальный надзиратель. Подпись.
Л. 10.	1858 года августа 10 дня в следствие резолюции городской полиции на объявление удельного крестьянина Артемия Куркова по предмету, наложенного на него Екатеринбургскою ремесленною управою взыскания, квартальный надзиратель первой части Екатеринбургской полиции, пригласив с собою депутата со стороны удельных крестьян, отбывал в доме мастерового Калашникова, у которого проживает удельный крестьянин Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа Артемий Иванов Курков. Где расспрашивал хозяина дома мастерового Германа Козмина Калашникова, жену его Александру Семенову, проживающих у них на квартире мастерового Екатеринбургской гранильной фабрики Егора
Л. 10 об.	Семенова Одинцова, удельных крестьян Афонася Семенова Пузанова и Федора Фатеева Ключкина, которые на это отозвались. Что удельный крестьянин Артемий Курков со времени и начала занятия своего извозом, писанием икон не занимался и не занимается. И они в том с того времени не замечали. А потому постановил, составить о сем акт, который по утверждении подписаны бывших при этом лице. Приобщить к переписке. Квартальный надзиратель. Подпись. Удельный чиновник П. Тупицын. При сем находился мастеровой монетного двора Герман Калашников, жена его Александра Семенова Калашникова, вместо которых по безграмотству их и личной просьбе и за себя мастеровой гранильной фабрики

Л. 11.	Егор Одинцов руку приложил. Вместо удельных крестьян Афанасья Пузанова и Федота Ключкина по просьбе их руку приложил мастеровой Дмитрий Малков. При сем находился удельный крестьянин Артемий Курков.
Л. 12.	1858 года августа 11 дня в первой части Екатеринбургской полиции Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа дер. Горы удельный крестьянин Александр Федоров Горенков (нужно Ганенков, примечание В. Трусков) сим показал, что в мае месяце сего года, быв здесь в городе, и имея надобность в деньгах, действительно крестьянину одного со мною ведомства Артемию Иванову Куркову, как понимающему живопись продал икону, при сем мною показанную Усекновения Главы Иоанна Предтечи, за которую и деньги семь рублей серебром и получил. В чем
Л. 12 об.	и подписуется. Удельный крестьянин Александр Федоров Ганенков. Спрашивал квартальный надзиратель. Подпись. Удельный чиновник П. Тупицын.
Л. 13.	Секретно. В Екатеринбургскую городскую полицию первой части. Рапорт. Переписку, о взыскании с крестьян Курковых штрафа, первая часть на распоряжение городской полиции при сем представить честь имеет. За частного пристава Загудаев. 12 августа 1858.
Л. 13 об.	Заключено: об отзывах Курковых уведомить ремесленную управу. О наблюдении за поведением их, предписать части особо. Подл. за под присуд. и скреп. секрет. Верно, секретарь Давыдов. Уведомлена 25 сентября № 9016.

Комментарии

Л. 1. Курков (он же Панков) Петр Иванович – старовер, иконописец, из крестьян Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа деревни Ляхово. В 1850-х гг. жил в Екатеринбурге и занимался иконописанием.

Л. 1. Курков (он же Панков) Артемий Иванович – старовер, иконописец, из крестьян Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа деревни Ляхово. В 1848–1858 гг. жил в Екатеринбурге. Писал иконы, официально же занимался извозом и торговлей.

Л. 7. Ганенков Александр Федорович – старовер, иконописец, из крестьян Московской губернии Богородского уезда Карповского приказа деревни Горы. До приезда на Урал писал иконы в подмосковном староверческом центре Гуслицы. В конце 1840-х гг. занимался иконописью в Невьянском и Верх-Нейвинском заводах.

ЦЕНТРЫ ГУСЛИЦКОЙ РОСПИСИ: ВОЗМОЖНАЯ РОЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ МОНАСТЫРЕЙ

«Гуслицкая» книжная роспись бытовала в ряде населенных пунктов исторической местности Гуслицы, расположенной в западной части Мещёрского края. Этот микрорегион был населен в основном старообрядцами, роспись же использовалась исключительно для украшения заставок рукописных певческих книг, которыми край был известен во многих старообрядческих регионах России. До революции Гуслицы являли собой юго-восток Богородского уезда Московской губернии, а ныне он по большей части входит в состав южной части Орехово-Зуевского района Подмоскovie.

В середине 2000-х гг. мне довелось беседовать с одним из прекрасных знатоков гуслицкой старообрядческой культуры – Л.А. Игошевым. Им, в устном сообщении мне было сказано, что он видел рукописи гуслицкого происхождения раннего времени, написанные до 1770-х гг. включительно. Эти книги не имели орнамента, которым край стал известен позже. И, вдруг, начиная с 1780-х годов гуслицкие книги начинают украшаться заставками, причем выполненными весьма искусно и профессионально. Понятно, что так быстро на ровном месте промысел возникнуть не мог. Его в Гуслицы откуда-то принесли. Причем этот край нам известен.

В Гуслицы традиция книжной росписи однозначно попала из известного старообрядческого региона, известного под именем «Ветка», который располагался на территории Речи Посполитой. Сейчас прежняя Ветка входит в состав Гомельской области Республики Беларусь. В этом центре также существовала книжная традиция и украшение рукописей росписью, известной как «ветковская». Эта роспись очень похожа на «гуслицкую» и между обеими традициями однозначно есть прямая связь. Поздняя «ветка» очень похожа на раннюю «гуслицу».

Наличие такого мощного центра старообрядцев-поповцев вблизи границ России, на территории сопредельного государства, крайне не нравилось властям империи. Поэтому с Ветки было произведено две «выгонки» русского старообрядческого населения. Первая была

еще при Анне Иоанновне в 1735 году, когда с Ветки в Россию было «выведено» до 14000 старообрядцев. Но, через пять лет старообрядческое население в крае снова восстановилось. Вторая «выгонка» последовала уже при казалась бы толерантной к старообрядцам Екатерине Второй, в 1765 году. На сей раз было выведено почти 20000 человек. Они были направлены в Сибирь, однако, было бы странным, если бы значительная часть этих перегоняемых на огромное расстояние переселенцев не бежала по дороге.

Часть этих людей легко могла попасть в Гуслицы, где жило одномоверное население, всегда готовое надежно укрыть.

В настоящее время нам известна примерная география расположения центров, где в прошлом жили переписчики старообрядческих певческих книг, оформлявшихся т.н. «гуслицкой» росписью. Эти селения расположены преимущественно в восточной части края: Беливо, Загряжская, Мисцево, Петрушино, Понарино, Заполицы, Равенская, Шувое, Устьяново, Абрамовка, Степановка. Также традиция росписи известна в ряде селений центральной части Гуслиц: Куровская, Заволенье, Тереньково. Совсем в стороне от этого «массива» стоит одна из крайне западных деревень Гуслицкого края – Молоково. Вне гуслицкой территории нам известно одно селение, где зафиксирован случай создания «гуслицкой» книги. Это деревня Лунёво, расположенная в старообрядческой местности, которая примыкает к Гуслицам с юго-запада. Возможно, ранее эта география была больше, но сведений о других деревнях, где бы писали гуслицкие книги, не сохранилось.

В сохранении и развитии таких элементов христианской культуры, как книжность, иконопись, важную роль играли монастыри. Причем это мы видим не только в старообрядчестве, и не только в России, а и в других регионах мира, когда касаемся их истории. Хотя в более поздний период гуслицкой истории традиция росписи бытовала исключительно в деревнях и занимались ею не иноки, а обычные крестьяне-старообрядцы, нам все же кажется правильным предположить, что на начальном этапе, когда роспись только была принесена в Гуслицы, она, вернее ветковские переписчики, были иноками и обосновались они прежде всего в монастырях или скитах. В деревни, где нам известна традиция росписи в более позднее время, она попала несколько позже. Мы в данной статье хотели бы

немного подробнее рассмотреть «монастырскую» версию распространения гуслицкой росписи.

Известный «куст» известных гуслицких старообрядческих монастырей, как мужских, так и женских, располагался в северо-восточной части края, в районе селения Беливо: обитель отца Леонтия. «Осипова Грива», «Камень», «Праксенна Грива» и др. Вопреки старообрядческой «версии», что местные обители появились вскоре после церковного раскола, обнаруженные С.В. Сироткиным в РГАДА документы, опубликованные в 2010 году в «Гуслицком сборнике», дают нам понять, что начало всех этих обителей относится примерно к середине XVIII в. В документах 1770-х гг. об отцах Леонтии, Иосифе, матери Евпраксии речь идет не как о подвижниках прошлого, а как о современниках, причем еще не успевших отойти в мир иной. Здесь также может напроситься вопрос и о том, а не являются ли известные гуслицкие обители детищем ветковских переселенцев? Они вполне могли возникнуть в 1765 году и вскоре после него, когда Гуслиц достигли ветковские беженцы. Впрочем, в виду отсутствия архивного материала, на данный вопрос мы сейчас вряд ли сможем найти ответ.

Известные вышеупомянутые гуслицкие монастыри были далеко не единственными в этой местности. По словам хранителя исторической памяти селения Беливо, Сергея Петровича Богомолова (1937–2010), ему было известно в районе родной деревни о не менее пятнадцати мест, где когда-то находились старообрядческие монастыри и скиты.

Судя по всему, ранее старообрядческий монастырь находился и возле деревни Мисцево, расположенной южнее Беливо. Здесь вплоть до конца 1940-х гг. сохранялись лесные кельи подвижников, преимущественно пожилых мужчин и женщин, которые на закате жизни уходили от мира, дабы провести остаток дней в молитве. Жители Мисцево несли повинность в обеспечении подвижников продуктами питания. Продолжалось это до тех пор, пока последний инок не умер. Ниже мы упомянем старообрядческий монастырь возле селения Шувое, на месте которого к середине XX века оставались аналогичные, мужские и женские кельи, обитателей которых также подкармливали жители деревни. С Мисцево явно ситуация развивалась аналогичным образом: на месте старинного монастыря с постепенно затухающей духовной жизнью возникают кельи пожилых отшельников, которые на склоне дней покинули мир и замаливали грехи.

Если монастырь возле Мисцево (предположительно он был мужским) в том или ином виде просуществовал до 1940-х гг., то обители находившиеся в лесах и болотах в окрестностях Беливо прекратили свое существование к первой половине XIX века. В той местности, на границе Богородского уезда Московской и Покровского Владимирской губерний, старообрядческие скиты существовали еще очень долго. Причина этому крылась и в глухой местности, и в более позднем покровительстве фабрикантов-старообрядцев. Но большинство этих скитов возникли позже и к обителям раннего периода имеют мало отношения. Возможно, однако, что эти скиты возникали благодаря инокам, которые изначально происходили из обители старца Леонтия, «Осиповой Гривы» и т.п.

Возможно, что иноки поздних местных скитов также как и обитатели ряда гуслицких деревень занимались и переписыванием книг и украшением их гуслицкими орнаментами. Однако, никакой информации об этом у нас нет и поэтому мы можем лишь выдвигать предположения.

Если изначально в Гуслицах украшение певческих книг «гуслицкими» орнаментами возникло в монастырях и уже позже было воспринято жителями деревень, то в XVIII в., когда в край могли попасть выходцы из Ветки, все основные обители еще существовали. Ветковские иноки вполне могли в них обосноваться, влившись в число местных монахов-старообрядцев. Традиционно, такими занятиями как переписывание книг, иконопись, занимались монахи-мужчины. То, что «гуслицкие» орнаменты рисовались в книгах, к примеру, в женской «Праксенной Гриве», нам кажется сомнительным. Так, выходит, что «гуслицкая» роспись, вернее, гуслицкий вариант ветковской росписи, могла изначально возникнуть в обители отца Леонтия, «Осиповой Гриве», «Камне» и других мужских монастырях данной местности. Потом, с течением времени, она постепенно перекочевала из келий иноков лесных монастырей в сами гуслицкие селения. Судя по всему, первоначально в селениях книгами и росписью занимались не миряне-старообрядцы, а те же иноки. В Гуслицах стали возникать кельи, которые находились не в монастырях или скитах, а в черте населенных пунктов. Преимущественно эти кельи были женскими, но попадались и мужские. На рубеже XIX–XVIII вв. по архивному материалу известен инок Илия (в миру – Иван Никитин), который

проживал в самом селении Беливо. Для нас этот инок прежде всего важен тем, что он был одним из переписчиков книг. Инок Илия также представляет собой этап, который представляет собой переход от раннего монастырского периода истории «гуслицкой» росписи к периоду, когда этим промыслом занимались уже преимущественно миряне-старообрядцы.

Из старообрядческих монастырей, который находились в районе селений Мисцево и Беливо, возникла традиция «гуслицкой» росписи в селениях, расположенных поблизости: Беливо, Мисцево, Загряжская, Понарино, Петрушино, а также, возможно, и в Заполицах. В последнем селении был довольно известный центр переписывания «гуслицких» книг. Самыми же лучшими в крае считались переписчики из Беливо и Мисцево, т.е. из населенных пунктов, которые находились непосредственно по соседству с обителями и теснейшим образом с ними взаимодействовали.

Еще один известный мужской старообрядческий монастырь находился в лесу, возле селения Шувое, на юго-восточной окраине Гуслиц. Согласно преданиям, которые были использованы анонимным автором небольшой заметки о Шувое-Нареевском приходе в «Старообрядческом церковном календаре на 1949 год», он был основан иноками, бежавшими из московских монастырей после Никонова раскола. Каким же образом и когда обитель появилась в реальности, мы не знаем. Но в то время, когда в Гуслицы могли попасть ветковцы, она уже явно существовала. А значит, в этот монастырь, бывший относительно крупным, вполне могли перебраться и некоторые иноки из ветковских обителей. В Шувое, еще в середине XIX в., промысел переписывания книг был известен. Кроме того, по словам одного из знатоков гуслицкой старообрядческой культуры Л.А. Игошева, который участвовал во многих экспедициях по изучению местного староверия, в то же время здесь бытовал и иконописный промысел. Шувойские иконописцы писали «мерные» иконы в весьма архаичном для того времени стиле XVII столетия. Уже к концу XIX в. эти промыслы были утрачены. И традиция росписи, и стиль иконописи, в само селение Шувое явно попало через соседний монастырь, с которым жители деревни, а равно и соседнего Нареево и других окрестных селений.

Помимо самого Шувое, традицию книгописания и, следовательно, росписи, из этого монастыря переняли жители находящегося неподалеку селения Устьяново, где представители семейства Кашкиных занимались этим еще в начале XX столетия. Возможно также, что из Шувойской обители промысел мог прийти и в также расположенные неподалеку селения Абрамовка и Степановка. Также совсем рядом с Шувое и местом, где находился монастырь, располагается и деревня Равенская, в которой тоже известны в прошлом гуслицкие переписчики.

Примерно до начала XX в., по рассказам старожилов, рядом с древней Устьяново существовал небольшой мужской старообрядческий скит, разоренный впоследствии разбойниками. Его связь с известными гуслицкими монастырями и скитами не установлена. Также народная историческая память не сохранила информацию и о том, что в этом скиту переписывались книги.

Благодаря информации по истории гуслицкого старообрядчества, которую я собрал на протяжении многих лет, возникло предположение, что еще один старинный гуслицкий старообрядческий монастырь, возникший явно еще на раннем этапе, мог существовать рядом с древней столицей волости – Ильинским погостом. Он предположительно находился в урочище «Богомолова гора», где позднее, в 1880-х гг. было устроено старообрядческое кладбище, существующее доныне. Его однозначно не могли основать ветковцы, поскольку к их появлению в крае его уже не было. Да и в деревнях, которые расположены поблизости «Богомоловой горы» (Поминово, Пичурино, Старово, Сенькино, Цаплино, Внуково, Слободищи), гуслицкая роспись нам не известна.

Еще одним гуслицким кустом, где вплоть до начала XX столетия переписывали книги и украшали их орнаментом, были селения: Куровская, Заволенье и Тереньково. Откуда в эти три деревни пришел рассматриваемый промысел, сказать сложно. В Куровской ранее существовали женские кельи, но их роль в развитии здесь промысла сомнительна. Западнее Куровской, по реке Нерской, по преданиям ранее находились мужские и женские скиты, время существования и исчезновения которых неизвестно. Если бы орнаменты писались бы в тех обителях, то роспись была бы известна и в других селениях, которые расположены неподалеку от мест

легендарных скитов. Но, ни в Костино, ни в Анцыферово, ни в других деревнях книг не писали и роспись не была используема. Однако, в указанных населенных пунктах, а также и во всем гуслицком Заходе (шесть деревень: Костино, Гора, Елизарово, Давыдово, Ляхово и Барская) писали иконы. Откуда сюда пришел этот промысел, пока непонятно.

В трех рассматриваемых деревнях традиция писания книг и украшения их гуслицкими орнаментами могла появиться из каких-то других селений, где она практиковалась. Возможно, что кто-то из ветковских иноков мог осесть и здесь. Не исключено, однако, что из Ветки традицию могли принести и миряне.

Самым отдаленным уголком поздних Гуслиц, где исследователями выявлен переписчик книг с «гуслицким» орнаментом, является деревня Молоково. Она расположена на западной оконечности гуслицкого старообрядческого мира и ранее в древнюю волость Гуслица никогда не входила. В Молоково, еще в начале XX столетия, по сведениям Е.Бобкова, был известен переписчик Михаил Мартьянович Дёмин (Бобков Е.А. Певческие рукописи гуслицкого письма // Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII веков: Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1977 Вып. XXXII). Этот переписчик никак не может быть переселенцем из другого гуслицкого населенного пункта, поскольку «Дёмины» являются основной фамилией, распространенной среди жителей деревни. Как традиция попала в этот уголок, непонятно. Молоково расположено вне основного «куста» гуслицких деревень, где роспись была известна. Возможно, кто-то из жителей деревни на каком-то этапе обучился этому промыслу у обитателей известных гуслицких деревень, или же у одного из иноков какого-то гуслицкого старообрядческого монастыря, к которому имел тесное духовное общение. В том уголке Гуслиц, где расположено Молоково, вблизи соседней старообрядческой деревни Смолёво, вплоть до 1930-х гг. находился женский старообрядческий скит. Подробности истории и время возникновения этого иноческого поселения неизвестно, и, возможно, оно возникло еще на раннем этапе существования местного староверия. Однако, скит был женский, а традиции переписывания книг, иконопись и проч., бытовали в мужских обителях. Однако, если здесь скит, или ранее целый относительно крупный монастырь, существовал здесь исстари, то не ис-

ключено, что на раннем этапе рядом мог быть и монастырь мужской, как это, к примеру, было в Беливо. Последний мог постепенно сойти на нет, а женская обитель оказалась более живучей и ее остатки просуществовали до начала советского времени. В мужской монастырь могли попасть и ветковские иноки, которые привнесли сюда традицию росписи. Скрытность истории гуслицкого, да и не только гуслицкого старообрядчества заставляет нас зачастую только гадать о том, что могло быть на деле, опираясь на скудные известные сведения.

В фондах Музея им. Андрея Рублева имеется одна книга с «гуслицкими» орнаментами, единственная из известных, которая была создана за пределами собственно Гуслиц, хотя и недалеко от них. Она, согласно записи сделанной самим переписчиком, была написана в селении Лунёво Бронницкого уезда. Эта местность примыкает с юго-запада к южным Гуслицам и также была компактно населена старообрядцами-поповцами. Сейчас этого населенного пункта, как и еще нескольких соседних не существует: он был снесен в ходе поиска и разработки фосфоритов на территории современного Воскресенского района. Следует полагать, что в Лунёво семья переписчика, или же он сам, перебрались из какого-либо гуслицкого селения. Возможно, однако, что ранее ареал бытования этого промысла ранее был значительно шире и включал не только собственно Гуслицы. Но ввиду малого числа сохранившихся авторских записей мы знаем только о лунёвском случае.

Исключать тот момент, что ветковские выходцы могли осесть и в этой части старообрядческой Западной Мещёры нельзя. Здесь также компактно проживало староверческое население и места были весьма отдалены от любой администрации. Скрыться от властей здесь было легко. Если следовать рассматриваемой нами сейчас монастырской теории появления гуслицкой росписи, то, по данным выявленным при работе со старожилами деревни Кладьково воскресенским исследователем А.Н. Фроловым (селение это находилось неподалеку от Лунёво и также в настоящее время не существует), на раннем этапе возле Кладьково существовало несколько старообрядческих скитов. Документально об этом нигде сведений не оставлено, никаких подробностей об истории этих иноческих поселений также информации не сохранилось. Эти скиты вполне могли еще существовать во второй половине XVIII, когда в Гуслицы и, возможно,

на сопредельные территории попадали ветковские старообрядцы. Так, что кто-то из ветковских старообрядческих иноков, писавший ветковские певческие рукописи, вполне мог попасть и в один из них. А через него традиция писания книг и вместе с ней и ветковская, ставшая на месте «гуслицкой» роспись была воспринята и кем-то из старообрядцев-мирян, живущих в соседних населенных пунктах. С окрестными деревнями старообрядческие иноки всегда взаимодействовали весьма тесно, почему и многие элементы, бывшие прежде достоянием явно только иноков, впоследствии сохранялись и обычными мирянами: та же роспись, иконопись и т.п. В самой деревне Кладьково нам о писании книг не известно ничего, однако, это вовсе не означает, что на каком-то этапе его здесь не могло существовать. Тоже самое можно сказать и о других старообрядческих селениях этого уголка, где теоретически могла существовать и переписка певческих книг, и украшение их «гуслицкими» орнаментами, как в Лунёво, но ни исторической памяти старожилов, ни каких-либо еще сведений об этом не сохранилось.

* * *

И, напоследок, хотелось бы коснуться еще одного важного момента, касающегося «гуслицкого» орнамента. Возникает вопрос: а почему его ранее никто не пытался использовать как-либо еще, помимо певческих богослужебных книг? Красочная роспись могла бы весьма неплохо украсить и какие-то вполне мирские изделия. Пример совсем рядом: Гжель. Кстати, если попытаться внимательно сравнить «гуслицу» и «гжель», то можно заметить, что между ними есть нечто общее. Возможно, у обоих орнаментов есть общая предыстория. Но, это – тема отдельного серьезного исследования, которое должны проводить искусствоведы.

Севернее Гуслиц, в Дулёво, был основан крупный завод Кузнецовых, производивший посуду. Кузнецовы сами были старообрядцами и певческие книги гуслицкого письма были им хорошо знакомы с детства, они видели их в старообрядческой моленной. На кузнецовском предприятии работало много старообрядцев-гусликов, в том числе и выходцев из Беливо, Мисцево и других селений, где жили переписчики. На предприятии постоянно шел поиск новых форм, новых орнаментов для росписи посуды. Но, тем не менее никто не

пытался перенести на светскую керамику орнамент, характерный для богослужебных книг.

И в самих Гуслицах, где по деревням существовало немало ткацких фабрик, и в находившихся поблизости Орехово-Зуеве, Павловском Посаде, Ликине и других центрах текстильной промышленности, где также всегда искали новые рисунки для украшения ткани, никто не попытался перенести «гуслицу» на полотна. А большинство фабрикантов были старообрядцами, знакомыми с гуслицкой росписью, и на их предприятиях старообрядцев, включая и гусяков, было немало. С росписью они были хорошо знакомы.

Вывод здесь напрашивается один — к книжной росписи, даже невзирая на то, что сознание гусяков и других местных старообрядцев было сильно изменено фабричной цивилизацией, отношение было как к чему-то сакральному. Это ни в коем случае не могло использоваться для мирских, не связанных с богослужением целей.

Владимир Андреевич Соколов
г. Казань

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МЕСТА: ОТ ДЕРЕВНИ БАРСКАЯ ДО ПЛАТФОРМЫ «ПОДОСИНКИ»

В первый наш приезд в Смолево в 2007 году мы заранее планировали побывать в деревне Гора, куда выдали замуж за Захарова Зота Ивановича мою двоюродную бабушку Соколову Домну Ивановну, и поискать их сына Егора Зотовича. Действительно, встреча с Егором Зотовичем у нас состоялась.

К сожалению, эта встреча оказалась единственной, поскольку в декабре 2007 года Егора Зотовича не стало. Брат Егора Зотовича Иван был женат на Корчагиной Марте Кирилловне из Смолево. Было у него две сестры: Нина и Мария. Нина вышла замуж за Ганенкова Севастьяна Еремеевича из деревни Гора. Ну, а старшую из сестер Егора Зотовича, Марию, мою троюродную тетю, выдали замуж в

Барскую за Гузанова Александра, и было у них пятеро сыновей. Все это нам успели рассказать Егор Зотович и его дочь Валентина.

Захаров Егор Зотович, 24 июля 2007 года

Вот с такой информацией мы и отправились в Барскую четыре года спустя, несколько наивно полагая найти там потомков кого-то из пяти братьев Гузановых. Мы рассчитывали электричкой добраться до Куровской, оттуда автобусом до Давыдово. А от Давыдово, по моим представлениям, до Барской совсем рядом – без проблем пешком дойти. Все организовалось даже много удобнее – оказалось, что в этот день Инна Ивановна с Димой собрались в Давыдово на машине и захватили нас с собой с доставкой до околицы деревни Барская. Так что мы через Анциферово и Костино не только буквально долетели до места, но и оказались в Барской замечательно рано, учитывая ожидаемую в этот день жару.

Барская выходит на трассу лишь околицей, поэтому движения никакого практически по деревне нет. В первых же дворах нам обстоятельно все разъяснили: что да, жили здесь Гузановы Александр с Марией, но их потомков в деревне уже нет, разве что живет племянник Александра, и с каким-то непонятным для меня сожалением описали, как найти дом. Дом мы нашли без проблем и долго стучали в двери и во все окна, обходя его вокруг. По всем признакам в доме кто-то был,

но откликаться на наши крики не собирався. Зато вышла женщина из дома напротив и моментально прояснила ситуацию, сообщив, что он вообще крепко спит, а после «вчерашнего» – особенно, и посоветовала найти его брата в Давыдово. Получив четкое и понятное разъяснение, как найти дом Гузанова Константина, мы вначале внимательно осмотрели кладбище Барской и отправились в Давыдово.

Кладбище небольшое, площадью 0,9 гектара, расположено с правой стороны шоссе при въезде в деревню Барская, территория огорожена. Кладбище считается старообрядческим.

В Барской мы были постоянно, в тени заросшее кладбище – это куртинка настоящего леса. Даже до Давыдово ухитрились дойти в тени перелеска. Зато, как только вошли в Давыдово, сразу стало понятно – солнце уже не утреннее, и обеспечены нам на весь оставшийся день полноценные градусы 40 по Цельсию. Оказалось, что идем мы по улице Школьная, на которой и живет Константин Васильевич, поэтому не могли не вспомнить о событии двухмесячной давности. Из сообщения в СМИ: *«Утром 1 июня перед домом на улице Школьная в деревне Давыдово опрокинулся грузовик с цистерной, наполненной техническим формальдегидом...»*.

С этого происшествия и начался наш разговор с Константином, поскольку проблема была актуальной – никому в Давыдово не было понятно, где же брать воду для огородных нужд, тем более в ситуации повторяющейся уже второе лето несусветной жары.

Но затем разговор перешел все-таки на Гузановых. Вот что рассказал Константин Васильевич. У Гузанова Кирилла примерно 1880 года рождения было трое сыновей: Ефим, Александр и Василий, а также две дочери: Анастасия и Ирина. Анастасия осталась в Барской, но я, по-видимому, забыл спросить о ее семье, поэтому, как у нее сложилась жизнь, не знаю. Ирина Кирилловна вышла замуж за Щедрина Еремея Яковлевича из деревни Ляхово. Но оказалось, что они, по-видимому, жили в деревне Гора, поскольку позднее на старообрядческом кладбище Горы мы нашли их захоронения:

Щедрина Ирина Кирилловна, 24.04.1897–31.01.1983

Щедрин Еремей Яковлевич, 1898–1965,

Щедрин Константин Еремеевич, 31.12.1929– ...2005, а также, по-видимому, старший брат Еремея Яковлевича:

Щедрин Василий Яковлевич, 13.01.1894–09.04.1992.

*Гузанова (Захарова) Мария Зотовна и Гузанов Александр Кириллович.
Некрополь деревни Барская.*

Возвращаемся к семье Гузановых: у Ефима Кирилловича – сын Игорь и дочь Ольга. Дети Василия: Сергей, Борис, Герман, Антонина, Константин и Алексей. В здешних местах живут только двое младших братьев. Наконец, у Александра Кирилловича с Марией Зотовной сыновья: Алексей 1928 года рождения, работал скульптором на фарфоровом заводе в Дулево, Константин (1928–2002), Виктор (1935–1964) и Николай (1938–2003) жили в Давыдово, а Анатолий (1939–1984) работал врачом в Шатуре. Достаточно полная картина семьи, о которой я до этого дня не знал практически ничего. Константин Васильевич общается легко и с интересом, хотя не думаю, что ему каждый день приходится беседовать с незнакомыми людьми, что-то расспрашивающими о его семье.

...Идем дальше, отмечая, что полуденное солнце нагревает воздух, он становится до крайности сухим и жестким. Солнце высоко, впереди длинный день. Идем по Давыдово в сторону озера между Давыдово и Горой. Озера еще не видно, но близость чувствуется: люди, одетые по случаю жары лишь частично, девушки в купальниках и босиком. Озеро несколько в стороне, но, то, что там собралась не малая часть жителей не только Давыдово, но и окрестных деревень, налицо: машины, шум, музыка, теснота. Мысленно желаем всем превозмочь жару, и идем дальше, в гору, к Горе. Вспоминаем прошлогоднее лето, город, в изнеможении засыпающий в полдень, и не может освободиться от жары даже ночью.

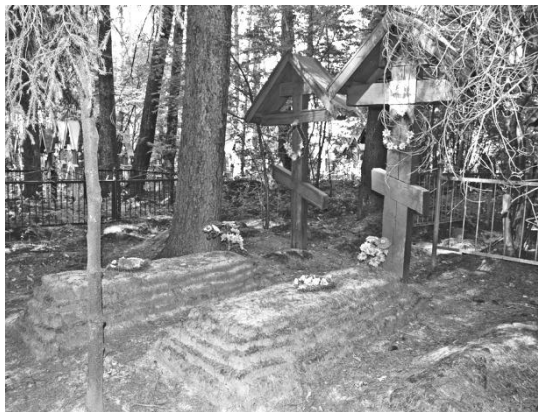
В деревне Гора мы третий раз на протяжении последних четырех лет, но с Захаровыми виделись лишь однажды. Поэтому, когда в палисаднике перед своим домом замечаю Валентину и легко бросаю: «Валя, привет!», Галина меня шепотом одергивает: «Ну, что же ты так – Валя, виделись всего один раз, да еще четыре года назад!». Действительно, виделись мы всего один раз, четыре года назад, но Валентина нас сразу узнает и, улыбаясь, подходит. Недолгий разговор на тему «как дела?» плюс пожелания удачи (наши – ей, Валины – нам).

Кладбище деревни Гора в густом лесу, тень мощных деревьев не дает жару опуститься на землю. Нам не первый раз приходится здесь бывать, но раньше нас интересовали только Захаровы. Затем выяснилось, что от Арефия Осипова рождением около 1630 года ведут свое начало не только Захаровы, но и Булкины, Бобковы и Мосаловы. Следовательно, ищем их также.

Ну, и, конечно, проводываем своих...

А вот как было...

Делю лист на пять частей. Возникает таблица. Я бы с удовольствием добавил в нее еще пару-тройку граф, но ничего не получается – этих материалов нет. А есть вот что... Слева я записываю: «Перепись 1716 года». Правее: «Первая ревизия 1719 года». Далее: «Вторая ревизия 1748 года». Еще правее: «Зараженные скаски 1773 года». Наконец, в последней графе: «Девятая ревизия 1850 года». И это все материалы, что есть у меня по деревне Гора.

*Захарова (Соколова) Домна Ивановна и Захаров Зот Иванович.
Некрополь деревни Гора*

*Захаров Георгий Зотович и Захарова
(Щедрина) Лидия Ивановна.
Некрополь деревни Гора*

*Ганенкова (Захарова) Нина Зотовна.
Некрополь деревни Гора*

...Итак, смотрю я на свою табличку и вспоминаю тот момент, когда из этих колонок была всего одна – «Зараженные скаски 1773 года». Просматривал я жителей деревни Гора и думал, что фамилия Захаровы, скорее всего, от какого-то Захара и произошла. Вот здесь,

кстати, и Захар такой отыскался. Захар Павлов, которому в ревизию 1763 года было 67 лет, а до 1773 года он не дожил. Потом, правда, еще один Захар обнаружился, Захар Иванов 17 лет. Но Захар Павлов почему-то больше моим воображением владел.

Я прекрасно помню, с каким трудом первый раз попытлся преодолеть временной барьер и «перепрыгнуть» из 1869 в 1917 год с данными по Смолево, преодолеть не много, не мало 48 лет. А лопаковские страсти: из 1796 в 1869 – это же целых 73 года! Сейчас я пытаюсь сопоставить данные переписи 1773 года и ревизии 1850 года. Это идея по определению абсурдна, если мы намереваемся найти одних и тех же людей через 77 лет! Вероятность близка к нулю. Потому мне совсем непонятен, признаюсь, мой собственный оптимизм в этом вопросе...

Но ревизия 1850 года – документ замечательный наличием фамилий. Я их даже все выпишу: Глазуновы, Гудковы, Бобковы, Комаровы, Кисляковы, Ганенковы, Захаровы, Цыбровы, Волковы, Ковалевы, Мосаловы (Масаловы), Долговы, Булкины, Коробковы, Ладыгины, Юркины, да 10 бесфамильных из 45 дворов. Самые многочисленные фамилии в то время в деревне Гора: Ганенковы – 8 дворов, Захаровы – 5 дворов, Бобковы – 4 двора.

Но, поскольку нас более всего Захаровы интересуют, я даже выпишу старших в дворах Захаровых: Герасим Самсонов 67 лет, Осип и Моисей Дорофеевы 46 лет (видимо, близнецы), Савва Алексеев 53 лет да Иван Макаров, которому на предыдущую ревизию было 44 года. Что и говорить – не радует нас их возраст! Никто, абсолютно никто не был рожден из них к 1773 году. Тем не менее, не заглянуть ли нам смело в перепись 1773 года в надежде найти знакомые имена? Заглянул и вот что обнаружил. Самсон в этом году в возрасте 34 года в единственном числе зафиксирован во дворе Захара Павлова и приходится ему сыном.

Дорофей в возрасте 7 лет в деревне единственный – сын Пахома Захарова 29 лет, внук, как вы уже догадались, Захара Павлова. Алексеев, правда, двое: один 20 лет сыном Захару Павлову приходится, другому Алексею (Филимонову) 14 лет. В 1850 году есть двор Федула Алексеева (безфамильного) 68 лет, а еще Варфоломей Алексеев Долгов 57 лет. Конечно, кто-то из них может быть сыном Алексея Филимонова, не исключено, что и оба. Вот и с Макаром

такая же история. Есть Макар Иванов 9 лет, внук Захара Павлова. И есть Макар Гаврилов 17 лет, он внуком Федору Гаврилову приходится. Но только двор этот (Федора Гаврилова), скорее всего, двор будущих Ганенковых, поскольку указан у Федора Гаврилова в 1773 году еще сын Леонтий Федоров и внук Прокофий Леонтьев 13 лет. Прокофий очень нам поможет, я думаю!

В 1850 году есть Фаддей, Семен и Никифор Прокофьевы Ганенковы. Из них интересен нам Фаддей Прокофьев 63 лет, рождением 1787 года. Если Прокофий (сын Леонтия) единственный в Горе в 1773 году, то только он и может быть отцом Фаддея. Никакой иной виртуальный Прокофий, который, конечно, мог родиться в деревне после 1773 года, на роль отца Фаддея не подходит по причине малости возраста. А это означает, что в рассмотрении у нас остается лишь Макар Иванов 9 лет (если вы еще окончательно не запутались в моих измышлениях)! И еще это означает, что мы, по-видимому, нашли того Захара в 1773 году, от которого, а вернее – от внуков которого, фамилия Захаровы в Горе и пошла. Но на этом наша история не заканчивается, а, можно сказать, только начинается...

Из 21 двора деревни Гора в 1773 году в шести дворах старшие имеют отчество «Павлов»: знакомый нам с вами Захар Павлов, Аввакум Павлов 54 лет по ревизии 1763 года, Иван Павлов 61 года, Сила Павлов 58 лет, Пахом Павлов, которому в 1763 году 74 года минуло, да еще Фадей Павлов 63 лет. Мое предположение, что они могут быть родными братьями, кажется вполне естественным. Нужно лишь заглянуть в документы прошлых лет, прежде всего, во вторую ревизию 1748 года. Все они там должны быть.

Вот они, наши знакомые в 1748 году: «Захар Павлов 49 у него дети Иван 10 Максим 8 Самсон 6 Пахом 1 у него брат родной Аввакум Павлов 39 у Аввакума сын Яков 7 у него брат родной Иван Павлов 33 у него брат родной Сила Павлов 30 у Силы сын Селиверст 1». Искомые персоны отметил для себя – всех четверых, что действительно родными братьями друг другу приходятся. Но вспомнил, вообще-то их не четверо, а шестеро. И стал остальных разыскивать. Что вы думаете – отыскал их, но в другом дворе.

Вот такой это двор: «Вавила Арефьев 99 у него дети Пахом 55 Фаддей 34 у Фаддея дети Сысой 4 Мартын 2». Что получилось у нас? Шестеро, что под фамилией Захаровы позднее записаны, к разным

семьям относятся: Захар, Аввакум, Иван и Сила Павловы – одной, а Пахом с Фаддеем Вавиловы – к другой. Такой случай единофамилия у меня пока единственный.

Но, похоже, решил я эту задачу. На отчество Вавилы загляделся – Арефьев, и просмотрел самую левую колонку таблицы, что к 1716 году относится. В этом году Вавиле должно было быть 67 лет. Нашел там Вавилу Арефьева 70 лет с детьми Пахомом, Климом и Фаддеем.

Но не это главное. А важно то, что рядом зафиксирован другой двор: Павла Арефьева, а этот Павел и приходится отцом Захару, от которого Захаровы начались. Мое предположение такое: Вавила и Захар Арефьевы – родные братья. Что произошло в период между 1748 и 1773 годом, мне неизвестно, но каким-то образом Пахом с Фаддеем меняют свое отчество с «Вавилов» на «Павлов», причем совсем не в детском возрасте. Никаких иных Пахомов и Фаддеев в 1773 году даже близко нет, только они, что из Вавиловых Павловыми сделались.

Именно потому, что позднее все они Захаровы, да еще и Павловы, дает нам дополнительный косвенный аргумент, что Павел с Вавилой родные братья. Хотя это, конечно, доказывать нужно, только вот как? Есть, правда, еще один интересный нюанс «братства» Павла с Вавилой. Вот какой...

Вообще-то Арефьевых в Горе 1716 года из 13 дворов – 7! И среди этих семи один двор приметный, в нем записана «Вдова Ульяна Кондратьева дочь Арефьева жена Осипова 70 лет». Причем записан этот двор между дворами Павла Арефьева и Вавилы Арефьева. Стало быть, был в деревне некто Арефий Осипов, от которого и Павел и Вавила могли пойти. Вот только с возрастом не совсем в порядке, ведь та же вдова Ульяна Кондратьева ни Павлу в его 60 лет, ни, тем более, Вавиле в его 70 лет матерью приходиться не могла. А была, по-видимому, она у Арефия Осипова второй женой. Ну, вот тогда все более-менее сходится и годится для предположения...

Позднее мне в руки, вот какой документ попался: «Перепись раскольников Австрийского согласия, проживающих в десяти деревнях, приписанных Крестовоздвиженской, в Селине, Богородского уезда, церкви». Следует добавить, что списки природных старообрядцев очень удобно сделаны и по сути своей напоминают подворную

перепись, причем немалую ценность представляют, учитывая информационный архивный вакуум, который после переписи 1870 года наступает. Ранее я только списки избирателей в волостное Земство 1917 года использовал, чтобы хоть как-то с поисками в 20 век внедриться. Правда, в этих списках возраст указан недостаточно точно, да и упоминаются, естественно, лишь те, кто избирательным правом пользовался (с 20 лет). По Смолево и Кузяево в этих списках фамилии расположены по алфавиту, но жители с конкретной фамилией сгруппированы еще и в подворном порядке, так что видно, кто с кем проживает. Исключением было только Молоково, где люди, составлявшие списки, проявили инициативу и расположили всех избирателей деревни в алфавитном порядке, что, конечно, правильно и разумно, но при этом генеалогическая ценность документа значительно пострадала...

Получил этот документ и с волнением Зота Ивановича своего разыскивать стал, постоянно помня, что отчество у него очень трудное и что, ежели он по какой такой житейской прихоти уже отдельным двором живет, то в жизни мне его не отыскать. Но день оказался на редкость удачным, и никакого отдельного двора в ту пору Зот мой еще не получил, а жил с родителями, причем, абсолютно холостой, даром, что 1876 года рождения. С отцом Зота мне до крайности повезло, поскольку звали его уже вполне замечательно – Иван Мартинович. Мартини (Мартыны), конечно, встречались в моих деревнях, но совсем даже не часто. А на возраст-то Ивана Мартиновича внимание обратите: 52 года! Это я к тому, что нет у меня на руках сейчас подворной переписи 1869-1871 годов, а есть только девятая ревизия 1850 года. И есть маленький, но шанс в связи с этим Ивана Мартиновича в ней отыскать, поскольку если 52 вычесть из 1900, получится 1848 год! И шанс этот сработал, нашелся в ревизии 1850 года Захаров Мартын Савин 27 лет, а у него сын Иван 2 лет.

И здесь самое время, казалось, поставить временную точку в последующих поисках, поскольку далее у меня только заразные скаски 1773 года есть. Но точка никак не ставилась, поскольку в ревизии 1850 года не только Мартын Савин указан, но и отец его – Савва Алексеев 53 лет. Алексей – тоже имя для Горы редкое. В 1773 году всего два Алексея, но один из них по возрасту никак не подходит. Остается один-единственный Алексей Захаров 1753 года рож-

дения. Смею думать, что разрешил я все задачи родословной Захаровых от самых «условных» (учитывая совокупность найденных документов) истоков семьи: от самого Арефия Осипова, рожденного около 1630 года...

Другая интересная для меня фамилия в деревне Гора – это Комаровы. Я на нее раньше особого внимания не обращал, до той поры, пока в Интернете не нашлась статья Л.С.Дементьевой из АлтГУ (Барнаул) «Строительство храма во имя воздвижения креста господня в Барнауле»

(<http://www.ais.siberia.net/2002/4-2002/13.htm>).

Статью я постараюсь очень коротко пересказать – она наших старообрядцев подмосковных напрямую касается.

В Томской губернии за период 1905–1914 годов старообрядцами было построено 10 церквей, а среди них, например, в 1909 году в селе Анисимово (известно нам это село проживанием в нем какое-то время Афонина Игната Родионовича). В 1909 году началось строительство Крестовоздвиженской церкви старообрядцев Белокриницкой иерархии в Барнауле. Строился он в старой части города за рекой Барнаулкой. Много позднее этот храм был конфискован, а в 1938 здание было взорвано.

Но пока храм еще только строился. Из статьи Л.С. Дементьевой:

«В заметке, посвященной торжеству освящения храма во имя Честного и Животворящего Креста Господня, состоявшемуся 13 декабря 1915 г., говорится: «Сбылась, наконец, заветная надежда барнаульской общины, к которой она стремилась много лет: ...храм отстроен, внутри поставлен иконостас в древнем стиле с позолотой и повешено стильное позолоченное паникадило. Иконы в новгородском стиле работал иконописец М.М. Комаров в деревне Гора, Московской губ. Заказ им исполнен добросовестно».

И вот еще:

«Сохранившиеся рекламные типографские бланки старообрядца Михаила Мартимиановича Комарова, о котором выше упоминалось, и который являлся держателем иконописной и живописной мастерской, дают информацию о написании икон «в разных древних стилях, как-то: Строгоновского, Новгородского, Греческого...», т.е. именно в тех стилях, которые сохраняли древний канон».

Судя по найденному счету, который был предъявлен М.М. Комаровым председателю общины Киприяну Волкову, для иконостаса было изготовлено в мастерской Комарова 59 икон. Сохранилось замечательное письмо М.М. Комарова от 1 августа 1915 года о. Иоакиму в Барнаул:

«Высокочитимый батюшка Иаков и Христоролюбивая вся ваша община о написании не беспокойтесь, сполняем большие заказы добросовестно, потому как я сам специально могу работать и мастеров держу знаменитых... но к сожалению не знаю, какой у вас Иконостас. Если он дубовой, то должны иконы вставляться новгородского стиля фон золотой матовой. А если у вас Иконостас золотой, то иконы должны на краски, но если у вас Иконостас выкрашенный под фарфор и часть позолоты, то можно на золоте чаканну и матову московского и новгородского письма, то любой стиль можно заказать. Но в крепости я вам должен сказать, на краски прочней и на матов, т.е. золото матового цвета, как в старину писали».

Интересно, что автор статьи задается вопросом: почему именно в мастерскую Комарова попал такой крупный заказ, а, предположим, не в известную мастерскую Дмитрия Николаевича Строкова на Петровке Москве? И тут же дает ответ: вероятно, цена, во-вторых, скромность, профессионализм Комарова...

Вот что он пишет «генваря 5-го дня 1915 года»:

«Высокочитимый Батюшка свящ. Иерей Иаков! И вся ваша Христоролюбивая община. Прошу Вашего Архипастырского благословения и лицо земно кланяюсь так же и всей Вашей общины нижающий поклон до земли и приношу вам большую благодарность, почтенное письмо нами от вас получено на оное и уведомляю вас. ...Я в настоящее время беру труд свой на себя, работаем иконостасы, иконы и я бы вам зделал чудо красоты. Эта красота более даст вид на иконостас. А иконы но только как кто может делать и чтобы было выделить иконостас и иконы. А то может мастер слить то и другое, то тогда некрасиво, или резьба через чурь сильно велика, а иконы малы то все пропадет. Может будет нужда писать на стенах...».

Ну, а, в-третьих, знакомство, что для нашего рассказа, пожалуй, самое главное:

В издании «Старообрядчество: История и культура» (Старообрядчество: История и культура // Рус. православ. старообряд. церковь. Барнаул. община; Барнаул. гос. пед. ун-т; Барнаул. юр. ин-т. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. Т. 1) на с. 94 мы находим следующее:

«С фамилией Черкасовых в барнаульской общине было связано многое, Записавший в мещанское сословие вскоре после приезда, Черкасовы (к 1885 г. их проживало два брата, один из которых был семейный; сестра «девица около 40 лет от роду») сумели наладить успешную торговлю сельхозпродукцией. С именем одного из Черкасовых, Иваном Иовичем, будет связана организация церковноприходской жизни общины. Судьба Черкасовых. Как и большинства прихожан Крестовоздвиженской церкви, позже теряется в бурных и грабических событиях 1920–1930-х годов.

В 1870–1880-е годы «сильное вспоможение» барнаульское старообрядчество встретило со стороны купцов – братьей Афониных. Первоначально поселились в с. Анисимово Боровлянской волости, известном старообрядческом центре, впоследствии одним из благочиний белокриницкого согласия... В своем доме (в Барнауле) Игнатий устроил домовую церковь, где регулярно совершались богослужения наезжающими в Барнаул священниками, которые, по мнению епархиальных миссионеров, руководились по его рекомендации. Не без участия Игнатия Афонина решался вопрос и о руковождении и переезде в Барнаул после ареста Савватия другого сибирского епископа – Мефодия...

Община была зарегистрирована 28 мая 1908 года. Кроме Барнаула, она распространяла свою деятельность на д. Бажеву и Казенную Заимку. В 1912 году избрали церковный Совет общины, в него вошли А.И. и К.А. Волковы (представители известной купеческой фамилии), И.С. Шумилин, И.И. Черкасов...».

Таким образом, знакомство...

На мой взгляд, нет ничего удивительного в том, что заказ по написанию икон достался М.М.Комарова. Его прекрасно знали как Игнатий Родионович Афонин, так и Иван Иовович Черкасов, поскольку оба они представляли старообрядческие семьи деревни Костино, соседней с Горой подмосковной деревни.

В списке природных старообрядцев 1900 года деревни Гора во дворе № 44 указан «28 Михаил Мартианов Комаров 28 лет, жена

его *Евдокия Еремеева 20 лет, сын их Александр полугода*». Большая семья Комаровых в ревизии 1850 года по Горе числится, а в ней – Мартин Тарасов Комаров 13 лет – будущий отец иконописца Михаила: «Марк Михайлов Комаров 46–62, Марка сын Алексей 19–35, Марка брат Тарас Михайлов 33–49, Тараса сын Сидор 11–27, Сидора сын Захар – нов – ½, Тараса 2 сын Максим неделя – 16 и неделя, Тараса 3 сын Мартин нов – 13, Марка Михайлова жена Марья Владимировна 61, Алексея Маркова жен Матрена Иванова 28, Тараса Михайлова жена Домна Герасимова 48, Сидора Тарасова жена Домна Терентьева 25, его же дочь Матрена – 5».

А позднее, в переписи 1869–1871 годов его и его семьи нет. Спрашивается: где они, не в алтайских ли краях, случаем?

Мужская часть большой семьи Черкасовых от их отца Антипа: Иов, Епифан, Александр по переписи 1869–1871 годов в деревне Костино отсутствует, поскольку каждый из них «проживает в Сибири по годовому паспорту». Проживает, надо думать уже несколько лет. Например, сын Иова Иван рождается в Барнауле в 1862 году, и в подворной переписи даже не указан. Мне кажется, что достаточно вероятно, что все они проживают если не вместе, то в относительной близости друг от друга в алтайских землях. Семьи Черкасовых и Афониных перероднились. Например, женой Черкасова Иова Антиповича была Черкасова Екатерина Александровна (Черкасова по отцу – другая ветвь Костинских Черкасовых). Ее родители: Черкасов Александр Климентьевич и Черкасова (Афониная) Ирина Родионовна, родная сестра Афонина Игнатия Родионовича. Или еще: Женой Афонина Ивана Феопентовича, прочно осевшего в городе Еактеринбурге была Черкасова Федосья Павловна, племянница Черкасова Иова Антиповича и двоюродная сестра Черкасова Ивана Иововича.

В Томских губернских ведомостях (№ 45 за 1875 год) была опубликована часть списка лиц, имеющих право участвовать в городских выборах в г. Барнауле. Под № 15 в этом списке фигурирует «2-й гильдии купец Игнатий Радион. Афонин», а под № 88 – «мещ. Черкасов Иов Антипович».

К сожалению, судьба Ивана Иововича сложилась непросто. Выписка из Книги памяти Алтайского края:

«Черкасов Иван Иович.

Родился в 1862 г., г. Барнаул; русский; пенсионер. Проживал: г. Барнаул.

Арестован 27 июля 1937 г.

Приговорен: тройка при УНКВД по АК 6 ноября 1937 г., обв.: по ст. 58–2, 11.

Приговор: ВМН. Расстрелян 14 ноября 1937 г. Место захоронения – г. Барнаул. Реабилитирован 23 сентября 1965 г. Алтайским крайсудом Дело прекращено за отсутствием события преступления».

Жития ему было 75 лет...

...В очередной раз обходим кладбище деревни Гора, фотографируем, делаем записи. Автобус, которым мы могли бы доехать из Давыдово до платформы Подосинки, ходит редко, надеяться на него не приходится. Так что путь один – пешком. Дорога через Костино нам знакома, но к числу любимых не относится. Приходится долго идти по самой кромке асфальта и время от времени пропускать идущий навстречу транспорт, отходя на обочину. Особенно сейчас: выйдя на дорогу, понимаем, что ближайшие часа полтора придется идти навстречу солнцу. Надвигаю панамку на очки. Предпочитаем идти быстро – расписание электричек условное в связи с ремонтом путей, поэтому никто толком его не знает. Хочется пить, своя вода кончилась, но забежать в магазин не решаемся, экономя время. Наконец, добираемся до платформы и лавочек на ней.

В этот сезон на подмосковных электричках введен новый термин: «неправильный путь». Это означает, что электричка, идущая по «неправильному пути», приходит не на привычную платформу для тех, кто едет, предположим, в сторону Москвы, а совсем даже на противоположную. Поэтому народ, собирающийся на двух разных платформах, деловито перекликается друг с другом в попытке выяснить – где же стоит ждать электричку. Не принимающая участие в дознании женщина с тележкой переходит на самый конец платформы и замирает в позе стайера – ее намерения понятны: подходящая электричка неизбежно укажет нужный путь, и тогда, при необходимости, можно будет перебежать с одной платформы на другую. Добавлю,

что когда придет электричка, тоже никто не знает: это может случиться и часом позже и получасом раньше времени, указанного в расписании. Интересно, что народ относится ко всему этому спокойно и даже с пониманием.

Электричка в итоге приходит. Буквально 10 минут, и мы выходим на «своей» платформе. Приходится спешить – часа через два с небольшим у нас новая встреча. Остается время на то, чтобы добраться до дома Инны Ивановны, забраться в душ, перекусить и идти в Монино...

Благодарю всех, кто помог мне в архивах ЦИАМ и РГАДА: Ирину Фещенко, Ольгу Мокрушину, Галину Соколову, Ольгу Мельникову, Светлану Ковалеву за большую помощь в московских архивах ЦИАМ и РГАДА.

Приложение

Поколенная роспись от Арефия Осипова около 1630 года рождения из деревни Гора Захаровы, Бобковы, Булкины, Мосаловы, Долговы

Поколение 1

1. Арефий Осипович (около 1630 – между 1681 и 1716), прож.: Гора, жена: Ульяна Кондратьевна (около 1635 – после 1716), дети: Вавила (2–1), Павел (3–1), Фаддей (4–1), Клим (5–1), Федот (6–1), Федор (7–1), Осип (8–1).

Поколение 2

2–1. Вавила Арефьевич (1646 – после 1748), прож.: Гора, жена: Афросинья Софроновна (1656 – после 1716), дети: Пахом (9–2), Клим (10–2), Авдотья (11–2), Евдокия (12–2), Матрена (13–2), Дарья (14–2), Фаддей (15–2).

3–1. Павел Арефьевич (1656 – после 1721), прож.: Гора, жена: Марина Ивановна (1671 – после 1745), дети: Леонтий (16–3), Захар (17–3), Федора (18–3), Мавра (19–3), Аввакум (20–3), Февронья (21–3), Иван (22–3), Сила (23–3).

4–1. Фаддей Арефьевич (1675 – после 1719), прож.: Гора, семья неизв.

5–1. Клим Арефьевич (1676 – после 1748), прож.: Гора, жена: Прасковья Алексеевна (1686 – после 1716), дети: Авдотья (24–5), Лукерья (25–5), Тимофей (26–5), Михаил (27–5).

6–1. Федот Арефьевич (1681 – между 1726 и 1748), прож.: Гора, жена неизв., сын Алексей (28–6).

7–1. Федор Арефьевич (1681 – после 1748), прож.: Гора, жена: Анна Архиповна (1686 – после 1716), дети: Марка (29–7), Семен (30–7), Иван (31–7).

8–1. Осип Арефьевич (1681 – после 1748), прож.: Гора, жена: Аграфена Филимоновна (1687 – после 1746), дети: Настасья (32–8), Лазарь (33–8), Епифан (34–8), Нестор (35–8).

Поколение 3

9–2. Пахом Вавилович (1701–1770), прож.: Гора, в переписи 1773 года указан как Пахом Павлов, жена: Акилина Никитична (1700 – после 1745), дети: Степанида (36–9), Матрена (37–9).

10–2. Клим Вавилович (1706 – после 1716), прож.: Гора, семья неизв.

11–2. Авдотья Вавиловна (1706 – после 1716), прож.: Гора, семья неизв.

12–2. Евдокия Вавиловна (1707 – после 1744), прож.: Гора, Костино, муж: Конон Минаевич из деревни Костино (1713 – между 1744 и 1748), сын Еремей (1742–1805).

13–2. Матрена Вавиловна (1712 – после 1716), прож.: Гора.

14–2. Дарья Вавиловна (1713 – после 1716), прож.: Гора.

15–2. Фаддей Вавилович (1714 – после 1773), прож.: Гора, в переписи 1773 года указан как Фаддей Павлов, жена: Мавра Евдокимовна (1714 – после 1773), дети: Иван (38–15), Сысой (39–15), Мартын (40–15), Клим (41–15), Анна (42–15).

16–3. Леонтий Павлович (1696 – между 1757 и 1773), прож.: Гора, в ревизии 1748 года записано: «отставной с указа военной канцелярии», жена: Дарья Ильинична (1703 – после 1773), дети: Клим (43–16), Борис (44–16), Авдотья (45–16), Тарас (46–16).

17–3. Захар Павлович (1700–1770), прож.: Гора, жена: Агафья Федосеевна (1696–1769), дети: Ирина (47–17), Иван (48–17), Максим (49–17), Самсон (50–17), Пахом (51–17).

18–3. Федора Павловна (1703 – после 1716), прож.: Гора, семья неизв.

19–3. Мавра Павловна (1706 – после 1716), прож.: Гора, семья неизв.

20–3. Аввакум Павлович (1712–1768), прож.: Гора, жена: Агафья Терентьевна из деревни Давыдово (1712–1770), дети: Яков (52–20), Агафья (53–20), Марина (54–20), Акулина (55–20).

21–3. Февронья Павловна (1713 – после 1716), прож.: Гора.

22–3. Иван Павлович (1715 – после 1773), прож.: Гора, жена: Екатерина Никитична (1716 – после 1773), сын Захар (56–22).

23–3. Сила Павлович (1721 – после 1773), прож.: Гора, жена: Анисья Алексеевна (1718–1767), дети: Марья (57–23), Селиверст (58–23), Иван (59–23), Трифон (60–23).

24–5. Авдотья Климентьевна (1704 – после 1716), прож.: Гора, семья неизв.

25–5. Лукерья Климентьевна (1712 – после 1773), прож.: Гора, Костино, муж: Максим Агафонович из деревни Костино (1696–1772), дети: Евдоким (1746–1800), Семен (1748–1828).

26–5. Тимофей Климентьевич (1713 – после 1773), прож.: Гора, жена: Прасковья Кузьминична из деревни Яковлевская (1713 – после 1773), дети: Авдотья (61–26), Акилина (62–26), Марка (63–26).

27–5. Михаил Климентьевич (1715 – после 1716), прож.: Гора.

28–6. Алексей Федотович (1726 – после 1750), прож.: Гора, жена неизв., дети: Козма (64–28), Хрестина (65–28).

29–7. Марка Федорович (1710 – после 1748), прож.: Гора, жена: Феодосия Емельяновна (1719 – после 1745), сын Филимон (66–29).

30–7. Семен Федорович (1713 – после 1719), прож.: Гора.

31–7. Иван Федорович (1714 – после 1719), прож.: Гора.

32–8. Настасья Осиповна (1710–1770), прож.: Гора, муж: Василий Минаевич из деревни Гора (1702–1772), дети неизвестны.

33–8. Лазарь Осипович (1714 – после 1748), прож.: Гора, жена: Екатерина Петровна (1714 – после 1745), дети: Перфил (67–33), Иван (68–33, Никита (69–33).

34–8. Епифан Осипович (1714 – после 1719), прож.: Гора.

35–8. Нестор Осипович (1746–1768), прож.: Гора, семья неизв.

Поколение 4

36–9. Степанида Пахомовна (1735 – после 1745), прож.: Гора, семья неизв.

37–9. Матрена Пахомовна (1738 – после 1773), прож.: Гора, муж: Савва Федорович (1739–1772), дети неизв.

38–15. Иван Фадеевич (1739 – между 1745 и 1748), прож.: Гора.

39–15. Сысой Фадеевич (1744–1766), прож.: Гора, жена неизв., сын Тимофей (70–39).

40–15. Мартын Фадеевич (1746 – после 1748), прож.: Гора.

41–15. Клим Фадеевич (1750 – после 1773), прож.: Гора, жена: Федосья Яковлевна из деревни Ляхово (1751 – после 1773), дети неизвестны.

42–15. Анна Фадеевна (1754 – после 1773), прож.: Гора, Яковлевская, муж: Василий Иванович из деревни Яковлевская (1760 – после 1773), дети неизвестны.

43–16. Клим Леонтьевич (1745 – после 1775), прож.: Гора, жена: Ефросинья Васильевна из деревни Костино (1748 – после 1775), дети: Иван (71–43), Василий (72–43).

44–16. Борис Леонтьевич (1747 – после 1773), прож.: Гора, жена: Акулина Васильевна из деревни Новая (1748 – после 1773), дети неизвестны.

45–16. Авдотья Леонтьевна (1755 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

46–16. Тарас Леонтьевич (1757 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

47–17. Ирина Захаровна (1729 – после 1745), прож.: Гора, семья неизв.

48–17. Иван Захарович (1734 – после 1773), прож.: Гора, жена: Лукерья Ивановна из деревни Давыдово (1730 – после 1773), дети: Алексей (73–48), Дарья (74–48), Митрофан (75–48), Макар (76–48).

49–17. Максим Захарович (1739 – после 1773), прож.: Гора, жена: Лукерья Логиновна (1739 – после 1773), дети неизвестны.

50–17. Самсон Захарович (1742 – после 1783), прож.: Гора, жена: Настасья Трофимовна (1744 – после 1783), дети: Ирина (77–50), Герасим (78–50).

51–17. Пахом Захарович (1743 – после 1773), прож.: Гора, жена: Марья Никуловна из деревни Елизарово (1748 – после 1773), сын Дорофей (79–51).

52–20. Яков Аввакумович (1741 – после 1781), прож.: Гора, жена: Марья Степановна (1740 – после 1781), дети: Агафья (80–52), Григорий (81–52), Лука (82–52).

53–20. Агафья Аввакумовна (1743 – после 1773), прож.: Гора, Яковлевская, муж: Степан Иванович из деревни Яковлевская (1747 – после 1773), дети неизвестны.

54–20. Марина Аввакумовна (1743 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

55–20. Акулина Аввакумовна (1745 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

56–22. Захар Иванович (1756 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

57–23. Тыркина (неизв.) Марья Силантьевна (1743 – между 1773 и 1796), муж: Тыркин Иван Никитович из деревни Смолево (1747 – после 1773), дети неизвестны.

58–23. Селиверст Силантьевич (1747 – после 1787), прож.: Гора, жена: Агафья Федоровна (1742 – после 1787), дети: Федор (83–58), Иван (84–58).

59–23. Иван Силантьевич (1750 – после 1773), прож.: Гора, жена: Дарья Владимировна из деревни Костино (около 1750 – после 1773), дети неизвестны.

60–23. Трифон Силантьевич (1752 – после 1791), прож.: Гора, жена: Анисья Леонтьевна из деревни Перфурово (1750 – после 1791), дети: Ефимья (85–60), Павел (86–60), Василий (87–60), Мефодий (88–60).

61–26. Бобкова (неизв.) Авдотья Тимофеевна (1738 – после 1776), прож.: Гора, Костино, муж: Бобков Евстигней Гаврилович из деревни Костино (1740–1804), дети: Иван (1753–1804), Марья (1763 – после 1773), Марфа (1764 – после 1773), Дарья (1767 – после 1773),

Сидор (1772 – после 1858), Федор (1773 – после 1811), Анофрий (1776–1848).

62–26. Акилина Тимофеевна (около 1745 – после 1773), прож.: Гора, Короткая, вышла замуж в деревню Короткая, семья неизв.

63–26. Марка Тимофеевич (1750 – после 1773), прож.: Гора, жена: Авдотья Ивановна из деревни Запоторье (1748 – после 1773), дети неизвестны.

64–28. Козма Алексеевич (1746 – после 1773), прож.: Гора, жена: Дарья Федоровна из деревни Запоторье (1748 – после 1773), дети неизвестны.

65–28. Хрестина Алексеевна (около 1750 – после 1773), прож.: Гора, Анциферово, вышла замуж в деревню Анциферово, семья неизв.

66–29. Филимон Маркович (1738 – после 1773), прож.: Гора, жена: Анна Федотовна (1737 – после 1773), дети: Семен (89–66), Алексей (90–66), Емельян (91–66).

67–33. Перфил Лазаревич (1741 – после 1748), прож.: Гора .

68–33. Иван Лазаревич (1743 – после 1748), прож.: Гора.

69–33. Никита Лазаревич (1745 – после 1809), прож.: Гора, жена 1: Акулина Матвеевна из деревни Костино (1745 – после 1773), жена 2: Матрена Егоровна (1779 – после 1850), от первого брака дети неизвестны, от второго брака сын Федор (92–69(2)).

Поколение 5

70–39. Тимофей Сысоевич (1765 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

71–43. Мосалов Иван Климентьевич (1774–1841), прож.: Гора, жена неизв., сын Егор (93–71).

72–43. Мосалов Василий Климентьевич (1775–1839), прож.: Гора, жена неизв., дети: Никита (94–72), Иван (95–72), Афанасий (96–72).

73–48. Алексей Иванович (1753 – после 1797), прож.: Гора, жена: Марфа Григорьевна (1751 – после 1797), дети: Федул (97–73), Никита (98–73), Савва (99–73).

74–48. Дарья Ивановна (1754 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

75–48. Митрофан Иванович (1758 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

76–48. Макар Иванович (1764 – после 1790), прож.: Гора, жена неизв., сын Иван (100–76).

77–50. Захарова Ирина Самсоновна (1767 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

78–50. Захаров Герасим Самсонович (1783 – после 1850), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Ирина Тимофеевна (1784 – после 1850), дети: Иосиф (101–78), Федор (102–78), Мартын (103–78).

79–51. Дорофей Пахомович (1764 – после 1805), прож.: Гора, жена неизв., дети: Осип (104–79), Моисей (105–79), Ларион (106–79).

80–52. Агафья Яковлевна (1758 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

81–52. Григорий Яковлевич (1762 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

82–52. Булкин Лука Яковлевич (1781–1841), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Ирина (1782 – после 1834). дети: Фаддей (107–82), Иван (108–82).

83–58. Федор Селиверстович (1767 – после 1805), прож.: Гора, жена неизв., дети: Марк (109–83), Малафей (110–83), Ульянов (111–83).

84–58. Бобков Иван Селиверстович (1787–1842), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Аксинья Павловна (1792 – после 1850), сын Осип (112–84).

85–60. Ефимья Трифионовна (около 1765 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

86–60. Павел Трифионович (1774–1842), прож.: Гора, жена неизв., дети: Алексей (113–86), Герасим (114–86), Осип (115–86).

87–60. Василий Трифионович (До 1790 – после 1825), прож.: Гора, жена неизв., дети: Василий (116–87), Иван (117–87), Афанасий (118–87).

88–60. Мефодий Трифионович (1791 – после 1850), прож.: Гора, жена: Анна Савельевна (1798 – после 1869), дети: Иван (119–88), Иван (120–88), Петр (121–88), Алексей (122–88), Степан (123–88).

89–66. Семен Филимонович (1755 – после 1773), прож.: Гора, семья неизв.

90–66. Алексей Филимонович (1759 – после 1793), прож.: Гора, жена неизв., сын Алексей (124–90).

91–66. Емельян Филимонович (1766 – после 1797), прож.: Гора, жена неизв., дети: Аника (125–91), Филарет (126–91).

92–69(2). Мосалов Федор Никитович (1809–1845), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Александра Лукинична (1812 – после 1850), дети: Авдотья (127–92), Егор (128–92), Александра (129–92), Карп (130–92), Ульяна (131–92).

Поколение 6

93–71. Мосалов Егор Иванович (1807 – после 1876), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Агафья Меркуловна (1804 – после 1869), дети: Нефед (132–93), Пахом (133–93), Трофим (134–93), Ирина (135–93), Анна (136–93), Елена (137–93).

94–72. Мосалов Никита Васильевич (1797 – после 1869), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Аграфена Пименовна (1797 – после 1850), дети: Ефим (138–94), Михаил (139–94).

95–72. Мосалов Иван Васильевич (1815 – после 1869), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Прасковья Дементьевна (1816 – после 1869), дети: Иван (140–96), Леонтий (141–96), Кир (142–96), Павел (143–96), Мавра (144–96).

96–72. Мосалов Афанасий Васильевич (1820 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

97–73. Федул Алексеевич (1782 – после 1850), прож.: Гора, жена неизв., дети: Егор (145–97), Лука (146–97), Маркел (147–97).

98–73. Захаров Никита Алексеевич (1783–1850), прож.: Гора, Костино, жена: Захарова (неизв.) Домна Прокофьевна из деревни Костино (1785 – после 1834), сын Венедикт (148–98).

99–73. Захаров Савва Алексеевич (1797 – после 1850), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Анна Митрофановна (1797 – после 1869), дети: Федор (149–99), Мартын (150–99), Селиверст (151–99), Иван (152–99).

100–76. Захаров Иван Макарович (1790–1848), прож.: Гора, семья неизв.

101–78. Захаров Иосиф Герасимович (1810 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Лукерья Нестеровна (1812 – после 1869), дети: Ефим (153–101), Трофим (154–101), Федора (155–101).

102–78. Захаров Федор Герасимович (1820 – после 1850), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Прасковья Андреевна (1820 – после 1869), дети: Иван (156–102), Наталья (157–102), Венедикт (158–102), Федор (159–102).

103–78. Захаров Мартын Герасимович (1827 – после 1877), прож.: Гора, жена неизв., дети: Иван (160–103), Пелагея (161–103), Петр (162–103), Петр (163–103), Маркел (164–103).

104–79. Захаров Осип Дорофеевич (1804 – после 1869), прож.: Гора, жена неизв., дети: Никита (165–104), Осип (166–104), Прасковья (167–104).

105–79. Захаров Моисей Дорофеевич (1804 – после 1850), прож.: Гора, жена: Захарова (Казакова) Анна Тимофеевна из деревни Молоково (1801 – после 1851), дети: Авдотья (168–105), Прасковья (169–105), Иван (170–105).

106–79. Захаров Ларион Дорофеевич (1805 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

107–82. Булкин Фаддей Лукич (1801–1862), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Аграфена Андреевна (1800 – после 1850), дети: Варвара (1824 – после 1834), Татьяна (171–107), Мартын (172–107), Федор (173–107), Михаил (174–107), Ирина (175–107), Афимья (176–107).

108–82. Булкин Иван Лукич (1810 – после 1869), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Авдотья Евстигнеевна (1811 – после 1869), дети: Пелагея (177–108), Семен (178–108), Елена (179–108), Марфа (180–108), Андреян (181–108).

109–83. Бобков Марк Федорович (1791–1838), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Мавра Ивановна (1792 – после 1850), дети: Антон (182–109), Федор (183–109), Степан (184–109), Агафья (185–109), Трифон (186–109).

110–83. Бобков Малафей Федорович (1801–1843), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Лукерья Симоновна (1795 – после 1850), дети: Иван (187–110), Василий (188–110), Варфоломей (189–110).

111–83. Бобков Ульянов Федорович (1805 – после 1869), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Акинья Парфеновна (1804 – после 1869), дети: Анна (190–111), Карп (191–111), Акинья (192–111), Степан (193–111), Марфа (194–111).

112–84. Бобков Осип Иванович (1819 – после 1850), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Александра Емельяновна (1820 – после 1850), дети неизвестны.

113–86. Алексей Павлович (1809 – после 1850), прож.: Гора, жена: Матрена Семеновна (1805 – после 1869), дети: Иов (195–113), Василий (196–113), Екатерина (197–113).

114–86. Герасим Павлович (1811–1836), прож.: Гора, семья неизв.

115–86. Осип Павлович (1812 – после 1869), прож.: Гора, жена: Матрена Родионовна (1825 – после 1869), дети: Федор (198–115), Игнатий (199–115), Мавра (200–115), Федор (201–115).

116–87. Василий Васильевич (1806 – после 1869), прож.: Гора, жена: Наталья Васильевна (1808 – после 1850), дети: Ульяна (202–116), Мавра (203–116), Татьяна (204–116).

117–87. Иван Васильевич (1822 – после 1869), прож.: Гора, жена: Аксинья Фоминична (1820 – после 1869), дети неизвестны.

118–87. Афанасий Васильевич (1825 – после 1869), прож.: Гора, жена: Авдотья Елисеевна (1825 – после 1869), дети: Александра (205–118), Федор (206–118), Агрипина (207–118).

119–88. Иван Мефодьевич (1815 – после 1869), прож.: Гора, жена: Марья Михайловна (1823 – после 1850), дети: Макар (208–119), Иван (209–119), Петр (210–119).

120–88. Иван Мефодьевич (1818 – после 1869), прож.: Гора, жена: Елена Климентьевна (1826 – после 1869), дети: Дмитрий (211–120), Анна (212–120), Аграфена (213–120).

121–88. Петр Мефодьевич (1820 – после 1869), прож.: Гора, жена 1: Аграфена Осиповна (1827 – после 1850), жена 2: Арина Ивановна (1829 – после 1869) дети от первого брака: Екатерина (214–121), Авдотья (215–121), Прасковья (216–121), дети от второго брака неизв.

122–88. Алексей Мефодьевич (1825–1848), прож.: Гора, семья неизв.

123–88. Степан Мефодьевич (1827 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

124–90. Долгов Варфоломей Алексеевич (1793 – после 1850), прож.: Гора, жена: Долгова (неизв.) Анисья Петровна (1794 – после 1850), дети неизвестны.

125–91. Долгов Аника Емельянович (1795 – после 1850), прож.: Гора, жена: Долгова (неизв.) Акулина Васильевна (1797 – после 1869), дети неизвестны.

126–91. Долгов Филарет Емельянович (1797 – после 1850), прож.: Гора, жена: Долгова (неизв.) Пелагея Осиповна (1810 – после 1850), дети неизвестны.

127–92. Мосалова Авдотья Федоровна (1832 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

128–92. Мосалов Егор Федорович (1836 – после 1876), прож.: Гора, жена: Мосалова (Бобкова) Анна Ульяновна (1831 – после 1900), дети: Лукерья (217–128), Анна (218–128), Екатерина (219–128), Екатерина (220–128), Федор (221–128), Авдотья (222–128), Пимен (223–128).

129–92. Мосалова Александра Федоровна (1837 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

130–92. Мосалов Карп Федорович (1838 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Евдокия Федоровна (1835 – после 1900), дети: Ксенофонт (224–130), Мефодий (225–130), Анна (226–130), Тарас (227–130).

131–92. Мосалова Ульяна Федоровна (1844 – после 1850), прож.: Гора.

Поколение 7

132–93. Мосалов Нефед Егорович (1826 – после 1852), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Домна Бонифатьевна (1830 – после 1850), дети: Авдотья (228–132), Демид (229–132).

133–93. Мосалов Пахом Егорович (1830 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Ирина Никифоровна (1836 – после 1869), дети: Федосья (230–133), Зот (231–133), Пелагея (232–133), Зот (233–133).

134–93. Мосалов Трофим Егорович (1836 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (Захарова) Прасковья Осиповна из деревни Гора (1841 – после 1900), дети: Марка (234–134), Иван (235–134), Арина (236–134), Савелий (237–134).

135–93. Мосалова Ирина Егоровна (1837 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

136–93. Мосалова Анна Егоровна (1842 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

137–93. Мосалова Елена Егоровна (1845 – после 1850), прож.: Гора.

138–94. Мосалов Ефим Никитович (1826 – после 1869), прож.: Гора, в рекрутах с 1847 года, жена: Мосалова (неизв.) Фекла Петровна (1840 – после 1869), дети: Василий (238–138), Тимофей (239–138).

139–94. Мосалов Михаил Никитович (1830 – после 1869), прож.: Гора, жена: Мосалова (Ганенкова) Агафья Андреевна из деревни Гора (1831 – после 1869), дочь Марья 1859 года рождения.

140–95. Мосалов Иван Иванович (1836 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Ирина Алексеевна (1844 – после 1900), дети: Василий (240–140), Авдотья (241–140), Ксения (242–140), Лукерья (243–140), Максим (244–140), Устинья (245–140), Макар (246–140).

141–95. Мосалов Леонтий Иванович (1844 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Анна Ивановна (1848 – после 1900), дети: Савелий (247–141), Анфиноген (248–141), Самсон (249–141), Парамон (250–141).

142–95. Мосалов Кир Иванович (03.1847 – после 1869), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Авдотья Гурьевна из деревни Гора (1849 – после 1869), дочь Маланья (251–142).

143–95. Мосалов Павел Иванович (03.1850 – после 09.1850), прож.: Гора.

144–95. Мосалова Мавра Ивановна (1851 – после 1869), прож.: Гора. семья неизв.

145–97. Захаров Егор Федулович (1805 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Аксинья Поликарповна (1802 – после 1869), дети: Дорофей (252–145), Лукерья (253–145), Марья (254–145), Анна (255–145), Устинья (256–145), Иван (257–145).

146–97. Лука Федулович (1807–1841), прож.: Гора, жена: Анна Ивановна (1807 – после 1869), дети: Агап (258–146), Анна (259–146), Александра (260–146), Федор (261–146), Мавра (262–146).

147–97. Маркел Федулович (1826 – после 1850), прож.: Гора, Давыдово, в 1850 году переведен в деревню Давыдово, семья неизв.

148–98. Захаров Венедикт Никитович (около 1812 – до 1834), прож.: Костино, жена: Захарова (неизв.) Лукерья Никитична, иконопи-

сец, в переписи 1869–1871 годов указано: "проживает в Сибири по годовому паспорту" (1810 – после 1869), сын Ермил (263–148).

149–99. Захаров Федор Савельевич (1819 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Аксинья Елисеевна (1820 – после 1869), дети: Григорий (264–149), Аксинья (265–149), Федор (266–149), Александр (267–149), Акулина (268–149).

150–99. Захаров Мартын Савельевич (1823 – между 1860 и 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Матрена Трифонова (1820 – после 1900), дети: Иван (269–150), Иван (270–150), Кирилл (271–150), Арина (272–150), Домна (273–150), Кир (274–150), Даниил (275–150).

151–99. Захаров Селиверст Савельевич (1826 – между 1882 и 1900), прож.: Гора, жена 1: Захарова (неизв.) Марья Ивановна (1826 – между 1861 и 1869), жена 2: Захарова (неизв.) Ксения Евсеевна (1840 – после 1900), дети от первого брака: Алексей (276–151(1)), Матрена (277–151(1)), дети от второго брака: Маркел (278–151(2)), Домна (279–151(2)).

152–99. Захаров Иван Савельевич (1829 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (Хохлова) Мавра Абрамовна из деревни Молоково (1826 – после 1900), сын Василий (280–152).

153–101. Захаров Ефим Иосифович (1836 – после 1874), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Мавра Федоровна (1840 – после 1900), дети: Прасковья (281–153), Михаил (282–153), Анна (283–153), Елена (284–153), Ульяна (285–153), Матвей (286–153).

154–101. Захаров Трофим Иосифович (1843 – после 1850), прож.: Гора.

155–101. Захарова Федора Иосифовна (1845 – после 1850), прож.: Гора.

156–102. Захаров Иван Федорович (1840 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Анисья Архиповна (1842 – после 1869), дети неизв.

157–102. Захарова Наталья Федоровна (1842 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

158–102. Захаров Венедикт Федорович (1846 – после 1850), прож.: Гора.

159–102. Захаров Федор Федорович (03.1850 – после 09.1850), прож.: Гора.

160–103. Захаров Иван Мартынович (1854 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

161–103. Захарова Пелагея Мартыновна (1856 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

162–103. Захаров Петр Мартынович (1860 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Александра Михайловна (1863 – после 1900), дочь Устинья (287–162).

163–103. Захаров Петр Мартынович (1870 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

164–103. Захаров Маркел Мартынович (1877 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Лукерья Ивановна (1878 – после 1900), дети: Степан (288–164), Михей (289–164).

165–104. Захаров Никита Осипович (1827 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Мавра Еремеевна (1828 – после 1869), дети неизв.

166–104. Захаров Осип Осипович (1832 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Анна Ивановна (1836 – после 1877), дети: Иван (290–166), Ксения (291–166), Викул (292–166), Симеон (293–166), Сергей (294–166).

167–104. Мосалова (Захарова) Прасковья Осиповна (1841 – после 1900), прож.: Гора, муж: Мосалов Трофим Егорович из деревни Гора (1836 – после 1900), дети: Марка (1861 – после 1869), Иван (1863 – после 1869), Арина (1867 – после 1869), Савелий (1874 – после 1900).

168–105. Захарова Авдотья Моисеевна (1835 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

169–105. Захарова Прасковья Моисеевна (1845 – после 1850), прож.: Гора.

170–105. Захаров Иван Моисеевич (1848 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Акулина Кузьминична (1849 – после 1869), дети: Федосья 1867, Арина 1868 года рождения.

171–107. Булкина Татьяна Фадеевна (1826 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

172–107. Булкин Мартын Фадеевич (1828–1895), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Прасковья Ефстафьевна (1828 – после 1900), дети: Степан (295–172), Петр (296–172).

173–107. Булкин Федор Фадеевич (1830 – после 1850), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Марфа Павловна (1834 – после 1850), дети неизвестны.

174–107. Булкин Михаил Фадеевич (1834–1841), прож.: Гора.

175–107. Булкина Ирина Фадеевна (1835 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

176–107. Булкина Афимья Фадеевна (1843 – после 1850), прож.: Гора.

177–108. Булкина Пелагея Ивановна (1832 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

178–108. Булкин Семен Иванович (1833 – после 1900), прож.: Гора, жена 1: Булкина (неизв.) Ольга Кондратьевна (1831 – после 1869), жена 2: Булкина (неизв.) Пелагея Ефимовна (1835 – после 1900), дети от первого брака: Прасковья (297–178), Иван (298–178(1)), Пелагея (299–178(1)), Марья (300–178(1)), Куприян (301–178(1)), дети от второго брака неизвестны.

179–108. Гафилина (Булкина) Елена Ивановна (1837 – после 1900), прож.: Гора, Смолево, Гора, муж: Гафилин Михей Филиппович из деревни Смолево (1840 – между 1866 и 1869), дети: Петр (1863 – после 1900), Акулина (1866 – после 1870).

180–108. Булкина Марфа Ивановна (1840 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

181–108. Булкин Андреян Иванович (1845 – после 1850), прож.: Гора.

182–109. Бобков Антон Маркович (1818 – после 1850), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Мавра Яковлевна (1820 – после 1850), дочь Марья (302–182).

183–109. Бобков Федор Маркович (1819 – после 1869), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Агафья Игнатьевна из деревни Костино (1821 – после 1869), дети: Василий (303–183), Иван (304–183, Василий (305–183), Василиса (306–183), Марфа (307–183), Илья (308–183).

184–109. Бобков Степан Маркович (1820 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

185–109. Бобкова Агафья Марковна (1830 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

186–109. Бобков Трифон Маркович (1834–1835), прож.: Гора.

187–110. Бобков Иван Малафеевич (1820 – после 1869), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Пелагея Алексеевна (1820 – после 1869), дети: Сергей (309–187), Калина (310–187).

188–110. Бобков Василий Малафеевич (1826 – после 1854), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Прасковья Марковна (1825 – после 1869), дети: Абрам (311–188), Маланья (312–188), Матрена (313–188).

189–110. Бобков Варфоломей Малафеевич (1829 – после 1869), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Акулина Филипповна (1830 – после 1900), дети: Григорий (314–189), Авдотья (315–189), Татьяна (316–189), Семен (317–189).

190–111. Мосалова (Бобкова) Анна Ульяновна (1831 – после 1900), прож.: Гора, муж: Мосалов Егор Федорович из деревни Гора (128–92).

191–111. Бобков Карп Ульянович (1835 – после 1869), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Анна Анисимовна (1835 – после 1900), дети: Фекла (318–191), Василий (319–191), Анна (320–191), Татьяна (321–191).

192–111. Бобкова Аксинья Ульяновна (1841 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

193–111. Бобков Степан Ульянович (1842 – после 1869), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Ирина Григорьевна (1840 – после 1900), дети: Авдотья (322–193), Иван (323–193), Федор (324–193).

194–111. Бобкова Марфа Ульяновна (1844 – после 1850), прож.: Гора.

195–113. Иов Алексеевич (1829 – после 1850), прож.: Гора, Ляхово, переведен в Ляхово в 1850 году, семья неизв.

196–113. Василий Алексеевич (1831 – после 1869), прож.: Гора, жена: Авдотья Федуловна (1831 – после 1869), дети: Анна (325–196), Федосья (326–196), Иван (327–196), Марина (328–196).

197–113. Екатерина Алексеевна (1836 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

198–115. Федор Осипович (1846 – после 1869), прож.: Гора, жена: Аксинья Васильевна (1844 – после 1869), дети неизв.

199–115. Игнатий Осипович (1849 – после 1869), прож.: Гора.

200–115. Мавра Осиповна (1859 – после 1869), прож.: Гора.

201–115. Федор Осипович (1866 – после 1869), прож.: Гора.

202–116. Ульяна Васильевна (1833 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

203–116. Мавра Васильевна (1835 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

204–116. Барышникова (неизв.) Татьяна Васильевна (1845 – после 1850), прож.: Гора, муж неизв., сын Иван (329–204).

205–118. Александра Афанасьевна (1849 – после 1850), прож.: Гора.

206–118. Федор Афанасьевич (1855 – после 1869), прож.: Гора.

207–118. Агрипина Афанасьевна (1864 – после 1869), прож.: Гора.

208–119. Макар Иванович (1839 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

209–119. Иван Иванович (1847 – после 1850), прож.: Гора.

210–119. Петр Иванович (1849 – после 1850), прож.: Гора.

211–120. Дмитрий Иванович (1844 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

212–120. Анна Ивановна (1845 – после 1850), прож.: Гора.

213–120. Аграфена Ивановна (1848 – после 1850), прож.: Гора.

214–121. Екатерина Петровна (1845 – после 1850), прож.: Гора.

215–121. Авдотья Петровна (1847 – после 1850), прож.: Гора.

216–121. Прасковья Петровна (1848 – после 1850), прож.: Гора.

217–128. Мосалова Лукерья Егоровна (1857 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

218–128. Тихомирова (Мосалова) Анна Егоровна (1859 – после 1900), прож.: Гора, муж: Тихомиров Пахом Юрьевич из деревни Гора (1860 – после 1900), дети: Трефил (330–218), Анисим (331–218), Анна (332–218), Прасковья (333–218), Степан (334–218), Мария (335–218).

219–128. Мосалова Екатерина Егоровна (1861 – после 1869), прож.: Гора.

220–128. Мосалова Екатерина Егоровна (1864 – после 1869), прож.: Гора.

221–128. Мосалов Федор Егорович (1866 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Екатерина Карповна (1870 – после 1900), дети: Михаил (336–221), Степан (337–221), Александра (338–221), Андрей (339–221), Савва (340–221).

222–128. Мосалова Авдотья Егоровна (1868 – после 1869), прож.: Гора.

223–128. Мосалов Пимен Егорович (1869–1945), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Татьяна Николаевна (1871–1947), дети: Иван (341–223), Мария (342–223), Устинья (343–223), Лидия (344–223), Максим (345–223).

224–130. Мосалов Ксенофонт Карпович (1855 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Пелагея Антоновна (1855 – после 1900), дети: Татьяна (346–224), Мария (347–224).

225–130. Мосалов Мефодий Карпович (1870 – после 1907), прож.: Гора, жена: Мосалова (Маслова) Елена Кузьминична из деревни Кузьево (1867 – после 1900), дети: Анна (348–225), Домника (349–225), Игнат (350–225), Анна (351–225), Кирилл (352–225).

226–130. Ганенкова (Мосалова) Анна Карповна (1863 – после 1900), прож.: Гора, муж Ганенков Василий Павлович из деревни Гора (1863 – после 1900), дети: Николай (1885 – после 1900), Елизавета (1888 – после 1900), Евдокия (1897 – после 1900), Антон (1900 – ?).

227–130. Мосалов Тарас Карпович (1871 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Анна Сидоровна (1876 – после 1900), дети: Агрипина (353–227), Евдокия (354–227).

Поклоение 8

228–132. Мосалова Авдотья Нефедовна (около 10.09.1850 – после 09.1850), прож.: Гора.

229–132. Мосалов Демид Нефедович (1852 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

230–133. Мосалова Федосья Пахомовна (1857 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

231–133. Мосалов Зот Пахомович (1861 – после 1888), прож.: Гора, жена: Мосалова (Комарова) Анна Мартьяновна из деревни Гора (1863 – после 1900), дети: Олимпиада (355–231), Ксения (356–231).

232–133. Юркина (Мосалова) Пелагея Пахомовна (1863 – после 1900), прож.: Гора, муж: Юркин Павел Максимович из деревни Гора (1868 – после 1900), дети неизв.

233–133. Мосалов Зот Пахомович (1868 – после 1869), прож.: Гора.

234–134. Мосалов Марка Трофимович (1861 – после 1869), прож.: Гора.

235–134. Мосалов Иван Трофимович (1863 – после 1869), прож.: Гора.

236–134. Мосалова Арина Трофимовна (1867 – после 1869), прож.: Гора.

237–134. Мосалов Савелий Трофимович (1874 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Прасковья Ильинична (1877 – после 1900), сын Гавриил (357–237).

238–138. Мосалов Василий Ефимович (1866 – после 1869), прож.: Гора.

239–138. Мосалов Тимофей Ефимович (1867 – после 1869), прож.: Гора.

240–140. Мосалов Василий Иванович (1866 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Варвара Ивановна (1859 – после 1900), дочь Евдокия (358–240).

241–140. Мосалова Авдотья Ивановна (1862 – после 1869), прож.: Гора.

242–140. Мосалова Ксения Ивановна (1862 – после 1869), прож.: Гора.

243–140. Мосалова Лукерья Ивановна (1868 – после 1869), прож.: Гора.

244–140. Мосалов Максим Иванович (1873 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

245–140. Мосалова Устинья Ивановна (1878 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

246–140. Мосалов Макар Иванович (1879 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

247–141. Мосалов Савелий Леонтьевич (1865 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Анна Максимовна (1865 – после 1900), дети: Мавра (359–247), Петр (360–247), Климент (361–247).

248–141. Мосалов Анфиноген Леонтьевич (1870 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Евдокия Ивановна (1869 – после 1900), дети: Иван (362–248), Полиект (363–248), Кирик (364–248).

249–141. Мосалов Самсон Леонтьевич (1877 – после 1900), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Ксения Максимовна (1878 – после 1900), дети: Савва (365–249), Агап (366–249), Александра (367–249).

250–141. Мосалов Парамон Леонтьевич (1878 – после 1902), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Ирина Ивановна (1872 – после 1902), дети: Анна (368–250), Ефим (369–250).

251–142. Мосалова Маланья Кирьяновна (1868 – после 1869), прож.: Гора.

252–145. Захаров Дорофей Егорович (1826 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Акулина Антиповна из сельца Асташково (1829 – после 1869), дети: Артемий (370–252), Арина (371–252), Михаил (372–252), Татьяна (373–252), Григорий (374–252), Арина (375–252), Феопент (376–252).

253–145. Захарова Лукерья Егоровна (1830 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

254–145. Захарова Марья Егоровна (1835 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

255–145. Захарова Анна Егоровна (1838 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

256–145. Захарова Устинья Егоровна (1840 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

257–145. Захаров Иван Егорович (03.1847 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Дарья Захаровна (1843 – после 1900), дети: Евсей (377–257), Петр (378–257), Иван (379–257).

258–146. Агап Лукич (1831 – после 1869), прож.: Гора, иконописец, жена: Настасья Федоровна (1830 – после 1869), дети: Екатерина (380–258), Александр (381–258).

259–146. Анна Лукинична (1833 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

260–146. Александра Лукинична (1835 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

261–146. Федор Лукич (1838 – после 1850), прож.: Гора, жена: Екатерина Васильевна (1842 – после 1869), дети: Александра (382–261), Василий (383–261).

262–146. Захарова (неизв.) Мавра Лукинична (1838 – после 1900), прож.: Гора, муж неизв., дети: Елена (384–262), Кирилл (385–262).

263–148. Захаров Ермил Венедиктович (1831 – после 1869), прож.: Гора, Костино, жена: Захарова (Сергеева) Лукерья Петровна из деревни Костино (1832 – после 1869), дети: Агафья (386–263), Марья (387–263), Петр (388–263), Афимья (389–263), Авдотья (390–263).

264–149. Захаров Григорий Федорович (1841 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Прасковья Евтеевна (1843 – после 1869), дочь Авдотья (391–264).

265–149. Захарова Акси́нья Федоровна (1844 – после 1850), прож.: Гора.

266–149. Захаров Федор Федорович (1847 – после 1869), прож.: Гора.

267–149. Захаров Александр Федорович (1850 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

268–149. Захарова Акулина Федоровна (1862 – после 1869), прож.: Гора.

269–150. Захаров Иван Мартынович (03.1847 – после 1869), прож.: Гора, жена: Захарова (Фадеева) Екатерина Ефремовна из деревни Смолево (1848 – после 1869), дети неизв. .

270–150. Захаров Иван Мартынович (1848 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Василиса Николаевна (1851 – после 1900), сын Зот (392–270).

271–150. Захаров Кирилл Мартынович (08.1850 – после 1850). Прож.: Гора.

272–150. Захарова Арина Мартыновна (1853 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

273–150. Захарова Домна Мартыновна (1855 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

274–150. Захаров Кир Мартынович (1858 – между 1894 и 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Неонила Акимовна (1860 – после 1900), дети: Прокопий (393–274), Александра (394–274), Анастасия (395–274).

275–150. Захаров Даниил Мартынович (1856 – после 1911), прож.: Гора, жена: Захарова (Ганенкова) Марфа Прокопьевна (1861 – после 1911), дети: Илья (396–275), Анна (397–275), Симеон (398–275), Лукерья (399–275), Елисей (400–275), Сергей (401–275), Артемий (402–275).

276–151(1). Захаров Алексей Селиверстович (1854 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

277–151(1). Захарова Матрена Селиверстовна (1861 – после 1869, прож.: Гора.

278–151(2). Захаров Маркел Селиверстович (1875 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Акилина Степановна (1876 – после 1900), дети: Агафия (403–278), Ирина (404–278), Василий (405–278).

279–151(2). Захарова Домна Селиверстовна (1882 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

280–152. Белов (Захаров) Василий Иванович (1863 – после 1900), прож.: Гора, в списках старообрядцев 1900 года записан как Белов, жена: Белова (неизв.) Акилина Ивановна (1872 – после 1900), дети: Варвара (406–280), Иван (407–280).

281–153. Захарова Прасковья Ефимовна (1858 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

282–153. Захаров Михаил Ефимович (1861 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Евдокия Федоровна (1863 – после 1900), дети: Стефан (408–282), Стефан (409–282), Козьма (410–282), Гликерия (411–282), Симеон (412–282).

283–153. Захарова Анна Ефимовна (1863 – после 1869), прож.: Гора.

284–153. Захарова Елена Ефимовна (1865 – после 1869), прож.: Гора.

285–153. Захарова Ульяна Ефимовна (1868 – после 1869), прож.: Гора.

286–153. Захаров Матвей Ефимович (1874 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

287–162. Захарова Устинья Петровна (1891 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

288–164. Захаров Степан Маркелович (1897 – после 1914), прож.: Гора, жена неизв., сын Степан (413–288).

289–164. Захаров Михай Маркелович (07.1899 – после 1900), прож.: Гора.

290–166. Захаров Иван Осипович (1855 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (Ванцева) Ирина Романовна из деревни Молоково (1855 – после 1900), дети: Куприян (414–290), Анна (415–290), Иван (416–290), Василий (417–290).

291–166. Захарова Ксения Осиповна (1863 – после 1869), прож.: Гора.

292–166. Захаров Викул Осипович (1868 – после 1869), прож.: Гора.

293–166. Захаров Симеон Осипович (1874 – после 1900), прож.: Гора, жена неизв., дети: Иремей (418–293), Симеон (419–293), Наталия (420–293).

294–166. Захаров Сергей Осипович (1877 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

295–172. Булкин Степан Мартынович (03.1850–1910), прож.: Гора, был в списке лиц, назначенных присяжными заседателями по Богородскому уезду для участия в судебных заседаниях Московского Окружного Суда на 1894 год, жена: Булкина (неизв.) Евфимия Филатьевна (1855–1928), дети: Моисей (421–295), Александр (422–295), Георгий (423–295), Георгий (424–295), Анфиса (425–295).

296–172. Булкин Петр Мартынович (1859 – после 1900), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Анна Ивановна (1855 – после 1900), дети: Симеон (426–296), Василий (427–296), Любовь (428–296).

297–178(1). Булкина Прасковья Семеновна (1855 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

298–178(1). Булкин Иван Семенович (1858 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

299–178(1). Булкина Пелагея Семеновна (1860 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

300–178(1). Булкина Марья Семеновна (1863 – после 1869), прож.: Гора.

301–178(1). Булкин Куприян Семенович (1865 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

302–182. Бобкова Марья Антоновна (1842 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

303–183. Бобков Василий Федорович (1844 – после 1869), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Акулина Никифоровна (1845 – после 1869), сын Степан (429–303).

304–183. Бобков Иван Федорович (1847 – после 1876), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Ксения Мокеевна (1844 – после 1900), дети: Авдотья (430–304), Симеон (431–304).

305–183. Бобков Василий Федорович (1850 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

306–183. Бобкова Василиса Федоровна (около 15.09.1850 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

307–183. Бобкова Марфа Федоровна (1854 – после 1869), прож.: Гора.

308–183. Бобков Илья Федорович (1857 – после 1900), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Евдокия Калинична (1862 – после 1900), дети неизвестны.

309–187. Бобков Сергей Иванович (1845 – между 1895 и 1900), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Ольга Михайловна (1855 – после 1900), дети: Наталья (432–309), Матрона (433–309), Михаил (434–309).

310–187. Бобков Калина Иванович (1853 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

311–188. Бобков Абрам Васильевич (1847 – после 1900), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Анна Терентьевна (1850 – после 1900), сын Павел (435–311).

312–188. Бобкова Маланья Васильевна (1851–1869), прож.: Гора.

313–188. Бобкова Матрена Васильевна (1854–1869), прож.: Гора.

314–189. Бобков Григорий Варфоломеевич (1859 – после 1902), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Зиновия Петровна (1870 – после 1902), дети: Ксения (436–314), Иван (437–314), Федор (1902 – после 07.1942).

315–189. Бобкова Авдотья Варфоломеевна (1863 – после 1869), прож.: Гора.

316–189. Бобкова Татьяна Варфоломеевна (1866 – после 1869), прож.: Гора.

317–189. Бобков Семен Варфоломеевич (1868 – после 1869), прож.: Гора.

318–191. Коробкова (Бобкова) Фекла Карповна (1857 – после 1900), прож.: Гора, муж: Коробков Андрей Агапович из деревни Гора (1850 – после 1900), дети неизв.

319–191. Бобков Василий Карпович (1860 – после 1900), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Елена Симеоновна (1862 – после 1900), дети: Михаил (438–319), Лука (439–319), Тарас (440–319).

320–191. Бобкова Анна Карповна (1863 – после 1869), прож.: Гора.

321–191. Бобкова Татьяна Карповна (1868 – после 1869), прож.: Гора.

322–193. Бобкова Авдотья Степановна (1859 – после 1869), прож.: Гора.

323–193. Бобков Иван Степанович (1863 – после 1869), прож.: Гора.

324–193. Бобков Федор Степанович (1868 – после 1900), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Мавра Ивановна (1869–1939), дети: Акилина (441–324), Анна (442–324), Николай (443–324), Анисья (444–324).

325–196. Анна Васильевна (1855 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

326–196. Федосья Васильевна (1856 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

327–196. Иван Васильевич (1863 – после 1869), прож.: Гора.

328–196. Марина Васильевна (1868 – после 1869), прож.: Гора.

329–204. Барышников Иван Трофимович (1879 – после 1900), прож.: Гора.

330–218. Тихомиров Трефил Пахомович (1884 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

331–218. Тихомиров Анисим Пахомович (1885 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

332–218. Тихомирова Анна Пахомовна (1895 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

333–218. Тихомирова Прасковья Пахомовна (1888 – после 1900), прож.: Гора.

334–218. Тихомиров Степан Пахомович (1898 – после 1900), прож.: Гора.

335–218. Тихомирова Мария Пахомовна (1899 – после 1900), прож.: Гора.

336–221. Мосалов Михаил Федорович (01.1891 – после 1900), прож.: Гора.

337–221. Мосалов Степан Федорович (10.04.1893–10.10.1947), прож.: Гора, жена: Мосалова (неизв.) Екатерина (07.12.1900–17.01.1985), дети: Виктор (445–337), Михаил (446–337).

338–221. Мосалова Александра Федоровна (05.1895 – после 1900), прож.: Гора.

339–221. Мосалов Андрей Федорович (08.1897 – после 1900), прож.: Гора.

340–221. Мосалов Савва Федорович (05.1900 – после 1925), прож.: Гора, жена неизв., дочь Надежда (447–340).

341–223. Мосалов Иван Пименович (1895 – после 1900), прож.: Гора.

342–223. Мосалова Мария Пименовна (1896 – после 1900), прож.: Гора.

343–223. Мосалова Устинья Пименовна (1897 – после 1900), прож.: Гора.

344–223. Мосалова Лидия Пименовна (22.03.1905–15.02.1995), прож.: Гора.

345–223. Мосалов Максим Пименович (1910–09.1941), прож.: Гора, Куровское, призван в 1941 году Куровским РВК, красноармеец, пропал без вести в сентябре 1941 года, жена: Мосалова (неизвестна) Анна Ивановна (около 1910 – после 1935), сын Василий (около 1935).

346–224. Мосалова Татьяна Ксенофоновна (1888 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

347–224. Мосалова Мария Ксенофоновна (1898 – после 1900), прож.: Гора.

348–225. Мосалова Анна Мефодьевна (1888 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

349–225. Мосалова Домника Мефодьевна (1893 – после 1900), прож.: Гора.

350–225. Мосалов Игнат Мефодьевич (1895 – после 1900), прож.: Гора.

351–225. Мосалова Анна Мефодьевна (1899 – после 1900), прож.: Гора.

352–225. Мосалов Кирилл Мефодьевич (1907–20.02.1943), прож.: Гора, призван в 1941 году Куровским РВК, красноармеец обл 235 сд, погиб в бою 20 февраля 1943 года, семья неизв.

353–227. Мосалова Агрипина Тарасовна (1895 – после 1900), прож.: Гора.

354–227. Мосалова Евдокия Тарасовна (1899 – после 1900), прож.: Гора.

Поколение 9

355–231. Мосалова Олимпиада Зотовна (1885 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

356–231. Мосалова Ксения Зотовна (1889 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

357–237. Мосалов Гавриил Савельевич (04.1900 – после 1900), прож.: Гора.

358–240. Мосалова Евдокия Васильевна (1885 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

359–247. Мосалова Мавра Савельевна (1886 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

360–247. Мосалов Петр Савельевич (1889 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

361–247. Мосалов Климент Савельевич (1899 – после 1900), прож.: Гора.

362–248. Мосалов Иван Анфиногенович (1890 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

363–248. Мосалов Полиект Анфиногенович (1893 – после 1900), прож.: Гора.

364–248. Мосалов Кирик Анфиногенович (1897 – после 1900), прож.: Гора.

365–249. Мосалов Савва Самсонович (1896 – после 1900), прож.: Гора.

366–249. Мосалов Агап Самсонович (1897 – после 1929), прож.: Гора, жена неизв., дети: Ирина (448–366), Алексей (449–366).

367–249. Мосалова Александра Самсоновна (04.1900 – после 1900), прож.: Гора.

368–250. Мосалова Анна Парамоновна (1896 – после 1900), прож.: Гора.

369–250. Мосалов Ефим Парамонович (1902–11.1941), прож.: Гора, призван в 1941 году Куровским РВК, красноармеец, умер в немецко-фашистском плену в ноябре 1941 года, семья неизв.

370–252. Захаров Артемий Дорофеевич (1851 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

371–252. Захарова Арина Дорофеевна (1853 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

372–252. Захаров Михаил Дорофеевич (1855 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

373–252. Захарова Татьяна Дорофеевна (1857 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

374–252. Захаров Григорий Дорофеевич (1859 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

375–252. Захарова Арина Дорофеевна (1864 – после 1869), прож.: Гора.

376–252. Захаров Феопент Дорофеевич (1865 – после 1869), прож.: Гора.

377–257. Захаров Евсей Иванович (05.06.1883–02.06.1953), прож.: Гора, Смолево, Гора, жена: Захарова (Соколова) Феврония Степановна из деревни Смолево (08.06.1885–08.10.1967), дети неизвестны.

378–257. Захаров Петр Иванович (1887 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

379–257. Захаров Иван Иванович (1892–27.10.1943), прож.: Гора, ЦАМО, Ф. 58, Оп. 18002, Д. 113: призван Куровским РВК, рядовой, штаб 69 Гв. СД, умер от ран 27.10.1943, жена: Захарова (неизв.) Антонида Агаповна (1893–1941), дети: Григорий (1920–1943), Иван (1923–1941).

380–258. Екатерина Агаповна (1855 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

381–258. Александр Агапович (1860 – после 1869), прож.: Гора.

382–261. Александра Федоровна (1864 – после 1869), прож.: Гора.

383–261. Василий Федорович (1868 – после 1869), прож.: Гора.

384–262. Захарова Елена Лукинична (1854 – после 1869), прож.: Гора, семья неизв.

385–262. Захаров Кирилл Лукич (1861 – после 1900), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Ирина Федоровна (1860 – после 1900), дети: Никита (450–385), Фекла (451–385), Никифор (452–385).

386–263. Захарова Агафья Ермиловна (1854 – после 1869), прож.: Костино, семья неизв.

387–263. Захарова Марья Ермиловна (1856 – после 1869), прож.: Костино, семья неизв.

388–263. Захаров Петр Ермилович (1861 – после 1869), прож.: Костино, семья неизв.

389–263. Захарова Афимья Ермиловна (1865 – после 1869), прож.: Костино.

390–263. Шушина (Захарова) Авдотья Ермиловна (1867 – после 1900), прож.: Костино, муж: Шушин Федор Артемьевич из деревни Костино (1867 – между 1894 и 1900), дети: Иван (1893 – после 1900), Татьяна (1894 – после 1923).

391–264. Захарова Авдотья Григорьевна (1866 – после 1869), прож.: Гора.

392–270. Захаров Зот Иванович (1876–1937), прож.: Гора, жена: Захарова (Соколова) Домна Ивановна из деревни Смолево (1878–1951), дети: Мария (453–392), Иван (454–392), Нина (455–392), Георгий (456–392).

393–274. Захаров Прокопий Кириллович (1886 – после 1918), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Анна (около 1890 – после 1923), дети: Трофим (457–393), Иван (458–393), Петр (459–393).

394–274. Захарова Александра Кирилловна (1888 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

395–274. Захарова Анастасия Кирилловна (1894 – после 1900), прож.: Гора.

396–275. Захаров Илья Данилович (1889 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

397–275. Захарова Анна Даниловна (1891 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

398–275. Захаров Симеон Данилович (1893 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

399–275. Захарова Лукерья Даниловна (1895 – после 1900), прож.: Гора.

400–275. Захаров Елисей Данилович (1898 – после 1900), прож.: Гора.

401–275. Захаров Сергей Данилович (1905 – после 09.1941), прож.: Гора, ЦАМО: призван Куровским РВК 24.06.1941, красноармеец, пропал без вести в сентябре 1941, жена неизв., сын Виктор (460–401).

402–275. Захаров Артемий Данилович (1911 – после 10.1941), прож.: Гора, ЦАМО: призван Куровским РВК, красноармеец, 178 ЗСП 11 див. 1 бат., пропал без вести в октябре 1941, жена: Захарова

(неизв.) Мария Петровна (05.08.1912–15.12.2002), сын Константин (461–402).

403–278. Захарова Агафия Маркеловна (1897 – после 1900), прож.: Гора.

404–278. Захарова Ирина Маркеловна (03.1900 – после 1900), прож.: Гора.

405–278. Захаров Василий Маркелович (1912 – после 1941), прож.: Гора, ЦАМО: призван Куровским РВК 24.06.1941, мл. сержант, пропал без вести в декабре 1941, ЦАМО, Ф. 58, Оп. 977520, Д. 7, сержант, пропал без вести в феврале 1942, жена: Захарова (неизв.) Евдокия Андрияновна (? – ?), дети неизв.

406–280. Белова Варвара Васильевна (1891 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

407–280. Белов Иван Васильевич (1896 – после 1900), прож.: Гора.

408–282. Захаров Стефан Михайлович (1885 – после 1900), прож.: Гора.

409–282. Захаров Стефан Михайлович (1889 – после 1900), прож.: Гора.

410–282. Захаров Козьма Михайлович (1892 – после 1900), прож.: Гора.

411–282. Захарова Гликерия Михайловна (1897 – после 1900), прож.: Гора.

412–282. Захаров Симеон Михайлович (1899 – после 1900), прож.: Гора.

413–288. Захаров Степан Степанович (28.04.1914–19.05.1989), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Станислава Станиславовна (02.02.1922–10.06.1975), дети неизвестны.

414–290. Захаров Куприян Иванович (1883 – после 1910), прож.: Гора, жена неизв., дети: Петр (462–414), Иван (463–414).

415–290. Захарова Анна Ивановна (1886 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

416–290. Захаров Иван Иванович (27.04.1891–15.04.1975), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Александра Григорьевна (06.05.1899–08.10.1985), дети неизв.

417–290. Захаров Василий Иванович (1898–1956), прож.: Гора, семья неизв.

418–293. Захаров Иремей Симеонович (1895 – после 1900), прож.: Гора.

419–293. Захаров Симеон Симеонович (04.1899 – после 1900), прож.: Гора.

420–293. Захарова Наталия Симеоновна (02.1900 – после 12.1900), прож.: Гора.

421–295. Булкин Моисей Степанович (1874 – после 1900), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Екатерина Федоровна (1873 – после 1900), сын Александр (464–421).

422–295. Булкин Александр Степанович (1879–1945), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Пелагея Ивановна (1879–1947), дети неизвестны.

423–295. Булкин Георгий Степанович (1886–1963), прож.: Гора, жена: Булкина (Борисова) Александра Федоровна (1891–1988), дети неизвестны.

424–295. Булкин Георгий Степанович (1889–1949), прож.: Гора, жена: Булкина (неизв.) Татьяна Афанасьевна (1888–1931), дети неизвестны.

425–295. Булкина Анфиса Степановна (1892 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

426–296. Булкин Семен Петрович (1886–1958), прож.: Гора, жена: Булкина (Куражева) Евдокия Васильевна из города Иваново (около 1890 – после 1918), дети: Иван (около 1918 – ?), Владимир (около 1918 – ?), Александр (1918–1992).

427–296. Булкин Василий Петрович (1891 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

428–296. Булкина Любовь Петровна (1895 – после 1900), прож.: Гора.

429–303. Бобков Степан Васильевич (1868 – после 1869), прож.: Гора.

430–304. Бобкова Авдотья Ивановна (1868 – после 1869), прож.: Гора.

431–304. Бобков Симеон Иванович (1876 – после 1900), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Василиса (1878 – после 1900), сын Василий (465–431).

432–309. Бобкова Наталья Сергеевна (1878 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

433–309. Бобкова Матрона Сергеевна (1885 – после 1900),
прож.: Гора, семья неизв.

434–309. Бобков Михаил Сергеевич (1895 – после 1900), прож.:
Гора.

435–311. Бобков Павел Абрамович (1881 – после 1900), прож.:
Гора, семья неизв.

436–314. Бобкова Ксения Григорьевна (1891 – после 1900),
прож.: Гора.

437–314. Бобков Иван Григорьевич (1892 – после 1900), прож.:
Гора.

438–319. Бобков Михаил Васильевич (1885 – после 1900), прож.:
Гора, семья неизв.

439–319. Бобков Лука Васильевич (1888 – после 1900), прож.:
Гора, семья неизв.

440–319. Бобков Тарас Васильевич (1889 – после 1932), прож.:
Гора, жена неизв., сын Александр (466–440).

441–324. Бобкова Акилина Федоровна (1892 – после 1900),
прож.: Гора, семья неизв.

442–324. Бобкова Анна Федоровна (1894 – после 1900), прож.:
Гора.

443–324. Бобков Николай Федорович (09.08.1896–07.11.1991),
прож.: Гора, жена неизв., сын Константин (467–443).

444–324. Бобкова Анисья Федоровна (1899 – после 1900), прож.:
Гора.

445–337. Мосалов Виктор Степанович (17.09.1920–01.01.1970),
прож.: Гора, семья неизв.

446–337. Мосалов Михаил Степанович (07.01.1925–17.04.1945),
прож.: Гора, семья неизв.

447–340. Мосалов Надежда Саввична (01.10.1925–04.08.2004),
прож.: Гора.

Поколение 10

448–366. Мосалова Ирина Агаповна (07.06.1926–23.12.1988),
прож.: Гора, семья неизв.

449–366. Мосалов Алексей Агапович (30.03.1929–05.02.1988),
прож.: Гора, семья неизв.

450–385. Захаров Никита Кириллович (1889 – после 1945), прож.: Гора, семья неизв.

451–385. Захарова Фекла Кирилловна (1893 – после 1900), прож.: Гора.

452–385. Захаров Никифор Кириллович (1895–25.08.1942), прож.: Гора, ЦАМО, Ф. 58, Оп. 818883, Д. 260: призван Куровским РВК, красноармеец, 130 СД, убит 25.08.1942, жена: Захарова (неизв.) Ксения Григорьевна (06.11.1900–31.12.1983, дети: Алексей (03.09.1926–26.08.1979), Кирилл (25.02.1939–16.11.1984).

453–392. Гузанова (Захарова) Мария Зотовна (18.02.1906–05.11.1971), прож.: Гора, Барская, муж: Гузанов Александр Кириллович (06.12.1905–05.08.1965), дети: Константин (468–453), Алексей (469–453), Виктор (470–453), Николай (471–453), Анатолий (472–453).

454–392. Захаров Иван Зотович (1918–22.02.1944), прож.: Гора, ЦАМО, Ф. 58, Оп. 18002, Д. 339: призван Куровским РВК, старшина, 283 СД, умер от ран 22.02.1944. ОБД «Подвиг народа»: ст. сержант, награжден медалью «За отвагу», жена: Пыжова (Корчагина) Марта Кирилловна (26.06.1916–10.04.2003), дочь Евгения (473–454).

455–392. Ганенкова (Захарова) Нина Зотовна (около 1920), прож.: Гора, муж: Ганенков Савостьян Еремеевич из деревни Гора (18.12.1910–23.05.1990), дети неизв.

456–392. Захаров Георгий Зотович (28.05.1924–15.12.2007), прож.: Гора, ОБД «Подвиг народа»: красноармеец, награжден Орденом Красной Звезды, жена: Захарова (Щедрина) Лидия Ивановна из деревни Ляхово (02.11.1922–31.05.1997), дети: Валентина (474–456), Анатолий (475–456), Галина (476–456).

457–393. Захаров Трофим Прокопьевич (15.11.1912–27.03.1998), прож.: Гора, призван Куровским РВК в 1935 году, Западный фронт 388 СП 172 СД. ЦАМО: мл. лейтенант, пропал без вести в октябре – декабре 1941 года. РГВА: командир роты, попал в плен (освобожден), дата выбытия 26.07.1941, жена: Захарова (неизв.) Анна Сидоровна (08.07.1920–14.07.1995), дети неизвестны.

458–393. Захаров Иван Прокопьевич (05.04.1918–26.12.1989), прож.: Гора, семья неизв.

459–393. Захаров Петр Прокопьевич (1923–14.03.1942), прож.: Гора, призван Куровским РВК, красноармеец, 335 СД, убит 14.03.1942, семья неизв.

460–401. Захаров Виктор Сергеевич (21.01.1930–22.12.1994), прож.: Гора, жена: Захарова (неизв.) Олимпиада Никифоровна (02.03.1930–16.12.2001), дети неизв.

461–402. Захаров Константин Артемьевич (10.11.1938–24.06.2004), прож.: Гора, семья неизв.

462–414. Захаров Петр Куприянович (1904–30.01.1943), прож.: Гора, ЦАМО, Ф. 58, Оп. 18001, Д. 638: призван Куровским РВК, красноармеец, 183 СД, убит 30.01.1943. ОБД «Подвиг народа»: награжден медалью «За отвагу» и медалью «За боевые заслуги», гв. мл. сержант: награжден медалью «За отвагу», семья неизв.

463–414. Захаров Иван Куприянович (09.05.1910–14.02.1973), прож.: Гора, жена: Захарова (Митькина) Клавдия Кирилловна из деревни Гора (09.05.1914–10.08.1990), дети неизвестны.

464–421. Булкин Александр Моисеевич (09.1900 – после 1900), прож.: Гора.

465–431. Бобков Василий Симеонович (1898 – после 1900), прож.: Гора.

466–440. Бобков Александр Тарасович (20.02.1932–01.11.1996), прож.: Гора, жена: Бобкова (неизв.) Мария Павловна (15.12.1935–12.11.2003), дети неизвестны.

467–442. Бобков Константин Николаевич (19.06.1924–14.09.2000), прож.: Гора, семья неизв.

Поколение 11

468–453. Гузанов Константин Александрович (02.03.1928–02.11.2002), прож.: Барская, Давыдово, семья неизв.

469–453. Гузанов Алексей Александрович (около 1930), прож.: Барская, семья неизв.

470–453. Гузанов Виктор Александрович (1935–1964), прож.: Барская, Давыдово, семья неизв.

471–453. Гузанов Николай Александрович (около 1938–Около 2003), прож.: Барская, Давыдово, семья неизв.

472–453. Гузанов Анатолий Александрович (03.09.1939–01.04.1984), прож.: Барская, Шатура, семья неизв.

473–454. Капустина (Захарова) Евгения Ивановна (около 1940), прож.: Гора, семья неизв.

474–456. Хитрова (Захарова) Валентина Егоровна (1950), прож.: Гора, дети: Елена, Алена.

475–456. Захаров Анатолий Егорович (1951), дочь Наталья .

476–456. Киреева (Захарова) Галина Егоровна (1953), дети: Сергей, Александр.

Поколенная роспись от Мины до 1640 года рождения из д. Гора. Комаровы

Поколение 1

1. Мина (до 1640 – после 1671), прож.: Гора, жена неизв., дети: Михаил (2–1), Фаддей (3–1).

Поколение 2

2–1. Михаил Минаевич (1656 – после 1719) прож.: Гора, жена: Катерина Сафроновна (1656 – после 1716), дети: Тимофей (4–2), Матрена (5–2).

3–1. Фаддей Минаевич (1671 – после 1719), прож.: Гора, жена: Аграфена Ларионовна (1676 – после 1716), дети: Иван (6–3), Акинья (7–3), Демид (8–3), Ипат (9–3).

Поколение 3

4–2. Тимофей Михайлович (1686 – после 1748), прож.: Гора, жена: Марфа Савельевна (1691 – после 1734), дети: Фетинья (10–4), Абрам (11–4), Клим (12–4), Назар (13–4).

5–2. Матрена Михайловна (1696 – после 1716), прож.: Гора, семья неизв.

6–3. Иван Фадеевич (1691 – после 1719), прож.: Гора, семья неизв.

7–3. Акси́нья Фа́деевна (1696 – после 1716), прож.: Гора, семья неизв.

8–3. Демид Фа́деевич (1706 – после 1719), прож.: Гора, семья неизв.

9–3. Ипат Фа́деевич (1711 – после 1719), прож.: Гора.

Поколение 4

10–4. Фетинья Тимофеевна (1713 – после 1716), прож.: Гора.

11–4. Абра́м Тимофеевич (1714 – после 1719), прож.: Гора.

12–4. Кли́м Тимофеевич (1715 – после 1753), прож.: Гора, жена неизв., дети: Федот (14–12), Дементий (15–12), Ефим (16–12).

13–4. Наза́р Тимофеевич (1734 – после 1748), прож.: Гора.

Поколение 5

14–12. Фе́дот Климе́ньевич (около 1740 – после 1773), прож.: Гора, жена: Ири́на Петро́вна (1740 – после 1773), сын Михаи́л (17–14).

15–12. Дементий Климе́ньевич (1741 – после 1773), прож.: Гора, Ари́нино, жена: Ма́вра Леонтьевна (1740 – после 1773), дети: На́стасья (18–15), А́нна (19–15).

16–12. Ефи́м Климе́ньевич (1753 – после 1773), прож.: Гора, Ари́нино, Анто́ново, семья неизв.

Поколение 6

17–14. Михаи́л Фе́дотович (1761 – после 1801), прож.: Гора, жена неизв., дети: Ма́рка (20–17), Та́рас (21–17).

18–15. На́стасья Дементьевна (1760 – после 1773), прож.: Ари́нино, семья неизв.

19–15. А́нна Дементьевна (1761 – после 1773), прож.: Ари́нино, семья неизв.

Поколение 7

20–17. Кома́ров Ма́рка Михаи́лович (1788 – после 1850), прож.: Гора, жена: Кома́рова (неизвестна) Ма́рья Влади́мировна (1789 – после 1850), сын Алексе́й (22–20).

21–17. Комаров Тарас Михайлович (1801 – после 1850), прож.: Гора, жена: Комарова (неизвестна) Домна Герасимовна (1802 – после 1850), дети: Сидор (23–21), Максим (24–21), Мартин (25–21).

Поколение 8

22–20. Комаров Алексей Маркович (1815 – после 1869), прож.: Гора, жена: Комарова (неизвестна) Матрена Ивановна (1822 – после 1869), дети неизв.

23–21. Комаров Сидор Тарасович (1823 – после 1850), прож.: Гора, жена: Комарова (неизвестна) Домна Терентьевна (1825 – после 1850), дети: Матрена (26–23), Захар (27–23).

24–21. Комаров Максим Тарасович (1834 – после 1850), прож.: Гора, семья неизв.

25–21. Комаров Мартин Тарасович (1837 – после 1850), прож.: Гора, жена неизв., сын Михаил (28–25).

Поколение 9

26–23. Комарова Матрена Сидоровна (1845 – после 1850), прож.: Гора.

27–23. Комаров Захар Сидорович (1850 – ?), прож.: Гора.

28–25. Мосалова (Комарова) Анна Мартиновна (1863 – после 1900), прож.: Гора, муж: Мосалов Зот Пахомович (1861 – после 1888), дети: Олимпиада (31–28), Ксения (32–28).

29–25. Ганенкова (Комарова) Анна Мартиновна (1869 – после 1900), прож.: Гора, муж: Ганенков Иван Иванович (1866 – после 1900), дети: Ираида (33–29), Василий (34–29).

30–25. Комаров Михаил Мартинович (1872 – после 1900), прож.: Гора, жена: Комарова (неизвестна) Евдокия Еремеевна (1880 – после 1900), сын Александр (35–30).

Поколение 10

31–28. Мосалова Олимпиада Зотовна (1885 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

32–28. Мосалова Ксения Зотовна (1889 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

33–29. Ганенкова Ираида Ивановна (1895 – после 1900), прож.: Гора, семья неизв.

34–29. Ганенков Василий Иванович (1898 – после 1900, прож.: Гора, семья неизв.

35–30. Комаров Александр Михайлович (1900 – ?), прож.: Гора.

Перечень использованных архивных источников

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 3074. Перепись раскольников Австрийского согласия, проживающих в десяти деревнях, приписанных к Крестовоздвиженской, в Селине, Богородского уезда, церкви. 1900 год. Л. 23–28. Д. Гора.

ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 1720. Подворная перепись селений Богородского уезда Запоторской волости. 1869–1871 гг. Л. 201–211 об. Д. Гора.

ЦИАМ Ф. 51. Оп. 8. Д. 398. Ревизские сказки 1850 года. Сентября 24 дня Московской губернии Богородского уезда Удельного ведомства Карповского приказа села Карпово с деревнями Антоновой, Шевлягиной, Вороновой, Мещерой, Аридино, Сидоровой, Молоковой, Лопаковой, Мининой, Смолевой, Яковлевской, Костиной, Горы, Давыдовой, Ляховой, состоящих мужского и женского пола удельных крестьян. Л. 398 об. – 420. Д. Гора.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 110. Исповедная ведомость 1745 г. Л. 120 об. – 127. Д. Гора.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1872. «Зараженные скаски» 1773 г. Дворцовая Селенская волость. Л. 548–551. Д. Гора.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1842, Л. 188–192 об. Вторая ревизия 1748 года. Л. 206–209 об. Д. Гора.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1816. Первая ревизия 1719 года. Л. 957–957 об. Д. Гора.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 258. Перепись 1716 года. Л. 505 об. – 507. Д. Гора.

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ЛОПАКОВО

Многие из подмосковных деревень расположены непосредственно на трассах, движение по которым бывает порой не шуточным. В Новохаритоново, например, не всегда и дорогу сразу удастся перейти – стоишь и пережидаетшь поток машин. Жить в деревнях на таких трассах не совсем приятно. Ну, и, конечно, сразу вспоминается Смолево, где вечером после дневной жары улица полна детей, велосипедистов и прогуливающих взрослых. Редкие машины двигаются осмотрительно. Представить такое в Асташково на Егорьевском шоссе, или даже в Костино, где движение не столь напряженное, невозможно. Лопаково устроено самым правильным, на мой взгляд, образом: своя, пусть только наполовину асфальтированная улица, а трасса, на которую есть выезд с середины деревни, проходит по задворкам восточной линии домов.

Мы всегда стараемся выходить пораньше, ловя самое приятное время дня. Конечно, Смолево уже проснулось, но вместе с тем еще достаточно тихо. На улице никого нет, лишь из-за домов долетают негромкие и какие-то неспешные звуки раннего хозяйствования. Можно дойти до околицы, там у последних домов чуть позже появляются свирепые и агрессивные индюки. Отсюда до южной границы Лопаково 15-20 минут хода по проселочной дороге

Лопаково в отличие от Смолево лишь частично старообрядческая деревня. В девятой ревизии 1851 года слова «раскольники и священство приемлют» стоят у дворов Барченковых, Волковых, Дубовиковых, Корсуновых, Куликовых, Курашевых, Потаповых, Шлыковых, Ярочкиных. Рядом с Лопаково два кладбища: недалеко от южной околицы – смолевское, которое всегда считалось старообрядческим, поэтому именно там захоронения ряда лопаковских семей. А за северной околицей деревни – общее с Минино кладбище. Я думаю, что когда-то раньше все было строже, и старообрядцев хоронили только на кладбище Смолево. Сейчас все смешалось, и захоронения некоторых семей, например, Барченковых и Лапиных, есть на том и на другом кладбище.

В Лопакowo советует нам поговорить с Евдокией Ивановной Тележниковой. Уж не знаю, самая ли старшая Евдокия Ивановна в Лопакowo, но, говорят, помнит очень многое. Конечно, мы ее разыскали. Начинаем с Шлыкова Василия Петровича, за которого моя двоюродная бабушка Агаша замуж вышла. Евдокия Ивановна сетует: «Вам бы года три назад со мной поговорить, до моей болезни, что память отнимает». Отчество Шлыкова Федула она не помнит, но произносит интересную фразу: «Арсентий тоже брат Василия Петровича», а также, что брат Василия был управляющим на Мининской фабрике, но кто он, остается неизвестным.

Я уже даже слегка приуныл, когда братья-сестры Шлыковы Александра, Василий, Елена и Екатерина вообще в воздухе повисли, поскольку так и осталось загадкой, кто у них отец. Но в шпаргалку свою украдкой заглядываю. И дошел до фразы, в которой сказано, что Домна, жена моего Митрофана Ивановича, тоже из Лопакowo. Однако, кто она такая, не ведаю. И чувствую даже, что говорю это скорее для себя, так уж, поскольку записал. А Евдокия Ивановна на нее-то и реагирует: «Волкова она, Иванова дочь».

Поясняю: когда мы на кладбище в Смолево были в прошлый сезон, то дошли до места, где Волков Ефим Иванович с Феодорой Никитичной захоронены. Это не наши Волковы, говорит мне Инна Ивановна, они из Лопакowo. Посомневался я тогда, что «не наши», но не забыл, да и фото на кресте запомнил.

Поэтому ничего удивительно, что я разговор срочно поддержал словами: «А уж не сестра ли она Ефиму Ивановичу, что в Смолево захоронен?» Истинно так, говорит Евдокия Ивановна, превращая мою «Домну из Лопакowo» в «Волкову Домну Ивановну из Лопакowo», более известную в разговорах как «бабушка Домняша». Я тоже не первый день в поиске, поэтому продолжаю: «А ведь жену Ефима Феодорой Никитичной звали». И это подтверждает Евдокия Ивановна, добавляя, что Феодора из Молоково. Вновь моя «стойка» – из чьих? Но этого Евдокия Ивановна не помнит. Зато вспоминает интересное: «Феодора очень красивой была. Помню, девчонкой я ее спрашиваю, как же так, дескать, Вы такая красивая, и за такого некрасивого Ефима замуж вышли. А это потому, отвечает мне Феодора, что меня не за человека замуж отдавали, а за веру».

Я вам скажу, что это просто замечательно, когда вяло текущий разговор превращается вдруг в быстрый обмен репликами. Буквально за 30 секунд оказывается, что ты решил для себя важную задачу.

Ладно уж, дайте похвалиться: Феодору я в Молоково нашел, ей в 1917 году 20 лет было. Кстати, тоже везение, поскольку в списки избирателей 1917 года включали именно с 20-летнего возраста. И кто ее отец, знаю – это Никита Алексеевич Землеков. Интересная фамилия – Землековы. И с моими многократно пересекается. Например, мать Никиты Алексеевича – Соколова Акси́нья Карповна из Смолево. А у его деда Лариона Максимовича жена из моих Деминых – Дарья Родионовна. Или вот еще: внучка прадеда Никиты Алексеевича Филиппа Никифоровича, Екатерина Ларионовна выходит замуж в Смолево за Бубнова Матвея Никифоровича. Не хило? Да, кстати, а ее сестра, Аграфена Ларионовна, обретает мужа в Кузеево – Никифора Зотовича Цапаликова, сына купца богородского.

И еще: когда мы с Евдокией Ивановной разговаривали, к нам паренек подсел, как раз между мной и Евдокией Ивановной. Паренек знакомый. Я заметил его, когда мы с Лидией Сергеевной беседовали. Посидел он немного и в разговор наш включился. Первую его реплику я из вежливости выслушал, вторую и последующие – с интересом, поскольку толково, серьезно и по делу человек говорил. Евдокия Ивановна, смотрю, тоже его внимательно слушает и соглашается. Мы в итоге с ним познакомились: Влад Сергеевич Рядчиков 1998 года рождения.

Влад пояснил, что Рядчиков – его городская фамилия, а деревенская фамилия, вообще-то, Шлыков. Эко! Ведь при этом назвал фамилию своего прадеда! Но тут Влад стал собираться и, не забыв спросить: «Я ведь вам помог немного?», укатил на своем велосипеде...

Анна Васильева. Я помню, с чего начинался мой поиск по Лопакову, и даже сумел разделить сей процесс поиска на четыре фазы. Фаза первая – «А что же я раньше этого не сделал?». Речь тут вот о чем. Есть в моей базе Анна Васильева. Первый раз упоминается она в возрасте 67 лет в «Зараженных скасках» 1773 года. Она приходится мне прапрапрапрабабушкой, поскольку вышла замуж в Смо-

лево за Соколова Савелия Козмина, а вот чьих она кровей и откуда родом, неизвестно. Этот вопрос к самому себе, что, дескать, раньше ее не искал, некоторым лукавством отдает, поскольку знаю, почему не пытался ее поискать. Причины две.

Сложность имен – первая из них. Имя Анна по частоте встречаемости среди женских имен уступает только Авдотье, а Василий, хотя и отстает значительно от Ивана, но второе место среди мужских имен удерживает. Поэтому, сочетание имени-полуотчества «Анна Васильева» представлялось слишком распространенным. Причина вторая – отсутствие материалов более раннего времени, в которых Анну я мог бы искать. А то, что она не смолевская, выяснилось уже давно.

Но 31 декабря получил я новогодний подарок – переписи всей Селнинской волости 1716 года, так что вторая проблема сама собой снялась.

Фаза вторая поиска – мигом заглянуть в ближайшие деревни, хотя бы в Молоково и Лопаково. В Лопаково я и нашел Анну Васильеву 6 лет, которая вполне могла бы претендовать на роль будущей жены Савелия Козмина. Заняло это минут 10. Но тут задумчивость меня охватила и сомнения в единственности такого варианта.

После ряда вздохов решился я вот на какой поступок: оцифровать все списки деревень волости, прежде чем к поиску дальнейшему перейти. Таким образом, возникла третья фаза поиска, которая заняла несколько дней. Восемнадцать деревень в волости! Закончил все-таки 48 страниц текста и вздохнул облегченно. Что самое забавное в моей задумке – это специфика желательного результата (эдакого «потребного будущего», научным языком выражаясь). Ведь, если вдуматься, то хотелось лишь одного – не найти второй подходящей Анны Васильевой. Но и убедиться в этом тоже хотелось, иначе вопрос такой не дал бы мне покоя в дальнейшем. И закончил я эту четвертую фазу поиска минут за 5. Вот в чем сила материала оцифрованного, да еще и задел для задач возможных будущих.

И что вы думаете? Убедился. Нет второй такой Анны Васильевой вопреки скепсису изначальному. Конечно, если взять и иные волости, а того паче – губернии и края дальние, то непременно бы найти можно. Но всю Россию не оцифруешь!

Итак, моя Анна Васильева также лопаковских кровей! Надо же так – сколько времени я не обращал внимания на Лопаково, а там

корни. То Волковы, то вот Василий Никитин 40 лет с Прасковьей Ларионовой – родители Анны. У Василия, кстати, и родители упоминаются: Никита Трофимов (его уже нет к 1716 году) и жена его вдова Афимья Власова 70 лет. Если принять, что Никита примерно того же возраста, что и Афимья Власова, то мог он родиться около 1646 года. Это когда переписные книги творились!

В переписных книгах 1646 года указаны в Лопакowo всего четыре двора: Сенка Нестеров да Куземка Семенов, да Орефка Савельев, да еще Стенка Нестеров. И пока никаких Трофимов. Пока! А вот если подетальнее вчитаться, то и увидишь, что Стенка Нестеров с пасынком **Трофимом Савельевым** записан! По всей видимости, это и есть отец Никиты Трофимова, который, возможно, уже и родился на момент переписи, но в таком ничтожно мелком образе пред писцом заявлен был, что запись по его поводу вести было просто смешно.

Итак, некая женщина первым браком была за неизвестным мне Савелием. И родился у них Трофим. Вторым ее мужем оказался Степан Нестеров. Кто была эта женщина, мать Трофима, узнать будет непросто...

Шлыковы. Я еще в Казани шпаргалки себе заготовил. Например, для разговоров в Лопакowo шпаргалка на целый лист, и начинается она вот такой фразой:

«Акулина Еремеева из Лопакowo около 1740 года рождения выходит замуж в Смолево за Бубнова Еремея Никитовича. Их дочь – Соколова (Бубнова) Анна Еремеева».

Да, да, это та самая Анна, что за моего Якова Мартиновича позднее замуж вышла, но это за пределами шпаргалки, я и так помню. И вовсе не думаю, что в разговоре каком скажу: «Да, кстати, Акулина-то Еремеева родом из Лопакowo и замуж в Смолево вышла...», а мне ответят: «Ну, как же, как же, помним мы это дело...». Тем не менее, не удержался, и лист этой фразой открыл...

В Лопакowo мы ищем Шлыковых и даже знаем, что спрашивать нужно Елену Сергеевну неизвестной нам пока фамилии. Но застаем только ее младшую сестру Лидию. Вообще-то, выясняем немного. Своего отца, Шлыкова Сергея Федуловича примерно 1916 года рождения она не помнит. Его не стало, когда Лиде было 3 года. Отчество Федула неизвестно, но матерью Федула была Анна. В итоге с «мои-

ми» Шлыковыми никакой связки не обнаружил. Еще отметил про себя, что у Лидии Сергеевны фамилия Копейкина. Фамилия знатная. В Игнатьево жил раньше фабрикант Иван Семенович Копейкин.

Анна Еремеева. Моя прапрапрабабушка Анна Еремеева 1781 года рождения, жена Якова Мартинова, из смолевских Бубновых. Отец Еремей Никитин, а мать Акулина Еремеева из Лопаково. Родилась в 1740 году, а к 1773 году уже была замужем в Смолево.

Шансов найти метрическую запись о ее рождении практически нет. Ревизию 1748 года Акулина встретила в возрасте 8 лет, но в этой ревизии записывали только мужчин. Стало быть, можно рассчитывать только на то, что я найду в Лопаково подходящего по возрасту Еремея и приму его за отца Акулины. Причем с тревогой думаю, что если подходящих Еремеев будет больше одного, тогда сложности идентификации станут непреодолимыми.

Перепись деревни Лопаково 1773 года у меня есть. Итак, ищем в Лопаково Еремея рождения где-то до 1725 года. Если он жив в 1773 году, то ему должно быть не менее 48 лет. Еремей будет указан в записях также, если умер после предыдущей ревизии 1763 года. В этом случае будет указан год его смерти и возраст на момент ревизии 1763 года.

Вот если он умер раньше, и жива его вдова, то годы жизни Еремея мы не узнаем, но, как правило, будет указано его имя и отчество.

Дворов в Лопаково 1773 года «своих» 12, да еще указаны отдельными дворами пять семей переселенцев из Сидорово, Шевлягино и Минино.

Эпидемия не обошла Лопаково стороной, в 1771 году в деревне умерло три человека. В Смолево – 5 человек. Тем не менее, места эти, вероятно, пострадали меньше других – потому и переселялись в Лопаково.

Вот такая грустная фраза: «Умершего Еремея Иванова жена вдова Неонила Иванова умре в 1769 году» и является на самом деле находкой.

Если не считать 18-летнего Еремея Симеонова (а мы его за недостаточностью возраста считать не будем), никаких иных Еремеев, кроме упомянутого Еремея Иванова, в деревне Лопаково в 1773 году нет.

У Еремея с Неонилой есть сыновья: Тимофей большой 38 лет и Тимофей меньшей – 34 лет. У большого Тимофея жена Агафья Иванова, а у них дети: Антон 12, Анна 8, Ирина 6 лет. У меньшого Тимофея жена Матрена Федорова 32 лет с детьми Анисией 14, Тихоном 8 и Авдотья 5 лет.

Фамилию этой семьи и следует искать мне в дальнейшем, начиная с 1796 года, затем в 1811, 1816 годах и в году 1834, где, бог даст, у кого-нибудь из детей Антона Тимофеева или Тихона Тимофеева обнаружится фамилия.

Эти фамилии действительно обнаружились. Антон Тимофеевич стал первым, у кого в деревне появилась фамилия Ярочкин. А по имени сына Тихона Тимофеева Трифона возникла позднее в Лопакowo фамилия Трофимовы.

Хороши ревизии тем, что содержится в них большая информация не только о том, из какого селения в какое отдавалась замуж невеста, но и о переездах семей или отдельных ее членов. Такая же информация содержится и в переписи 1773 года. Посмотрите, например, как записан в ней один из дворов деревни Лопакowo:

*«Умершего Бориса Иванова жена вдова Васса Ефимова умерла 1769, у них дети: Симон 30 **перешел той же волости в с. Карпово**, Мирон 20 Борисовы умер в 1772, У Симона сын Андрей 1».*

А в том селении, куда человек переходит (в нашем случае – Карпово) также соответствующая запись должна быть. Вот такая, например, как на листе 464 об. в отношении нашего Симона Борисова:

«...из деревни Лопаковой Симон Борисов 30–40, у него жена Катерина Никифорова 36, у него дети: Андрей 1–11, Прасковья выдана в замужество Дворцовой Гжельской волости д. Речицы, После умершего Мирона Борисова жена вдова Елена Селиверстова, у него же Борисова мать вдова Васса Ефимова умре в 1768 году».

Причем, обратите внимание, что намного больше информации приводится во второй выписке по сравнению с первой. Во-первых, нам напоминают, что переходящие в другое селение пишутся с данными на предыдущую ревизию (в нашем случае – на третью ревизию 1763 года), чтобы мы не перепутали и не считали, что в переписи 1773 года Симону, предположим, 30 лет, хотя ему, естественно, уже все 40. Во-вторых, выясняется, что у Симона Борисова и жена есть –

Катерина Никифорова, не указанная в записи по деревне Лопаково. В-третьих, Симон Борисов, оказывается, не только со своей семьей перешел в Карпово, но и с женой вдовой его брата Мирона Еленой Селиверстовой.

Но не думайте, что все так просто. Если переезды отслеживаются достаточно строго, то с невестами сложнее: отданные в замужество в другое селение, они почему-то там иногда не обнаруживаются. Взять, например, ту же перепись 1773 года по Селнинской волости:

Из Карпово: *«Вдова Ефимья Иванова умре 768, у нее дети, Федор Тимофеев 24–34, дочь Татьяна выдана в Лопаково (но в Лопаково Татьяна не найдена)…»*

Из Шевлягино: *«Тит Симионов 34–44, у него жена Лукерья Тарасова умре 768, у них дети Петр 3–13, Тарас 2 умре 765, Ларион 1 – 10, Ефимья выдана замуж в селе Карпово (нет в Карпово Ефимьи)…»*

Из Минино: *«Михайла 62 умре 768, Трофим 59–69 Федотовы дети, у Трофима жена Меланья Кондратьева 66, у них дочь Ирина выдана в Смолево (не найдена Ирина в Смолево)…»*

Из Минино же: *«У Кондратия жена Ирина Федорова 56, у них дети Яков холост 5–15, дочери Фекла выдана в Молоково (и в Молоково Фекла не обнаружена)…»*

Из Смолево: *«Федор Афонасьев 67, жена Хрестина Семеонова 55, у них дети Козма 40, Петр 36, Прасковья выдана в замужество в д. Яковлевскую (не записана в Яковлевской Прасковья)…»*. И т.д. и т.д.

Но вернемся к нашей семье Бориса Иванова. Во второй ревизии 1748 года есть запись об этой семье:

«Борис Иванов 49, у него дети после переписи рожденные Семен, 12, Демид 5, Мирон 2 у него брат родной написанный в прежней переписи Еремей Иванов 41 у Еремея дети после переписи рожденные Тимофей большой 10 Тимофей меньшей 6».

Здесь идет речь о семье, в которой жил мой прямой предок Еремей. Если быть точным, то у Еремея среди детей недостает дочери Акилины (поскольку во второй ревизии 1748 года женщин решили не записывать). Но именно Акилина является для меня наиболее значимым человеком из всех детей Еремея Иванова. Она выходит замуж в Смолево за Бубнова Еремея Никитина, и у этой пары рождается моя Анна Еремеева. Сплошные прямые кровные родственники.

От Тимофея Еремеева большого началась в Лопаково большая семья Ярочкиных. И не только: внучка Тимофея Еремеева Евдокия Антонова вышла замуж в Лопаково за Барченкова Анисима Иванова. А Барченковы составили несколько брачных пар с моими Деминскими из Молоково. Да, кстати, и сама дочь Тимофея, Анисья Тимофеева, вошла в семью Деминских.

Наконец, от Тимофея Еремеева меньшого пошли в Лопаково Волковы, а с ними, пожалуй, не меньше перекрестных брачных связей.

А вот как семья двух братьев Тимофеевых Еремеевых записана в исповедной ведомости 1796 года:

«Тимофей Еремеев вдов 68 лет, брат его Тимофей 67 лет, жена его Матрена Федорова 62 лет, дети большого Тимофея Антон 47 лет, жена его Анна Федосеева 37 лет, дети их Елена 13 лет, Анна 11 лет, Евдокия 5 лет, дети Тимофея малого Тихон 37 лет, Илья 27 лет, жена Тихонова Настасья Данилова 31 года, дети их Тимофей 4 лет, жена Ильина Степанида Афанасьева 25 лет, сын их Ларион 3 лет».

Дальше попробую рассказать, как пытался в условиях отсутствия промежуточных документов построить логические «мостики» из года 1796 в год 1869, поскольку был у меня лишь список подворной переписи 1869–1871 годов. Начал я, конечно, с самых младших. Но Антона Тимофеева, Тихона Тимофеева, Тимофея Тихонова и Лариона Ильина обнаружить мне не удалось, и удивляться здесь нечему, когда собираешься совершить «прыжок» через временной интервал в 73 года.

Но вот с Ильей Тимофеевым 1769 года рождения, по-моему, что-то проясняться стало. Обнаружил я в подворной переписи 1869 – 1871 годов года старшими во дворах вот какие персоны: Иван Ильин 1809 года, Борис Ильин 1811 года, Василий Ильин и Игнат Ильин 1814 года, а также Кузьма Ильин 1829 года.

Кузьма у меня тут же сомнение вызвал тем, что к его рождению, будь он сыном Ильи Тимофеева, отцу его должно было быть 60 лет. Кузьму я рассматривать не стал.

А вот остальных гипотетически братьями обозначил и сыновьями Ильи Тимофеева. Для того, чтобы ответить на этот вопрос однозначно, то есть обнаружить их всех в одном дворе с родителями, более всего подошла бы ревизская сказка 1816 года. Но есть и возможность косвенного доказательства. Это тоже интересно.

Посмотрите: действительно, Илья единственный в деревне 1796 года. Причем, задача наша заметно облегчается также тем, что в отличие от полностью старообрядческой деревни Смолево, в Лопаково всего семь старообрядческих дворов. Семья Акулины Еремеевой, естественно, старообрядческая, и вероятность брака с кем-то из православной семьи проблематична.

Какие еще есть обстоятельства? Есть небольшая вероятность, что в записные раскольники исповедной ведомости от деревни Лопаково могли быть вписаны не все, но вероятность того, что кто-то не записался, очень небольшая и, если верить исследованиям в этом вопросе, составляет не более 5 %. Полагаю, что для деревень с небольшой численностью старообрядцев и того меньше.

Но есть еще одно: какой-то другой Илья мог появиться в деревне, например, родиться сразу после 1796 года. В отношении Василия и Игната Ильиных это еще возможно, хотя такому неизвестному для нас их отцу в 1814 году было бы не более 18 лет. Но для Ивана и Бориса Ильиных этот вариант не проходит.

Что представляют из себя семьи «братьев» Ильиных?

У Ивана Ильина семья вообще не прописана, и по данным подпорной переписи живет он один. У Василия всего один сын Никита 24 лет, остальные – дочери. Возраст Никиты достаточно большой для того, чтобы искать его в списках избирателей 1917 года. Но тут своя проблема: мужчины с отчеством Никитин есть сразу в трех лопаковских семьях (Бесшапошниковы, Лапины, Мигуновы), поэтому строить какие-то предположения в поиске детей от Никиты без дополнительных документов невозможно.

Остаются семьи Бориса Ильина и Игната Ильина.

У Бориса два сына: Анисим 32 лет и Николай 22 лет. Кроме того, у Анисима есть сын 10 лет с великолепным именем Мартьян. У Игната Ильина сыновья Григорий 25 лет и Иван 13 лет. Напоминаю, мы ищем их или их детей в 1917 году. Что важно для утверждения: «Борис и Игнат – братья»? Чтобы их дети или внуки по мужской линии носили бы одну фамилию. Мало того, чтобы число персон превышало бы некую «критическую массу», достаточную, чтобы закричать: «Конечно, это они!». И что вы думаете, мы не находим такую общность? Неправда, есть такая семья!

Мы находим: Ивана Игнатова 65 лет, Григория Иванова 43 лет, Василия Иванова 35 лет, Ефима Иванова 26 лет (по-видимому, детей Ивана Игнатова);

Марфу Тихонову 45 лет (неужели дочь Тихона Тимофеева!?!);

Аксинью Мартыановну 21 года (скорее всего, незамужнюю);

Павла и Евстигнея Николаевых 34 и 40 лет соответственно (сыновей Николая Борисова, предположительно), а также Евдокию Анисимову 45 лет (полагаю, что дочь Анисима Борисова).

Каждая персона в отдельности значит очень мало, все вместе – это серьезно! Но полная доказательность – конечно, в ревизских сказках 1850 и 1858 годов. Теперь главное – фамилия у всех перечисленных выше Волковы!

Итак, Борис Ильин и Игнат Ильин – Волковы, хотя это желательно подтвердить последними ревизиями, девятой и десятой. В данном случае Борис меня больше интересует. Редкое для моих мест имя. И, тем не менее, хочу проверить, есть ли еще Борис в деревне Лопаково в 1869 году. Нет, не нахожу я другого Бориса. Что, спросите вы, одного мало, да и вообще, куда ты клонишь, речи о Борисах ведя. А вот куда: есть в Лопаково Екатерина Борисова 20 лет. Учитывая возраст Бориса Ильина – 58 лет, как раз ему в дочери подошла бы. Эх, нет рядом ревизии 1858 года. Снял бы я тогда свои сомнения в ее дочернем отношении к Борису Ильина, ведь она и пришедшей из другой деревни может быть. Вышла Екатерина Борисова замуж за Шлыкова Петра Юдина (Иудина). Напоминаю: за его сына, Василия Петровича, позднее выходит замуж Соколова Агафья Ивановна (бабушка Агаша) из Смолево... Вот еще один круг моих родственных связей.

Спустя достаточно длительный период времени у меня на руках все же оказался список ревизии 1851 года, и можно было оценить, чего стоят гипотезы предыдущего времени. Двор 26 – это двор Волковых, так указано в документе (ЦИАМ фонд 51, опись 8, дело 398):

Л. 236–237: «26. Илья Тимофеев Волков 62 – умер в 1838 г., Илья сын Борис 23–39, Бориса сыновья: Антон нов. – 14, Илья Тимофеева жена Анна Петрова 66, его же дочь Марфа 29, Бориса Ильина жена Афимья Демидова 37, его же дочери Анна – 16, Екатерина 6, второй сын Николай нов. 4, Илья второй сын Игнат 19–35, Игната сын Григорий нов. – 6, Илья третий сын Козьма 9 в

рекрутах с 1849 г., его же четвертый сын Авакум 6–22, раскольники священство приемлют, Игната Ильина жена Василиса Леонтьева 35, его же дочь Ирина 2, раскольники священство приемлют».

Мы оказались правы в том, что Борис и Игнат Ильины – братья и фамилия у них общая – Волковы. Так же братьями оказались Иван и Василий Ильины, даже удалось определить их фамилию – Лапины. И даже Екатерину Борисову, что вышла позднее за Шлыкова Петра Юдина, нашли, она также к семье Волковых по рождению относится.

Постепенно выстраиваются родословные лопаковских старообрядческих семей. Что-то остается неясным, на какие-то временные периоды не достает документов, но дело движется...

Всегда рад выразить благодарность Ирине Фещенко, Ольге Мокрушиной, Галине Соколовой за большую помощь в московских архивах ЦИАМ и РГАДА.

Приложения

**Поколенная роспись от Ивана Старкова
около 1655 года рождения из деревни Лопаково.
Волковы, Ярочкины**

Поколение 1

1. Иван Старков (около 1655 – между 1712 и 1716), прож.: Лопаково, жена: Пелагея Григорьевна (1656 – после 1716), дети: Борис (2–1), Марина (3–1), Еремей (4–1), Матрена (5–1).

Поколение 2

2–1. Борис Иванович (1696 – между 1763 и 1773), прож.: Лопаково, жена: (Корнилова) Васса Ефимовна из деревни Минино (1706–1769), дети: Симон (6–2), Демид (7–2), Мирон (8–2).

3–1. Марина Ивановна (1701 – после 1716), прож.: Лопаково, семья неизв.

4–1. Еремей Иванович (1707 – между 1763 и 1773), прож.: Лопаково, жена: Неонила Ивановна (около 1710–1769), дети: Тимофей (9–4), Акилина (10–4), Тимофей (11–4).

5–1. Матрена Ивановна (1708 – между 1773 и 1796), прож.: Лопаково, Смолево, муж: Филипп Козмич из деревни Смолево (1709–1773), сын Владимир (12–5).

Поколение 3

6–2. Симон Борисович (1736 – после 1773), прож.: Лопаково, Карпово, жена: Екатерина Никифорова (1737 – после 1773), сын Андрей (13–6).

7–2. Демид Борисович (1743 – после 1748), прож.: Лопаково.

8–2. Мирон Борисович (1746–1772), прож.: Лопаково, жена: Елена Селиверстовна из села Карпово (около 1750 – после 1773), дети неизвестны.

9–4. Тимофей Еремеевич (1738 – после 1796), прож.: Лопаково, жена: Агафья Ивановна (около 1735 – между 1773 и 1796), дети: Антон (14–9), Анна (15–9), Ирина (16–9).

10–4. Бубнова (неизв.) Акилина Еремеевна (около 1740 – между 1796 и 1816), прож.: Лопаково, Смолево, муж: Бубнов Еремей Никитович из деревни Смолево (1740 – между 1796 и 1816), дети: Ульянов (1775–1844), Анна (1781 – после 1834), Пелагея (1784 – после 1796).

11–4. Тимофей Еремеевич (1742 – после 1796), прож.: Лопаково, жена: Матрена Федоровна (1741 – после 1796), дети: Анисья (17–11), Тихон (18–11), Авдотья (19–11), Илья (20–11).

12–5. Владимир Филиппович (1745 – после 1748), прож.: Смолево.

Поколение 4

13–6. Андрей Симонович (1762 – после 1773), прож.: Лопаково, Карпово, семья неизв.

14–9. Ярочкин Антон Тимофеевич (1761 – после 1834), прож.: Лопаково, жена: Ярочкина (неизв.) Анна Федосеевна (1759 – после 1834), дети: Елена (21–14), Анна (22–14), Евдокия (23–14), Лукерья (25–14).

15–9. Анна Тимофеевна (1765 – после 1773), прож.: Лопаково, семья неизв.

16–9. Ирина Тимофеевна (1767 – после 1773), прож.: Лопаково.

17–11. Демина (неизв.) Анисья Тимофеевна (1756 – после 1796), прож.: Лопаково, Молоково, муж: Демин Иван Яковлевич из деревни Молоково (1755–1814), дети: Домна (1785 – после 1796), Кирилл (1785 – после 1858), Матвей (1789–1854), Акимья (1794 – после 1796).

18–11. Тихон Тимофеевич (1765 – после 1796), прож.: Лопаково, жена: Волкова (неизв.) Настасья Даниловна (1765 – после 1796), сын Тимофей (25–18).

19–11. Авдотья Тимофеевна (1768 – после 1773), прож.: Лопаково.

20–11. Волков Илья Тимофеевич (1769–1838), прож.: Лопаково, жена 1: Волкова (неизв.) Степанида Афанасьевна (1771 – после 1814), жена 2: Волкова (неизв.) Анна Петровна (1785 – после 1851), дети от первого брака: Ларион (26–20(1)), Борис (27–20(1)), Игнат (28–20(1)), дети от второго брака: Марфа (29–20(2)), Кузьма (30–20(2)), Аввакум (31–20(2)).

Поколение 5

21–14. Ярочкина Елена Антоновна (1783 – после 1796), прож.: Лопаково, семья неизв.

22–14. Бубнова (Ярочкина) Анна Антоновна (1785 – между 1834 и 1850), прож.: Лопаково, Смолево, муж: Бубнов Фома Васильевич из деревни Смолево (1786–1857), дети: Сидор (1815 – после 1883), Артемий (1820 – после 1883), Анисья (1828 – после 1834), Фаддей (1829 – после 1858).

23–14. Барченкова (Ярочкина) Евдокия Антоновна (1791 – после 1869), прож.: Лопаково, муж: Барченков Анисим Иванович из деревни Лопаково (1797 – после 1869), дети: Елена (1815 – после 1834), Семен (1818 – после 1869), Агафья (1819 – после 1834), Агафья (1819 – после 1869), Леонтий (1820 – после 1845), Василий (1826 – после 1869), Анна (1830 – после 1869), Лазарь (1833 – после 1869).

24–14. Ярочкина Лукерья Антоновна (1806 – после 1869), прож.: Лопаково, муж: Ярочкин Степан Ефимович (1810 – после 1869), дети: Калина (32–24), Лаврентий (33–24), Иван (34–24), Алексей (35–24), Степанида (36–24).

25–18. Тимофей Тихонович (1792 – после 1796), прож.: Лопаково.

26–20(1). Волков Ларион Ильич (1793 – после 1796), прож. Лопаково.

27–20(1). Волков Борис Ильич (1812 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Волкова (Соколова) Афимья Демидовна из деревни Смолево (1811 – после 1869), дети: Анна (37–27), Анисим (38–27), Николай (39–27), Екатерина (40–27), Авдотья (41–27).

28–20(1). Волков Игнат Ильич (1814 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Волкова (неизв.) Василиса Леонтьевна (1816 – после 1869), дети: Григорий (42–28), Ирина (43–28), Иван (44–28).

29–20(2). Потапова (Волкова) Марфа Ильинична (1822 – после 1851), прож.: Лопаково, муж: Потапов Тарас Нестерович из деревни Лопаково (1804 – после 1869) во втором браке, сын Семен (1851 – после 1887).

30–20(2). Волков Кузьма Ильич (1825 – после 1869), прож.: Лопаково, в рекрутах с 1849 года, жена: Волкова (неизв.) Прасковья Гавриловна (1839 – после 1869), дети: Степан (45–30), Пимен (46–30).

31–20(2). Волков Аввакум Ильич (1829 – после 1851), прож.: Лопаково, семья неизв.

Поколение 6

32–24. Ярочкин Калина Степанович (1832 – после 1872), прож.: Лопаково, жена: Ярочкина (неизв.) Авдотья Антоновна (1829 – после 1872), дети: Марья (47–32), Афанасий (48–32), Пелагея (49–32), Федор (50–32).

33–24. Ярочкин Лаврентий Степанович (1833 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Ярочкина (неизв.) Анна Федоровна (1837 – после 1869), дети: Пимен (51–33), Трифон (52–33), Семен (53–33), Елена (54–33), Прасковья (55–33).

34–24. Ярочкин Иван Степанович (1842 – после 1879), прож.: Лопаково, жена: Ярочкина (неизв.) Марья Васильевна (1839 – после 1869), дети: Зиновей (56–34), Федот (57–34), Марья (58–34), Ирина (59–34), Иван (60–34), Герасим (61–34).

35–24. Ярочкин Алексей Степанович (1844 – после 1851), прож.: Лопаково.

36–24. Ярочкина Степанида Степановна (1846 – после 1851), прож.: Лопаково.

37–27. Волкова Анна Борисовна (1835 – после 1851), прож.: Лопаково, семья неизв.

38–27. Волков Анисим Борисович (1837 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Волкова (неизв.) Александра Степановна (1837 – после 1917), дети: Мартьян (63–38), Ульяна (64–38), Василиса (65–38).

39–27. Волков Николай Борисович (1847 – после 1883), прож.: Лопаково, жена неизв., дети: Евстигней (65–39), Павел (66–39).

40–27. Шлыкова (Волкова) Екатерина Борисовна (1849 – после 1917), прож.: Лопаково, муж: Шлыков Петр Иудович из деревни Лопаково (1850 – после 1900), дети: Иван (1873 – после 1917), Василий (около 1900–1985).

41–27. Волкова Авдотья Борисовна (1856 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

42–28. Волков Григорий Игнатьевич (1845 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Волкова (неизв.) Анна Ермиловна (1844 – после 1869), дети: Тимофей (67–42), Ирина (68–42).

43–28. Соколова (Волкова) Ирина Игнатьевна (1849 – после 1869), прож.: Лопаково, Смолево, муж: Соколов Андрей Никифорович из деревни Смолево (1837 – после 1870), дети неизв.

44–28. Волков Иван Игнатьевич (1856 – после 1917), прож.: Лопаково, жена: Волкова (Ярочкина) Марья Калинична из деревни Лопаково (1855 – после 1917), дети: Григорий (69–44), Василий (70–44), Домна (71–44), Ефим (72–44).

45–30. Волков Степан Кузьмич (1850 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

46–30. Волков Пимен Кузьмич (1864 – после 1869), прож.: Лопаково.

Поколение 7

47–32. Волкова (Ярочкина) Марья Калинична (1853 – после 1917), прож.: Лопаково, муж Волков Иван Игнатьевич из деревни Лопаково (1856 – после 1917), дети: Григорий (1874 – после 1917), Василий (1882 – после 1917), Домна (1889 – после 1924), Ефим (1892–1962).

48–32. Ярочкин Афанасий Калинович (1855 – после 1917), прож.: Лопаково, жена: Ярочкина (Потапова) Матрена Семеновна из деревни Лопаково (1861 – после 1917), сын Николай (73–48).

49–32. Волкова (Ярочкина) Пелагея Калинична (1866 – после 1917), прож.: Лопаково, муж: Волков Ефим Егорович из деревни Смолево (1861 – после 1917), дети: Дарья (После 1877 – после 1900), Анна (1898–1954).

50–32. Ярочкин Федор Калинович (1872 – после 1917), прож.: Лопаково, жена: Ярочкина (неизв.) Анна Григорьевна (1877 – после 1917), дети неизв.

51–33. Ярочкин Пимен Лаврентьевич (1857 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

52–33. Ярочкин Трифон Лаврентьевич (1859 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

53–33. Ярочкин Семен Лаврентьевич (1861 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

54–33. Ярочкина Елена Лаврентьевна (1863 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

55–33. Ярочкина Прасковья Лаврентьевна (1866 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

56–34. Ярочкина Зиновья Ивановна (1860 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

57–34. Ярочкин Федот Иванович (1862 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

58–34. Ярочкина Марья Ивановна (1865 – после 1869), прож.: Лопаково.

59–34. Ярочкина Ирина Ивановна (1868 – после 1869), прож.: Лопаково.

60–34. Ярочкин Иван Иванович (1879 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

61–34. Ярочкин Герасим Иванович (1879 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

62–38. Волков Мартьян Анисимович (1859 – после 1896), прож.: Лопаково, жена неизв., дети: Анастасия (74–62), Акинья (75–62).

63–38. Волкова Ульяна Анисимовна (1862 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

64–38. Волкова Василиса Анисимовна (1868–?), прож.: Лопаково.

65–39. Волков Евстигней Николаевич (1877 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

66–39. Волков Павел Николаевич (1883 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

67–42. Волков Тимофей Григорьевич (1867 – после 1869), прож.: Лопаково.

68–42. Волкова Ирина Григорьевна (1869–?), прож.: Лопаково.

69–44. Волков Григорий Иванович (1874 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

70–44. Волков Василий Иванович (1882 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

71–44. Соколова (Волкова) Домна Ивановна (1889 – после 1924), прож.: Лопаково, Смолево, муж: Соколов Митрофан Иванович из деревни Смолево (1877–Около 1937), дети: Яков (1913 – между 1941 и 1945), Павел (1917 – между 1941 и 1945), Лука (1921 – между 1941 и 1945), Виктор (1924).

72–44. Волков Ефим Иванович (1892–1962), прож.: Лопаково, жена: Волкова (Землякова) Федора Никитична из деревни Молоково (1897–1977), дочь Александра (76–72).

Поколение 8

73–48. Ярочкин Николай Афанасьевич (1887 – после 1917), прож.: Лопаково, жена: Ярочкина (неизв.) Анна Ивановна (1887 – после 1917), сын Роман (14.07.1913 – после 2002).

74–62. Соколова (Волкова) Анастасия Мартьяновна (1890 – после 1921), прож.: Лопаково, Смолево, Москва, муж: Соколов Ефим Иванович из деревни Смолево (1890 – после 1921), дети: Федор (31.01.1914–02.1942), Клавдия (31.01.1914 – после 1938), Капитолина (1921–1998).

75–62. Волкова Аксинья Мартьяновна (1896 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

76–72. Демина (Волкова) Александра Ефимовна (1909–09.03.1960), прож.: Лопаково, Молоково, муж: Демин Исай Дмитриевич из деревни Молоково (1888–11.05.1960) во втором браке, сын Николай (24.02.1931–28.01.1988).

**Поколенная роспись от Викула
около 1650 года рождения из деревни Лопакowo
*Барченковы, Шлыковы из Лопакowo***

Поколение 1

1. Викул (около 1650 – после 1681), прож.: Лопакowo, жена неизв., дети: Василий (2–1), Евдоким (3–1).

Поколение 2

2–1. Василий Викулович (1666 – между 1748 и 1773), прож.: Лопакowo, жена: Акси́нья Арте́мьевна (1671–До 1773), дети: Марфа (4–2), Авдо́тья (5–2), На́стасья (6–2), Анти́п (7–2), Ива́н (8–2), Ни́кита (9–2), Влади́мир (10–2).

3–1. Евдоким Викулович (1681 – после 1716), прож.: Лопакowo, жена: Марфа Алекса́ндровна (1686 – после 1716), дочь Акули́на (11–3).

Поколение 3

4–2. Марфа Васи́льевна (1703 – после 1716), прож.: Лопакowo, семья неизв.

5–2. Авдо́тья Васи́льевна (1704 – после 1716), прож.: Лопакowo, семья неизв.

6–2. На́стасья Васи́льевна (1710 – после 1716), прож.: Лопакowo.

7–2. Анти́п Васи́льевич (1711 – после 1748), прож.: Лопакowo, жена неизв., сын Дми́трий (12–7).

8–2. Ива́н Васи́льевич (1712 – между 1773 и 1796), прож.: Лопакowo, жена неизв., дети: Авде́й (13–8), Фе́дор (14–8), Е́лена (15–8), Ива́н (16–8).

9–2. Ни́кита Васи́льевич (1715 – после 1716), прож.: Лопакowo.

10–2. Влади́мир Васи́льевич (1718 – после 1773), прож.: Лопакowo, жена: Авдо́тья Фо́минична (1723 – после 1773), дети: Авдо́тья (17–10), Фе́досья (18–10).

11–3. Акули́на Евдо́кимовна (1714 – после 1716), прож.: Лопакowo.

Поколение 4

12–7. Дмитрий Антипович (1745 – после 1748), прож.: Лопаково.

13–8. Авдей Иванович (1740 – после 1796), прож.: Лопаково, жена: Екатерина Родионовна (1750 – после 1796), дети: Марья (19–13), Иван (20–13), Марья (21–13), Лазарь (22–13).

14–8. Федор Иванович (1743 – после 1774), прож.: Лопаково, жена: Мария Трофимовна (1740 – после 1796), дети: Максим (23–14), Евдокия (25–14).

15–8. Елена Ивановна (1748 – после 1796), прож.: Лопаково, семья неизв.

16–8. Иван Иванович (1753 – после 1773), прож.: Лопаково, семья неизв.

17–10. Авдотья Владимировна (около 1750 – после 1773), прож.: Лопаково, Игнатьево, выдана в замужество «госпожи Церемонней Мейстерии Катерины Емельяновны Бехтеевой в село Игнатьево», семья неизв.

18–10. Федосья Владимировна (1757 – после 1796), прож.: Лопаково, в 1796 году указана как «вдова жена Антонова», семья неизв.

Поколение 5

19–13. Марья Авдеевна (1753 – после 1773), прож.: Лопаково, Карпово, муж: Анисим Герасимович из села Карпово (1755 – после 1773), дети неизвестны.

20–13. Барченков Иван Авдеевич (1764–1833), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Наталья Трифоновна из деревни Шевлягино (1767 – после 1804), дети: Родион (25–20), Анисим (26–20), Иван (27–20).

21–13. Марья Авдеевна (1767 – после 1773), прож.: Лопаково.

22–13. Лазарь Авдеевич (1770 – после 1810), прож.: Лопаково, жена: Ксения Евдокимовна (1769 – после 1810), дети: Иван (28–22), Евсей (29–22), Григорий (30–22), Егор (31–22).

23–14. Барченков Максим Федорович (1774–1825), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Мария Федоровна (1776 – после 1834), дети: Матрена (32–14), Иван (33–14), Иван (35–14), Данила (36–14), Иов (37–14), Иван (38–14).

24–14. Евдокия Федоровна (1778 – после 1796), прож.: Лопаково, семья неизв.

Поколение 6

25–20. Барченков Родион Иванович (1792 – после 1796), прож.: Лопаково.

26–20. Барченков Анисим Иванович (1797 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (Ярочкина) Евдокия Антоновна из деревни Лопаково (1791 – после 1851), дети: Елена (38–26), Семен (39–26), Агафья (40–26), Агафья (41–26), Леонтий (42–26), Василий (43–26), Анна (44–26), Лазарь (45–26).

27–20. Барченков Иван Иванович (1802–1839), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (Соколова) Авдотья Ивановна из деревни Смолево (1804 – после 1851), дети: Семен (46–27), Патрикей (47–27), Федосья (48–27), Матвей (49–27), Никифор (50–27).

28–22. Шлыков Иван Лазаревич (1796 – между 1851 и 1869), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (неизв.) Наталья Козминична (1797 – между 1851 и 1869), дети: Устин (51–28), Иуда (52–28), Екатерина (53–28).

29–22. Шлыков Евсей Лазаревич (1804 – после 1835), прож.: Лопаково, сослан на поселение в 1835 году, жена неизв., дети: Игнат (54–29), Григорий (55–29).

30–22. Григорий Лазаревич (1806 – после 1811), прож.: Лопаково.

31–22. Шлыков Егор Лазаревич (1810 – после 1851), прож.: Лопаково, жена неизв., дети: Артемий (56–31), Яков (57–31).

32–14. Барченкова Матрена Максимовна (1791 – после 1796), прож.: Лопаково.

33–14. Барченков Иван Максимович (1792–1825), прож.: Лопаково, семья неизв.

34–14. Барченков Иван Максимович (1799 – после 1851), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Настасья Петровна (1799 – после 1851), дети: Иван (58–34), Иван (59–34).

35–14. Барченков Данила Максимович (1803 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Варвара Григорьевна (1807 – после 1869), дети: Панфил (60–35), Михаил (61–35).

36–14. Барченков Иов Максимович (1808 – после 1851), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Аксинья Ивановна (1812 – после 1851), дети неизв.

37–14. Барченков Иван Максимович (1811–1831), прож.: Лопаково, семья неизв.

Поколение 7

38–26. Барченкова Елена Анисимовна (1815 – после 1834), прож.: Лопаково, семья неизв.

39–26. Барченков Семен Анисимович (1818 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Мавра Федотовна (1820 – после 1869), дети: Пелагея (62–39), Елена (63–39), Ирина (64–39).

40–26. Барченкова Агафья Анисимовна (1819 – после 1834), прож.: Лопаково, семья неизв.

41–26. Потапова (Барченкова) Агафья Анисимовна (1819 – после 1869), прож.: Лопаково, муж: Потапов Алексей Лукич (1823 – после 1869) из деревни Лопаково, дети: Марья (1843 – после 1851), Агафья (1846 – после 1851), Марфа (1847 – после 1917), Татьяна (1851 – после 1869), Авдотья (1854 – после 1869), Екатерина (1855 – после 1869), Прасковья (1858 – после 1869).

42–26. Барченков Леонтий Анисимович (1820 – после 1845), прож.: Лопаково, в 1845 году отдан в рекруты, семья неизв.

43–26. Барченков Василий Анисимович (1826 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Анна Мартыновна (1825 – после 1869), дети: Мавра (65–43), Екатерина (66–43).

44–26. Демина (Барченкова) Анна Анисимовна (1830 – после 1869), прож.: Лопаково, Молоково, муж: Демин Осип Анфиногенович из деревни Молоково (1825 – после 1883), дети неизвестны.

45–26. Барченков Лазарь Анисимович (1833 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (Корсунова) Авдотья Ерофеевна из деревни Лопаково (1829 – после 1869), дети: Елена (67–45), Александра (68–45), Лаврентий (69–45), Марья (70–45), Степанида (71–45).

46–27. Барченков Семен Иванович (1822–1847), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (Демина) Васса Кирилловна из деревни Молоково (1818 – после 1850), дочь Прасковья (72–46).

47–27. Барченков Патрикей Иванович (1826 – после 1850), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Татьяна Евстафьева (1828 – после 1851), дети неизвестны.

48–27. Шурова (Барченкова) Федосья Ивановна (1831 – после 1900), прож.: Лопаково, Костино, муж: Шуров Петр Федотович (1826 – между 1878 и 1883) из деревни Костино, дети: Александра (1855 – после 1869), Дмитрий (1862 – после 1900), Сергей (1866 – после 1869), Федор (1878 – после 1900).

49–27. Барченков Матвей Иванович (1833 – после 1850), прож.: Лопаково, семья неизв.

50–27. Барченков Никифор Иванович (1836 – после 1850), прож.: Лопаково, семья неизв.

51–28. Шлыков Устин Иванович (1821 – после 1851), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (неизв.) Екатерина Алексеевна (1821 – после 1851), дети неизвестны.

52–28. Шлыков Иуда Иванович (1827–1868), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (Новикова) Ненила Васильевна из деревни Антоново (1832 – после 1869), дети: Петр (73–52), Григорий (74–52), Аксинья (75–52), Марья (76–52).

53–28. Шлыкова Екатерина Ивановна (1831 – после 1851), прож.: Лопаково, семья неизв.

54–29. Шлыков Игнат Евсеевич (1826 – после 1869), прож.: Лопаково, жена 1: Шлыкова (неизв.) Ирина Антоновна (1826 – между 1848 и 1851), жена 2: Шлыкова (неизв.) Дарья Епифановна (1827 – после 1869), от первого брака дочь Пелагея (77–54(1)), дети от второго брака: Лукерья (78–54(2)), Дарья (79–54(2)), Николай (80–54(2)).

55–29. Шлыков Григорий Евсеевич (1832 – после 1851), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (неизв.) Татьяна Алексеевна (1831 – после 1851), дочь Елена (81–54).

56–31. Шлыков Артемий Егорович (1838 – после 1851), прож.: Лопаково, семья неизв.

57–31. Шлыков Яков Егорович (1844 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (неизв.) Марья Филипповна (1840 – после 1869), дочь Акулина (82–57).

58–34. Барченков Иван Иванович (1826 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Елена Алексеевна (1833 – после 1869), дети: Аксентий (83–58), Илья (84–58).

59–34. Барченков Иван Иванович (1840 – после 1869), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Марья Игнатьевна (1844 – после 1869), сын Иван (85–59).

60–35. Барченков Панфил Данилович (1825 – после 1851), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Марья Ерофеевна (1826 – после 1869), дети: Ефим (86–60), Пелагея (87–60), Ирина (88–60).

61–35. Барченков Михаил Данилович (1838 – после 1851), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Авдотья Калинична (1834 – после 1869), сын Петр (89–61).

Поколение 8

62–39. Барченкова Пелагея Семеновна (1845 – после 1850), прож.: Лопаково.

63–39. Барченкова Елена Семеновна (1849 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

64–39. Барченкова Ирина Семеновна (1854 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

65–43. Барченкова Мавра Васильевна (1852 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

66–43. Барченкова Екатерина Васильевна (1860 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

67–45. Потапова (Барченкова) Елена Лазаревна (1852 – после 1917), прож.: Лопаково, муж: Потапов Семен Тарасович (1851 – после 1887) из деревни Лопаково, сын Василий (1887 – после 1928).

68–45. Барченкова Александра Лазаревна (1858 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

69–45. Барченков Лаврентий Лазаревич (1862 – после 1917), прож.: Лопаково, жена неизв., дети: Василий (90–69), Евдокия (91–69).

70–45. Барченкова Марья Лазаревна (1865 – после 1869), прож.: Лопаково.

71–45. Барченкова Степанида Лазаревна (1869–?), прож.: Лопаково.

72–46. Демина (Барченкова) Прасковья Семеновна (1846 – после 1869), прож.: Лопаково, Молоково, муж: Демин Федул Кондратьевич (1841 – после 1883) из деревни Молоково, дети: Кузьма (1864 – после 1869), Ефросинья (1866 – после 1869).

73–52. Шлыков Петр Иудович (1850 – после 1900), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (Волкова) Екатерина Борисовна из деревни Лопаково (1849 – после 1917), дети: Иван (92–73), Василий (93–73).

74–52. Шлыков Григорий Иудович (1853 – после 1882), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (неизв.) Анна Ивановна (1857 – после 1917), дети: Парфен (94–74), Федул (95–74).

75–52. Шлыкова Аксинья Иудовна (1855 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

76–52. Шлыкова Марья Иудовна (1869–?), прож.: Лопаково.

77–54(1). Шлыкова Пелагея Игнатъевна (1848 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

78–54(1). Шлыкова Лукерья Игнатъевна (1851–?), прож.: Лопаково.

79–54(2). Шлыкова Дарья Игнатъевна (1857 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

80–54(2). Шлыков Николай Игнатъевич (1858 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

81–54. Шлыкова Елена Григорьевна (1851–?), прож.: Лопаково.

82–57. Шлыкова Акулина Яковлевна (1864 – после 1869), прож.: Лопаково.

83–58. Барченков Аксентий Иванович (1856 – после 1891), прож.: Лопаково, жена неизв., дети: Александр (96–83), Дмитрий (97–83).

84–58. Барченков Илья Иванович (1858 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

85–59. Барченков Иван Иванович (1868 – после 1917), прож.: Лопаково, жена неизв., сын Мартьян (98–85), Давид (1904–28.06.1944).

86–60. Барченков Ефим Панфилович (1851 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

87–60. Барченкова Пелагея Панфиловна (1855 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

88–60. Барченкова Ирина Панфиловна (1860 – после 1869), прож.: Лопаково, семья неизв.

89–61. Барченков Петр Михайлович (1860 – после 1869), прож.: Лопаково.

Поколение 9

90–69. Барченков Василий Лаврентьевич (1891–1984), прож.: Лопаково, жена: Барченкова (неизв.) Феодосия Ефимовна (1896–1983), сын Владимир.

91–69. Барченкова Евдокия Лаврентьевна (1895 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

92–73. Шлыков Иван Петрович (1873 – после 1917), прож.: Лопаково, был управляющим на фабрике в Минино, жена: Шлыкова (Кабанова) Анна Михайловна из деревни Чулково (1877 – после 1917), дети: Иван (99–92), Елизавета (100–92), Александра (умерла в 1981).

93–73. Шлыков Василий Петрович (около 1900–1985), прож.: Лопаково, Москва, жена: Шлыкова (Соколова) Агафья Ивановна из деревни Смолево (около 1896–1992), дети: Александр (101–92), Людмила (102–92).

94–74. Шлыков Парфен Григорьевич (1879 – после 1917), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (Плешкова) Ирина Алексеевна из деревни Костино (1881 – после 1917), дети неизвестны.

95–74. Шлыков Федул Григорьевич (1882 – после 1917), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (неизв.) Анна Леонтьевна (1885 – после 1917), сын Сергей (103–95).

96–83. Барченков Александр Аксентьевич (1882 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

97–83. Барченков Дмитрий Аксентьевич (1891 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

98–85. Барченков Мартьян Иванович (1892 – после 1926), прож.: Лопаково, жена неизв., сын Евгений (104–98).

Поколение 10

99–92. Шлыков Иван Иванович (1895 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

100–92. Шлыкова Елизавета Ивановна (1896 – после 1917), прож.: Лопаково, семья неизв.

101–92. Шлыков Александр Васильевич (1913 – после 1960), прож.: Москва, семья неизв.

102–92. Шлыкова Людмила Васильевна (1928), прож.: Москва, семья неизв.

103–95. Шлыков Сергей Федулович (1916–1951), прож.: Лопаково, жена: Шлыкова (Потапова) Прасковья Васильевна из деревни Лопаково (1913 – после 1939), дети: Нина, Анатолий, Елена, Лидия.

104–98. Барченков Евгений Мартьянович (21.12.1926–28.02.1997), прож.: Лопаково, семья неизв.

Перечень использованных архивных источников

ЦИАМ. Ф. 2336. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–4 об. Список избирателей по выборам в уездное Земство селения Лопаково Карповской волости Богородского уезда Московской губернии (1917 год).

ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 1724. Ведомость о селениях Карповской волости (1869–1871). Л. 30–40 об. Д. Лопаково.

ЦИАМ. Ф. 51 Оп. 8 Д. 398. Ревизские сказки 1850 года. Сентября 24 дня Московской губернии Богородского уезда Удельного ведомства Карповского приказа села Карпово с деревнями Антоновой, Шевлягиной, Вороновой, Мещерой, Ариново, Сидоровой, Молоковой, Лопаковой, Мининой, Смолевой, Яковлевской, Костиной, Горы, Давыдовой, Ляховой, состоящих мужского и женского пола удельных крестьян. Л. 197 об. – 221 об. Д. Молоково. Л. 221 об. – 241. Д. Лопаково (1851 г.). Л. 286 – 304. Д. Смолевой. Л. 350. Д. Костино. Л. 398 об. – 420. Д. Гора.

ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 179. Ревизские сказки 1834 года Московской губернии Богородского уезда удельных крестьян. Л. 192 об. – 203. Д. Лопаково.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 797. Д. 696. Исповедная ведомость церквей Богородского, Бронницкого, Московского уездов 1796 года сентября 15 дня. Роспись Бронницкой округи бывшей Вохонской десятины Селинской волости церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Карпова. Л. 448 об. – 500. Все крестьяне деревни Лопаково бывшие на исповеди. Л. 500–509 об. Записные раскольники деревни Лапакова.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1872. «Зараженные скаски» 1773 года. Дворцовая Селенская волость. Л. 496 об. – 501 об. Д. Лопокова.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1842. Л. 188–192 об. Вторая ревизия 1748 года. Л. 185–187 об. Д. Лопаково.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1816. Первая ревизия 1719 года. Селенская волость. Л. 953–953 об. Д. Лопаково. .

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 258. Перепись 1716 года. Л. 496–497 об. Д. Лопаково.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, Д. 9809. Ч. 2. Л. 72. Переписные книги 1646 года. Село Карпово с деревнями Моклоково Молоково тож, Лопаково, Исаково Смолево тож.

Андрей Леонидович Ершов
*кандидат исторических наук,
ФБУ Владимирская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ
эксперт-лингвист, г. Владимир*

О СУДЬБЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ХРАМА ИЗ Д. РОГОВО СУДОГОДСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В д. Рогово Подольской волости Владимирского уезда Владимирской губернии¹ с дореволюционных времен существовала старообрядческая община белокрыницкого священства². В 1895 г. в деревне был построен молитвенный дом, деревянный, одноэтажный³. Храм обслуживал д. Рогово, Старково, Головино, Климовскую и, возможно, некоторые другие.

Согласно статистическим сведениям за 1934 г., высланным Владимирским райисполкомом в Ивановский облисполком, старообрядческая церковь в д. Рогово действовала, при церкви была сторожка⁴. По данным на 19 апреля 1936 г., церковь функционирует, в ней служит 1 священник, вес колоколов (или колокола) — 18 кг, но других зданий при церкви уже нет⁵. Что стало со сторожкой (изъята, сгорела или что-либо другое), не указывается.

Последним священником в Рогове был Александр Николаевич Григорьев, родившийся в 1881 г. в с. Монастырское ныне Саратовской области. Он был арестован 9 ноября 1937 г. и приговорен к 5 годам лишения свободы⁶. По данным на 19 февраля 1939 г., церковь «временно не действует», колокола сняты⁷.

¹ До 1929 г. деревня входила в состав Владимирского уезда Владимирской губернии, с 1929 по 1944 г. — во Владимирский район Ивановской промышленной области, в настоящее время входит в Судогодский район Владимирской области.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 194. Л. 9.

³ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 237. Л. 24.

⁴ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16; Д. 94. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 16. Л. 25.

⁶ Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области: В 2 т. / Сост. А. Семенов, Е. Селиверстов. Владимир, 2001; За Христа пострадавшие в земле Владимирской: Синодик и биографический справочник. Александров, 2000. С. 34.

⁷ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

Известно, как закрывали церковь. Закрытие происходило в конце 1939 – начале 1940 г.

На пленуме Головинского сельсовета 27 декабря 1939 г. был заслушан доклад врача Головинской амбулатории В.Я. Гавриловой о медицинском обслуживании населения Головинской амбулаторией. По итогам доклада было решено амбулаторию переделать в больницу, а для амбулатории выстроить новое здание, точнее переместить в Головино «дом Госфонда, находящийся в д. Рогово Головинского сельсовета, ранее используемый как молитвенный дом общиной верующих старообрядцев». Тут же отмечалось, что дом как молитвенное здание общиной не используется, находится в бесхозном состоянии, община не существует с 1935 г. Перемещение здания и последующее оборудование его планировалось провести за счет самообложения населения, также сельсовет надеялся, что Райздравотдел согласится предусмотреть в смете 1940 г. соответствующие ассигнования по внелимитным затратам⁸. 5 января 1940 г. Владимирский райисполком поддержал ходатайство, согласившись с приведенными аргументами, и расторг договор с верующими; 31 января того же года Ивановский облисполком утвердил закрытие молитвенного дома на основании вышеуказанных оснований⁹.

20 апреля 1940 г. секретарь Головинского сельсовета, не предъявляя ордера, забрал у сторожихи ключи от храма. Примерно в это же время председатель сельсовета заставил верующих Лосева и Коричева, вероятно, являвшихся членами церковного совета, подписать заявление об отказе от храма. Верующими по обоим инцидентам тут же были написаны жалобы в облисполком, председателю СНК СССР В.М. Молотову и в Президиум Верховного Совета РСФСР; в мае в Президиум Верховного Совета РСФСР была направлена вторичная жалоба; в августе была еще 1 жалоба¹⁰. Секретариат председателя СНК потребовал объяснений у облисполкома, а тот – у райисполкома. Последний в июле 1940 г. признал, что со стороны заместителя председателя сельсовета были допущены

⁸ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Л. 6, 4, 15, 10, 11.

нарушения; сообщил, что здание уже перевезено в Головино; а также указал, что молитвенное здание не функционировало более 2 лет (т.е. получается, с конца 1937 – начала 1938 г., а не с 1935 г., как указывалось ранее) и использовалось «лишь для проведения соборщ без служителя культа»¹¹. Т.е. старообрядцы, как и в былые века, оставшись без священника, быстро сделались беспоповцами.

Следует отметить, что здание было только перевезено и вновь собрано, но не было полностью оборудовано и пущено в эксплуатацию. В связи с началом войны все работы были законсервированы по причине отсутствия средств¹².

Так храм был закрыт. Каких-либо данных о ходатайствах верующих от 1941–1942 гг. нет. При этом первые данные о попытках верующих вернуть храм относятся к февралю 1943 г., т.е. до начала официального сближения Церкви и государства, традиционно датированного сентябрем 1943 г. Едва ли это обусловлено какими-то тонкостями во взаимоотношениях Церкви и государства в тот период, вероятно, верующих просто не устраивало, что изъятое у них здание пустует. Также возможно, что в это время вернулся священник, у которого истек 5-летний срок лишения свободы. Так, 9 февраля Президиум Верховного Совета РСФСР пересылает в Ивановский облисполком, а тот – во Владимирский райисполком ходатайство верующих, написанное А.Г. Лосевым, об открытии храма, ранее находившегося в д. Рогово. На это райисполком 3 марта отрапортовал: «В связи с тем, что церковь, находившаяся в д. Рогово Головинского сельсовета, по решению общих собраний граждан названного сельсовета [никаких данных об этом нет. – А.Е.], решений райсовета и облсовета закрыта в 1940 г. и здание передано Райздраву и перевезено в п. Головино для использования под больницу, строительство которой в основном произведено, но законсервировано ввиду отсутствия средств, а поэтому и не пущено в эксплуатацию [написание в соответствии с нормами орфографии тех лет. – А.Е.], ходатайство общины верующих <...> об открытии церкви в п. Головино отклонить»¹³.

¹¹ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 94. Л. 5, 14, 13, 9, 11, 12, 8.

¹² ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 237. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 19, 20, 17.

В дальнейшем от Лосева поступило не менее 9 ходатайств, судьба которых была такой же¹⁴. Для понимания причин происходящего следует учитывать следующее. Когда в предшествующие годы какой-либо сельсовет решал закрыть свою церковь, но делал это не в соответствии с законами, ему сверху тут же спускали список оснований для закрытия (наличие у общины другого храма, отсутствие священника, либо церковного совета, либо минимального числа верующих (20 человек), наличие задолженности, аварийность здания, согласия большинства местных жителей на закрытие, острая нужда в помещениях и т.д.). Также существовал список оснований для отклонения ходатайств об открытии храмов. Таковой в отношении Роговского храма был выслан облисполкомом в райисполком 16 июня 1944 г. Основания были следующими: «а) действительно ли заявители были уполномочены группой верующих или они действовали по личной инициативе; б) в каком состоянии находится здание церкви, об открытии которой просят верующие, и как это здание используется в настоящее время; в) когда и по решению каких советских органов данная церковь была закрыта; г) количество функционирующих церквей в районе и расстояние до ближайшей церкви от данного населенного пункта»¹⁵. Пользуясь данной подсказкой, райисполком сообщал, что пишет заявления 1 человек (Лосев не догадался провести сбор подписей у населения об открытии; естественно, ему это и не объясняли); что церковь уже перевезена и переоборудована, что вернуть ее нет никакой возможности. Правда, райисполком честно сообщал, что других старообрядческих храмов в районе нет¹⁶. На неожиданный аргумент А.Г. Лосева, что церковь построена «мозолистыми руками» верующих, Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР проконсультировал Ивановский облисполком, что «здание церкви с момента издания декрета СНК от 23/1. — 18 г. составляет собственность государства, а не церковной общины, поэтому <...> представление об этом молитвенном здании как собственности верующих неправильно»¹⁷. В остальном же аргументы Лосева были воздействующими скорее на чувства: верующим

¹⁴ Там же. Л. 6, 7, 10, 11, 16, 22, 24, 26, 27.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 12.

нужен храм, верующие хотят молиться о победе над врагом и об упокое погибших родных, пишет отец красноармейца, до революции старообрядцы были гонимы, сейчас все верующие равны, другие храмы открываются. На довод, что здание не используется, власти отвечали, что здание церкви, будучи перевезенным и заново построенным, никак не может считаться тем же храмом. Более того, Лосев просит не только вернуть храм, но и предоставить богослужебные предметы; в то время как обычно верующие в таких случаях наоборот указывали, что у них есть все необходимое. Непонятно, был ли у них священник; лишь в одном из писем указывается: «Владимирский райисполком не разрешает молиться, требуют, чтобы был молитвенный дом, и тогда будут делать регистрацию нашему старообрядческому священнику». Т.е. верующие, действительно, выглядели очень невыигрышно: закрытие храма было проведено в полном соответствии с законом, храма, пригодного для богослужения, у верующих нет, сведений о количестве верующих нет, сведений о наличии священника тоже нет. Последний раз Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви СНК СССР по Ивановской области ответил Лосеву отказом 5 августа 1944 г.

Сведений о дальнейшей судьбе храма нет. Но символично, что спустя полвека именно в Головино построили храм (правда, не старообрядческий). Т.е. привезенный храм стал как бы зерном для последующего возрождения веры в поселке.

О ЗАКРЫТИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО МОЛИТВЕННОГО ДОМА В Д. СОКОЛОВО СУДОГОДСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1938 Г.

Старообрядчество в д. Соколово Погребищенской волости Владимирского уезда Владимирской губернии¹ появилось в 1812 г. и было принесено старообрядцами «Московского Преображенского кладбища, прибывшими сюда вследствие нашествия на Москву французов». По данным на конец XIX века, «раскольников безпоповцев в д. Соколове 99 душ м[ужского] пола и 115 душ ж[енского] пола»².

21 августа 1923 г. была зарегистрирована община старообрядцев-беспоповцев. Исполнителем духовных треб был Стефан Никитич Фунин, бедняк, без лошади и скота. Молельный дом был построен частным лицом на своей усадьбе в 1912 г. (здание каменное) и отдан в пользование общине бесплатно и без ограничения времени. Во время изъятия церковных ценностей для голодающих Поволжья у общины ничего изъято не было. Община находилась в подчинении Преображенского кладбища в Москве, состояла из верующих одной деревни Соколово (так было заявлено при ее регистрации)³. По другим данным, правда, за 1934 г., община состояла отнюдь не только из верующих одной деревни Соколово. Так, 25 июня 1934 г. Владимирский райисполком, высылая в Ивановский облисполком информацию о закрываемой церкви в с. Кусунове (не старообрядческой), писал, что ближайшие действующие храмы расположены в с. Добром и Красном, до которых 4 и 5 км и в с. Лунево (7 км), «кроме того, большинство населения, входящего в район деятельности Кусуновской церкви, принадлежит к старообрядчеству

¹ До 1929 г. деревня входила в состав Владимирского уезда Владимирской губернии, с 1929 по 1944 г. – во Владимирский район Ивановской промышленной области, в настоящее время входит в Судогодский район Владимирской области.

² Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1893. Вып. 1: Владимир и Влади-мирский уезд. С. 276.

³ ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 407. Л. 1–8; ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 16. Л. 55.

и удовлетворяет свои культовые потребности в старообрядческой церкви в д. Соколово», до которой 12 км⁴.

По данным на 19 апреля 1936 г., церковь функционирует, в ней служит 1 священник, колоколов нет, других зданий при церкви нет⁵.

4 сентября 1937 г. С.Н. Фунин был арестован и приговорен к расстрелу⁶.

7 марта 1938 г. состоялось общее собрание колхозников д. Соколово, на котором председатель М.М. Суслов сообщил о необходимости уплатить страховку за церковь. Собравшиеся постановили: за неимением верующих и культслужителей, страховку платить некому, общее собрание оплачивать отказалось и просит райисполком передать церковь колхозу. В тот же день Владимирский райисполком, заслушав решение общего собрания членов Соколовского колхоза Злобинского сельсовета с ходатайством о передаче церкви в ведение колхоза под складские помещения, постановил: в виду того, что оплату страховки за здание церкви и других налогов оплачивать некому и ...община верующих распалась, церковь в связи с бесхозяйственностью приходит в упадок и разрушается, в то же время в колхозе нет помещения под общественно-полезные цели, просить президиум облисполкома о даче санкции на расторжение договора с общиной и передаче помещения церкви Соколовскому колхозу⁷.

7 апреля Комиссия по культам при облисполкоме вернула в райисполком материал на доработку, попросив указать, с какого времени бездействует церковь, какое количество селений данной церковью обслуживалось и как предполагается использовать церковь после ее закрытия. Райисполком уже 20 апреля ответил, что церковь бездействует с 25 октября 1937 г., обслуживала половину селения Соколово, т.к. последняя была старообрядческой; здание

⁴ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 293. Л. 5.

⁵ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

⁶ Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области: В 2 т. / Сост. А. Семенов, Е. Селиверстов. Владимир, 2001; За Христа пострадавшие в земле Владимирской: Синодик и биографический справочник. Александров, 2000. С. 70.

⁷ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 866. Л. 8, 7.

церкви предполагается использовать под правление колхоза и красный уголок⁸.

Нельзя не обратить внимание на любопытную особенность: когда в 1934 г. требовалось закрыть не старообрядческий храм в Кусунове, райисполком утверждал, что «большинство населения, входящего в район деятельности Кусуновской церкви, принадлежит к старообрядчеству и удовлетворяет свои культовые потребности в старообрядческой церкви в д. Соколово»; когда в 1938 г. потребовалось закрыть старообрядческую церковь в Соколове, райисполком стал утверждать, церковь обслуживает только половину селения Соколово, т.е. старообрядцев из других селений она якобы не обслуживает.

Владимирский райфинотдел долго не отвечал (облисполкому даже пришлось дважды, 20 апреля и 17 мая, напоминать о своем вопросе), наконец, сообщил, что задолженности за религиозной общиной не числятся, т.к. ввиду ее закрытия на 1938 г. платежи не начислялись. 26 мая уже райисполком просил у облисполкома ускорить рассмотрение дела. 20 июля 1938 г. Ивановский облисполком вынес постановление о ликвидации храма⁹.

По данным на 19 февраля 1939 г., церковь ничем не занята¹⁰. По данным на 1961 г., здание использовалось под склад; по данным на 1973 г., здания уже не было¹¹.

⁸ Там же. Л. 9, 6.

⁹ Там же. Л. 1–5.

¹⁰ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 330. Л. 71; ГАРФ. Ф. Р-632. Оп. 8. Д. 6. Л. 5.

О ЗАКРЫТИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ХРАМА В Д. ТЕРЕХОВИЦЫ МУРОМСКОГО РАЙОНА

К началу 1930-х гг. в Муромском районе официально действовало 3 старообрядческих молельных дома: в Муроме, д. Федорково (в 1932 г. во время коллективизации переделан под детские ясли) и в д. Тереховицы¹ Саксинского сельсовета. Последнюю в 1931 г. закрывали, именно как закрытая она проходила по данным Нижегородского крайисполкома, предоставленным им для Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в 1931 г. (была закрыта под клуб по ходатайству населения – отношение крайисполкома от 18 апреля 1931 г.)². Видимо, на тот раз молельный дом не удалось закрыть – в первой половине 1930-х гг. он функционировал.

В конце 1920-х годов старообрядческая община состояла из 28 хозяйств и была представлена торговцами и землевладельцами (размеры наделов 25–50 десятин). Уже к 1934 г. богослужения посещали 8–9 человек³. Едва ли резкое уменьшение прихожан было вызвано успехами на религиозном фронте; вероятно, что многие из них, как кулаки, были репрессированы и высланы. В 1935 г. осталось 6–7 прихожан. С того же года дом перестал использоваться для богослужений, т.к. пришел в аварийное состояние: печи дымят, пол проваливается, местные «активисты» выбили окна – зданию требовался дорогостоящий ремонт. У верующих же отсутствовала даже возможность купить дрова для храма, т.к. все они были пенсионного возраста и жили за счет состоявших в колхозе членов семей (своих трудодней не имели по возрасту). А родственники отнюдь не считали нужным выделять старикам средства на подобные цели; как писал 15 октября 1936 г. Муромский райисполком в Горьковский крайисполком, «молодежь над ними просто иронизирует». Правда, все налоги

¹ До 1929 г. деревня входила в состав Муромского уезда Владимирской губернии, с 1929 по 1944 г. – в Муромский район Нижегородского края (позднее Горьковской области), с 1944 г. – в Муромский район Владимирской области.

² ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 527. Л. 3; Д. 454. Л. 4.

³ Там же. Д. 527. Л. 3.

верующие продолжали уплывать. Главой общины, начетчиком был Ф.Ф. Селихов, до него – Киселев⁴.

В 1936 г. местные власти пошли в решительную атаку на верующих. 20 марта на заседании колхоза «Безбожник» собравшиеся вынесли решение о закрытии молельного дома. 144 человека проголосовали за и по 3 человека против и воздержались. Храм планировалось использовать под детплощадку. 13 апреля постановление утвердил Саксинский сельсовет, 15 апреля – Муромский райисполком⁵. 8 мая была подготовлена смета. Предполагалось разобрать иконостас, переделать печи, сделать несколько перегородок, одно окно, уборную, снести старую уборную около здания, провести покрасочные работы, всего на сумму 1850 рублей⁶. Сооружение уборной в здании храма имело ярко выраженные антирелигиозные цели – для верующих наличие ее в храме было кощунственным. 8 июня 1936 г. Горьковский крайисполком утвердил ликвидацию молитвенного здания⁷. Именно постановление крайисполкома считалось законным, постановления же колхоза, сельсовета и райисполкома с точки зрения законодательства тех лет являлись лишь ходатайствами перед крайисполкомом.

Верующие имели право опротестовать постановление о ликвидации храма, что они 22 июня и сделали. В жалобе прихожане писали, что другого здания поблизости нет, все налоги уплачены, весь инвентарь – старинные громоздкие вещи, установленные капитально, а значит, при перевозке испортятся; также ссылаются на Сталинскую конституцию⁸. Под ходатайством собирались подписи, всего их набралось 9. В случае обжалования постановления окончательное решение о судьбе храма выносил ВЦИК.

21 августа Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК возвращает крайисполкому дело на доработку; высланных дополнительных материалов также оказалось недостаточно, 20 октября Комиссия снова возвращает дело на доработку⁹. 15 октября Муромский

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 5, 8.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 4, 28.

райисполком высылает в крайисполком доклад по делу. В нем обстоятельно описывалось положение общины, ее фактический распад, аварийное состояние здания, в т.ч., что печи опасны в противопожарном отношении. Указывалось, что зданию требуется ремонт на 3–4 тысячи рублей (как говорилось выше, все переоборудование под детплощадку обошлось бы в 1859 рублей). Также акцентировалось внимание на то, что из 9 подписей одна принадлежит старушке из д. Александрово, от которой 2 км до Муром и 14 до Тереховиц, а 3 подписи собраны в д. Пестенькино, от которой как до Тереховиц, так и до Мурома по 7 км¹⁰.

8 декабря 1936 г. крайисполком высылает все материалы о закрытии храма во ВЦИК. 14 декабря Комиссия по вопросам культов составляет заключение, гласящее, что церковь изымается из пользования верующих, т.к. пустует, находится в бесхозном состоянии и не ремонтируется, переделана будет в детплощадку, средства на переоборудование имеются, ближайшая церковь в 12 км, 144 человека за закрытие и по 3 человека против и воздержались. 20 марта 1937 г. Президиум ВЦИК утвердил постановление Горьковского крайисполкома от 8 июня 1936 г. о ликвидации храма с целью использовать его под культурные цели¹¹.

Так был закрыт старообрядческий молельный дом в д. Тереховицы. Возможно, это был один из немногих примеров, когда община сама практически исчезла, и несмотря на то, что верующие пытались отстоять свой храм, объективно общины уже не было и заботиться о здании также было некому.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 2, 5, 1.

О ЗАКРЫТИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ХРАМА В Д. КОНЯЕВО

В 1908–1910 г. на территории завода в д. Коняево Подольской волости Владимирского уезда Владимирской губернии¹ ее владельцы старообрядцы Ковалевы построили старообрядческую церковь. Содержание ее (ремонт, отопление, освещение, поддержание чистоты, содержание причта) они взяли на себя. Для удобства охраны церкви была огорожена общим забором с заводом. При страховании церкви от пожара здание было вписано в опись фабричного имущества. После революции фабрика была национализирована (стала называться Серповой фабрикой № 1), и спустя какое-то время верующим дали понять, что церковь, состоящей в описи фабрики, т.е. являющейся частью ее имущества, губернский совнархоз может распоряжаться по своему усмотрению². При этом закрыта она не была.

Недостаточно понятна судьба Ковалевых в первые послереволюционные годы. Так, письмо верующих во Владимирский губсовнархоз от 8 октября 1923 г. гласит: «Теперь Ковалевы уже года 3 сложили с себя заботы и расходы по содержанию церкви, т.к. у Ковалевых на то средств не стало и нет»³. Письмо же Завода строительных материалов во Владимирский райисполком от 7 октября 1932 г. гласит, что на момент 1923–1924 гг. Ковалев был директором фабрики⁴. Последний факт, вероятно, можно объяснить условиями нэпа, когда часть предприятий перешла в частную собственность. Исходя из этого, можно предположить, что в первой половине 1921 г. (с началом нэпа; не в 1920 г.) Ковалев, став директором фабрики, выступил с заявлением об отказе содержать церковь.

8 октября 1923 г. верующие д. Коняево Улыбышевской волости Владимирского уезда пишут во Владимирский губсовнархоз письмо, где указывают, что их не устраивает сложившаяся ситуация, при

¹ До 1929 г. деревня входила в состав Владимирского уезда Владимирской губернии, с 1929 по 1944 г. – во Владимирский район Ивановской промышленной области, в настоящее время входит в Судогодский район Владимирской области.

² ГАВО. Ф. Р–24. Оп. 1. Д. 587. Л. 14.

³ Там же. Л. 14.

⁴ ГАИО. Ф. Р–2953. Оп. 3. Д. 145. Л. 5.

которой церковью, состоящей в описи фабрики, т.е. являющейся частью ее имущества, губсовнархоз может распоряжаться по своему усмотрению. Поэтому они просят его, «чтобы он выгородил церковь с землей д. Коняево при ней из фабричной усадьбы и выделил церковь из фабричного имущества», чтобы верующие «на основании общих узаконений, организовав из себя по закону религиозное общество, могли в общем законном порядке получить эту церковь в пользование, как культовое имущество». В качестве аргументов они указывают, что «землю для церкви граждане д. Коняево дали по общественному на то приговору, и земля эта остается по существу за крестьянами д. Коняево», что в последние годы «содержание церкви легло ...на прихожан», а также, что «отстроена была ...церковь на добровольные пожертвования <...> старообрядцев д. Коняево и др.»⁵. Губсовнархоз перенаправил копию этого письма в Отдел управления Владимирского губисполкома «с предложением принять церковь в свое ведение на предмет представления в установленном законом порядке в пользование группы старообрядцев для целей культа с тем, чтобы эта группа одновременно с принятием церкви сама своими средствами отгородилась от фабричного участка». Губисполком спустил это ходатайство в Управление Владимирской уездно-городской милиции (милиции по ее запросу губсовнархоз также сообщил свою позицию по данному вопросу)⁶.

Тем временем 14 октября верующие с. Буланово, д. Коняево, Федурново, Подольново, Ремни, Запрудье, Б. и М. Вышманово, Конюшино, Занино и др. проводят собрание, на котором создают старообрядческую общину «австрийского согласия» и составляют список верующих из 188 человек. Священником был Ковалев Ермолай Иванович, 64 лет, из крестьян, имеющий дом со двором, сарай, усадьбу и полевой надел при д. Коняево⁷. 27 декабря 1923 г. церковный староста сообщает старшему милиционеру Улыбышевского волисполкома в ответ на его запрос от 26 декабря, что церковь при Серповой фабрике № 1 принята группой старообрядцев от Улыбышевского волис-

⁵ ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 587. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 241. Л. 1-23.

полкома по договору аренды⁸. 2 февраля 1924 г. Губернский административный отдел пересылает в президиум губисполкома всю переписку по данному делу и свое решение: «Для изолирования от рабочих фабрики церкви и церковного имущества ходатайство гр-н старообрядцев удовлетворить с обязательством этой группы своими средствами отгородиться от фабричного участка». 14 февраля президиум губисполкома утвердил данное решение⁹.

Несколько по-другому ситуацию представляет Завод строительных материалов в письме во Владимирский райисполком от 7 октября 1932 г.: «До 1924 г. территория, где стоит церковь, и сама церковь принадлежали заводу и временно были переданы старообрядческой общине б/директором Ковалевым, который до 1918 г. являлся хозяином фабрики и членом данной общины. Указанная церковь являлась постройкой на его средства. Используя положение директора, Ковалев знал, что если церковь будет принадлежать заводу, то ее снесут или переоборудуют, а поэтому, стараясь ее сохранить, передал общине под предлогом ненужной земли заводу и излишней оплаты за аренду»¹⁰.

На некоторое время закрытие храма было отсрочено.

В 1932 г. над церковью стали сгущаться тучи. 15 сентября Уполномоченный Наркомтяжпрома по Ивановской промышленной области предложил использовать церковь для расширения школы ФЗУ¹¹. 20 сентября Владимирский райисполком предложил дирекции Завода стройматериалов № 6 (п.о. Улыбышевское) «ускорить возбуждение... этого ходатайства», а также составить смету переоборудования церкви под школу ФЗУ с указанием сумм, необходимых на ремонт, и источников их получения¹².

В тот же день райисполком просит Улыбышевский сельсовет сообщить количество верующих Коняевской старообрядческой общины, как используется общиной молитвенное здание (регулярно ли проводится ремонт, аккуратно ли вносятся платежи), а также имеет ли поблизости какая-либо община и на каком расстоянии она от

⁸ ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 587. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 13, 12.

¹⁰ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 145. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 3.

Коняева¹³. 28 сентября сельсовет сообщил: «Записано верующих 57, но посещаемость очень мала, не превышает в большие праздники человек 15, но моления происходят регулярно. Платежи вносятся аккуратно, здание само по себе исправно, хорошее, за исключением оконных рам. Всего домов, принадлежавших этой общине, около 40. При наложении налогов поп Ермолай жалуется, что совершенно никто не посещает их церковь, за исключением 2-3 старух, что верно, но в особо большие праздники, как и сказано, до 15»¹⁴. Обращает на себя внимание общее количество верующих (57 человек) вместо 188, бывших в 1923 г.

26 сентября производится акт осмотра церкви: «Церковь деревянная, постройки 1910 г., срублена крестообразно, с постройкой купола для паникадила и на[д]стройкой для колокольни. Внутренность церкви не штукатурена, потолок деревянный, 1/3 помещения занимает алтарь, отделенный от моливьни иконостасом, который находится на возвышенности против пола на 120 мм. На данной возвышенности помещается престол и печь-галанка с камильницей с правой стороны. Имеется также печь в моливьне... Все здание освещается 11 окнами, в коих стёкла на 30 % оказались выбитыми. Наружный размер здания 14,5 x 6 м без выступов, которые на 3,4 шире общей ширины здания и по длине составляют 1/3 всей длины... Может быть вполне использована для производственных и культурных целей с незначительными затратами на переоборудование»¹⁵. 7 октября дирекция завода написала в райисполком: «Технический отдел завода и школьное управление ФЗУ нашли полную возможность перереконструирования церкви под мастерские ФЗУ с возможной расстановкой нескольких станков и тисков и установки трансмиссии с электромотором. Переоборудование помещения будет заключаться по изъятию иконостаса, колокольни и купола для паникадила, после церковь будет обыкновенным зданием... Затраты: разбор иконостаса – 30 рублей, снесение купола и колокольни с зашивкой крыши и потолка – 250 рублей, накладные расходы – 50. А всего – 330 рублей». «Условия ФЗУ, в которых в настоящее время

¹³ ГАИО. Ф. Р–2953. Оп. 3. Д. 145. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 4.

обучаются ученики, самое неблагоприятное. 60 человек работают на 15 тисках и расстояние между тисками является меньше нормы». «Согласно 2 тура плана второй пятилетки наш завод намечен к реконструкции с капиталовложением 1 000 000 рублей, где будут заложены 2 производственных корпуса по длине, занимающей церковную территорию и доходящей вплоть до церкви»¹⁶.

А тем временем появился еще один претендент на здание церкви. Коняевский колхоз «Новая жизнь» создал у себя красный уголок, который разместили в доме, используемом в летнее время под дет-ясли-площадку, поэтому 3 января 1933 г. на заседании колхоза решили разместить дет-ясли-площадку в здании церкви. В тот же день колхоз пишет в сельсовет ходатайство об этом, поясняя, что в 1933 г. планируется построить «конский двор», крольчатник, ригу для сушки льна, поэтому строительство столь необходимых яслей колхоз не осилит финансово; к заявлению прилагался «Список верующих старообрядческой секты при д. Коняево Улыбышевского сельсовета, согласных использовать церковь на культурные нужды, т.е. на дет-ясли-площадку»¹⁷. 13 февраля Улыбышевский сельсовет постановил: «Т.к. Коняевский колхоз действительно нуждается в помещении под дет-ясли-площадку, построить не в силе, в означенной церкви моления нет, всего верующих около 80 человек, 60 отказались от церкви, остальные 20 в разброде, т.е. в разных местах, а посему просить рика о передаче Коняевскому колхозу церкви, в которой моления фактически уже нет»¹⁸. Обращает на себя внимание очередное изменение количества верующих: теперь их оказывается 80, а не 188 и не 57.

В конце декабря 1932 г. проводился сбор подписей среди рабочих Завода стройинструментов, желающих закрыть старообрядческую церковь (собрано 87 подписей)¹⁹. 15 февраля 1933 г. фабком завода пишет во Владимирский райисполком: «Пленум заводского комитета и общих цеховых собраний... просят райисполком закрыть церковь (построена хозяином завода), которая стоит на территории завода, <...>

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 6–8.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 11–14.

ей ведует одна деревня, в ней нет посещения». Самое неожиданное, что завод просил ее «использовать под дет-ясли»²⁰. Обращает на себя внимание утверждение, что церковь «ведует одна деревня», хотя в 1923 г. указывалось не менее 10 населенных пунктов.

17 февраля колхоз составляет акт осмотра церкви: «1) здание деревянное, рубленое, одноэтажное с надстроенными небольшими куполами церковного типа, размером <...> 14,5 х 6 м, без выступов, снаружи оконпаченное, изнутри оштукатуренное, крыто железом; 2) а) стены требуют полной оконпатки; б) входное парадное крыльцо все сгнило и находится в полуразрушенном состоянии, для прохода людей без опасности недоступно; в) крыша железная требует ремонта и полной покраски; г) водосточные трубы не все исправны и на 50 % требуют замены новыми; д) обшивка углов снаружи от осадки здания имеет на всех углах отстаность от стен и изогнутость и требует капитального ремонта; е) оштукатурка стен изнутри требует перетира и побелки; ж) полы требуют ремонта; з) окна и двери требуют ремонта; и) здание стоит на отлете, на территории завода, не имеет изгороди вокруг себя <...> необходимо устройство вокруг здания деревянного палисада» (чтобы исключить доступ посторонних и животных, разрушающих здание). Весь ремонт оценивался в 5000–6000 рублей²¹.

26 февраля 1933 г. Владимирский райисполком утвердил ликвидацию церкви на том основании, что община (40 человек) отказалась от нее «ввиду невозможности выполнить ремонт», и отправил это постановление на утверждение в Ивановский облисполком²². Хотя, как говорилось выше, верующие отказались от храма до того, как здание было признано нуждающимся в ремонте; т.е. райисполком ввел облисполком в заблуждение. Более того, райисполком сразу же направил в Улыбышевский сельсовет выписку из своего постановления для объявления исполнительному органу общины верующих²³. Это было прямым нарушением закона – окончательно ликвидировать церковь мог только облисполком, соответственно, только после этого следовало извещать верующих.

²⁰ ГАИО. Ф. Р–2953. Оп. 3. Д. 145. Л. 16.

²¹ Там же. Л. 17.

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Л. 21.

11 марта Улыбышевский сельсовет выслал в райисполком смету на переоборудование старообрядческой церкви под дет-ясли при колхозе «Новая жизнь». Смета предполагала: «1) церковь будет перевозиться на расстояние 200 м, будет выполнена ломка таковой... (своими силами); 2) постановка на новом месте – наем плотников (1100 рублей); 3) переоборудование внутренности, где имеется иконостас (царские двери), будет заделано тесом; 4) поставить русскую печь (200 рублей); 5) заделка возвышенности, которая сломается; 6) ввиду ее высокого потолка, будет ряда 3 или 4 убавляться; 7) заделка потолка (дыры) со снятой верхушки – будет заделана за счет лестницы, ведущей на колокольню»²⁴. 17 марта райисполком выслал весь материал по закрытию церкви в облисполком, 28-го выслал дополнительный материал²⁵. 14 апреля колхоз «Новая жизнь» просит облисполком ускорить передачу ему церкви под дет-ясли, т.к. уже начинается посевная «1-й большевистской весны второй пятилетки»²⁶.

В это же время, 10 апреля облисполком пишет во Владимирский райисполком: «Представленный материал нуждается в дополнительном разрешении РИК'ом, <...> кому конкретно передать здание этой церкви в случае ликвидации его, как молитвенного: 1) Коняевскому заводу стройинструментов № 6, на территории которого построено это здание, для школы ФЗУ; 2) Коняевскому колхозу «Новая жизнь» <...> под детясли и детплощадку для этого колхоза». Кроме того, облисполком просил прокомментировать 3 высланных ему акта обследования: 1) от 26 сентября 1932 г., согласно которому церковь может быть использована на месте для производственных и культурных целей с переоборудованием на сумму 330 рублей; 2) правления колхоза, предполагающий церковь разобрать и перевезти на 200 м (переоборудование на сумму 1440 рублей); 3) от 17 февраля 1933 г., о необходимости ремонта на сумму 5–6 тысяч рублей и без указания цели. Просил сообщить предполагаемое использование и где находится ближайшая церковь»²⁷.

²⁴ Там же. Л. 22.

²⁵ Там же. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 26.

²⁷ Там же. Л. 28.

Старинные надгробия на старообрядческом кладбище д. Коняево

13 апреля облисполком пишет во Владимирский райисполком: «До расторжения облисполкомом договора с этой общиной церковь должна находиться в пользовании общины. Член церковного совета гр. Карпова заявляет, что сельсовет запрещает отправлять в этой церкви культовые действия, хотя ключи от нее и находятся у общины»²⁸. К сожалению, эта жалоба в деле отсутствует, из-за чего в настоящее время нет возможности узнать позицию верующих по закрытию храма. Кроме того, по закону при обжаловании верующими закрытия храма дело должно было сразу передаваться на решение ВЦИК. Т.е. имело место нарушение закона со стороны облисполкома.

10 мая 1933 г. Владимирский райисполком постановил передать церковь Коняевскому колхозу «Новая жизнь» под детясли²⁹. А 13 мая он писал в облисполком, что ближайшая действующая церковь старообрядческой ориентации находится в 10-12 км от д. Коняево, а от селений с небольшим числом верующих (д. Ремни) – 6–7 км. Разницу же в стоимости ремонта в разных актах райисполком объяснил следующим образом: акт от 17 февраля 1933 г. предполагает ремонт здания как храма (для дальнейшего использования его в богослужебных целях), поэтому данный ремонт должен производиться по среднерыночным ценам (5–6 тыс. рублей); а переоборудование колхозом или заводом – по твердо-существующим ценам³⁰.

16 августа 1933 г. Ивановский облисполком постановил: т.к. «деревянное здание старообрядческой церкви в д. Коняево находится в непосредственной близости от территории Завода стройинструментов, вопрос о ее закрытии возбудили как фабком завода на основании требования рабочих, так и Коняевский колхоз «Новая жизнь» от имени подавляющего большинства местного населения, средства на переоборудование молитвенного здания под культурно-бытовые цели имеются на месте – ликвидировать старообрядческую церковь в д. Коняево как молитвенное здание и передать ее в распоряжение Владимирского РИК"а через особую часть по госфондам при РайФО»³¹.

²⁸ ГАИО. Ф. Р–2953. Оп. 3. Д. 145. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 30.

³⁰ Там же. Л. 29.

³¹ Там же. Л. 32.

Надгробие Е.Ф. Ковалёва, отца строителя храма

На рубеже 1933–1934 гг. Завод стройинструментов № 6 попытался добиться передачи ему ликвидированной старообрядческой церкви в д. Коняево для использования под амбулаторию, но 19 января 1934 г. райисполком подтвердил свое прежнее решение об использовании церкви на культурно-бытовые надобности Коняевского колхоза³².

По данным на 1 июля 1933 г., в храме было 4 колокола общим весом 1120 кг³³. По данным на 19 апреля 1936 г., колокола сняты, здание церкви используется под детясли и красный уголок³⁴.

Серповая фабрика Ковалевых, менявшая после революции несколько раз название, постепенно расширявшая ассортимент производимой продукции и выпускающая с 1950-х гг. светотехническое оборудование, действует и в наше время. Само же здание церкви, вероятно, было снесено. На коняевском кладбище сохранилось несколько дореволюционных могил Ковалевых: в центре кладбища расположены 4 надгробия, огороженные невысокой (около 40 см) кирпичной стеной, поросшей мхом, есть несколько одиночных надгробий, кроме того, около 10 надгробий повалены и сдвинуты в одну кучу.

³² Там же. Л. 31.

³³ ГАИО. Ф. Р–2953. Оп. 1. Д. 5. Л. 53.

³⁴ ГАИО. Ф. Р–2953. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

**О ЗАКРЫТИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО МОЛИТВЕННОГО ДОМА
В Д. ТИМОШИНО МЕЛЕНКОВСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ
ОБЛАСТИ В 1935–1937 ГГ.**

С дореволюционных времен в д. Тимошино¹ Меленковского уезда существовала сильная старообрядческая община белокриницкого согласия. После революции наступил недолгий период, когда Советская власть пыталась ослабить мощь Русской православной церкви, поддерживая другие как христианские, так и нехристианские конфессии. Благодаря этому старообрядцам д. Тимошино удалось в 1923 г. построить Крестовоздвиженскую церковь, представлявшую собой обыкновенный деревянный сруб 17 х 6 м, с тесовой крышей, без купола, т.е. ее правильнее было бы назвать молитвенным домом. Служил в церкви Фадеев Яков Григорьевич, который постоянно в деревне не проживал, а приезжал только на службы. Любопытно, что верующие не регистрировали свою общину. Это как нельзя ярко показывало отношение старообрядцев к Советской власти, тем не менее, власть до поры до времени терпела подобное положение, видимо, все же считая их в какой-то мере союзниками в борьбе с самой сильной конфессией страны. Т.к. община не была зарегистрирована, то не было и старосты с церковным советом, по крайней мере, официальных, которые бы отвечали перед властью за платежи и сохранность имущества, за что в мае 1931 г. община подверглась штрафу в сумме 200 рублей. Важно отметить, что хотя храм и был построен, во-первых, самими верующими, во-вторых, после революции, но согласно законам того времени он не был собственностью верующих и считался арендуемым. Стояла церковь в центре деревни. Пользовались ею только старообрядцы д. Тимошино, при этом православные-нестарообрядцы не имели в деревне своего храма и ходили на службы в с. Пьянгус. В 1930 г. старообрядцев в деревне было 190 человек, к 1935 г., согласно справке Меленковского райисполкома во ВЦИК от 26 сентября 1937 г., 67 человек из них «сменили

¹ До 1929 г. деревня входила в состав Меленковского уезда Владимирской губернии, с 1929 по 1944 г. – в Меленковский район Ивановской промышленной области, с 1944 г. – в Меленковский район Владимирской области.

место жительства или умерли»². Если учесть, что это было время насильственной коллективизации и раскулачивания, а старообрядцы, как правило, было довольно зажиточными, то можно догадываться, что это была за «смена места жительства».

К середине 1930-х гг. советская власть уже не нуждалась в помощи других конфессий в сокрушении мощи Русской православной церкви (да и помощь от них в этом была минимальной), поэтому боролась уже с любой религией.

6 января 1935 г., в вечер перед Рождеством, именуемый Сочельником, в деревню с докладом на тему «О религии и соцстроительстве» приезжает парторганизатор т. Щукин. Слушало доклад всего 73 человека (а было в деревне 155 дворов!). Но это не помешало составить «Протокол общего (!) собрания колхозников и единоличников д. Тимошино», в котором содержалось постановление: «Ходатайствовать о перестройке староверской моленной для культурного уголка, т.е. клуба и оживить ячейку СВБ»³ (Союза воинствующих безбожников. – Авт.). Следует отметить, что все инструкции тех лет предписывали вести последовательную пропагандистскую борьбу с религией. Но едва ли в эту деревню часто приезжали городские лекторы по атеизму. Зато этот приезд был использован для закрытия храма, что являлось самым легким способом показать успехи на антирелигиозном фронте.

26 января президиум Мильдевского сельсовета, на основании ходатайства граждан д. Тимошино о перестройке старообрядческой церкви под культурный очаг, постановил просить райисполком утвердить ходатайство, т.к. якобы «помещение церкви пустует»⁴.

8 февраля Меленковский райисполком запросил более подробную информацию о закрытии. И 26-го Мильдевский сельсовет (на основе данных, предоставленных Тимошинским колхозом) выслал подробный доклад о церкви: когда построена и как выглядит («с виду под вид народного дома без компола»), что «помещением пользуются случайно по приезду служителя культа, который имеется, но в селении не проживает постоянно», «количество верующих

² ГАРФ. Ф. Р–5263. Оп. 1. Д. 732. Л. 4.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 10.

не более 10 человек старух бабушек. План постройки клуба намечен в д. Тимошино за счет средств колхоза», «помещение останется без сношения, т.е. на старом месте, т.к. оно находится в центре д. Тимошино, где требуется только оборудовать клубной обстановкой, особых затрат не требуется»⁵.

Постановление Меленковского райисполкома от 16 марта 1935 г. было более обстоятельным. Он постановил удовлетворить ходатайство, т.к. старообрядческая община не зарегистрирована и договор на пользование помещением церкви общиной заключен не был, нет исполнительного органа и постоянного служителя культа, из 195 старообрядцев, проживавших в деревне в 1930 г., к настоящему времени 67 умерли или выбыли в другие районы на постоянное место жительства, общее собрание избирателей д. Тимошино (73 человека) и 35 верующих общины вместе с сельсоветом ходатайствуют о передаче церкви под колхозный клуб и помещение не потребует особых затрат на переоборудование⁶.

Переписка между обл- и райисполкомом о закрытии храма затянулась на год. Так, 14 января 1936 г. райисполком сообщал, что «1) из общего числа верующих 78 членов общины фактически посещают церковь только 17 человек; 2) ближайшей общины верующих такого же направления не имеется за исключением Пруднина, находящегося на расстоянии около 20 км; 3) капитального и текущего ремонта на переоборудование здания церкви под колхозный клуб совершенно не требуется за исключением внутри устроить вместо алтаря сцену и построить внутри скамейки. Эти расходы колхоз принимает на себя»⁷. А 14 апреля, в ответ на запрос облисполкома от 9 марта, райисполком дополняет, что «старообрядческая церковь обслуживает в д. Тимошино лишь 45 домов, а остальные 110 дворов ранее обслуживались Пьянгусской православной общиной. Другие селения общиной не обслуживаются. И из этих 45 хозяйств 73 человека данного старообрядческого общества вынесли решение о передаче здания колхозу под колхозный клуб»⁸.

⁵ Там же. Л. 8, 9.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 13.

27 апреля 1936 г. президиум Ивановского облисполкома выносит лаконичное постановление о ликвидации молитвенного здания и передаче его колхозу д. Тимошино под клуб, т.к. верующие, пользующиеся старообрядческой церковью, вынесли решение об этом⁹. Другие причины закрытия не указывались. Официально выписку из постановления облисполкома верующим не вручили, но, по словам Меленковского райисполкома, они знали о решении облисполкома закрыть храм¹⁰.

По закону верующие в течение 2 недель могли опротестовать закрытие храма. Но этого не случилось. То ли верующие были пассивными, то ли в этом отражалось веками устоявшееся отношение старообрядцев ко всякой власти, а может, они и не знали о закрытии храма (местная власть вполне могла не сообщить им об этом, т.к. официально не было ни церковного старосты, ни церковного совета, т.е. извещать было некого). В то же время и храм в клуб переоборудовать не спешили. Может, крестьяне изначально относились к своему ходатайству как к формальности и не воспринимали его всерьез, а может, позиции старообрядцев в деревне были так сильны, что ни сельсовет, ни колхоз не решался проводить закрытие храма. Но, по словам верующих, они до февраля 1937 года храмом «непрерывно пользовались»¹¹.

10 февраля 1937 г. председатель сельсовета и представители районной милиции с 2 понятыми отобрали у Л.Ф. Хорошева ключи от храма, отперли ее, сделали опись имущества и стали выламывать иконы. Собравшиеся верующие стали просить их не делать этого. Отколотив часть икон и сломав некоторые другие предметы, представители власти уступили просьбам верующих, заперли церковь и ушли, взяв с собой ключи и выломанные иконы. Тогда же верующим была вручена выписка из протокола облисполкома о закрытии храма¹².

Советская власть с самого начала всегда стремилась отстранить священников от управления хозяйственной жизнью в приходе. Согласно законодательству все хозяйственные вопросы должны

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 732. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 15, 4.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Там же. Л. 15.

были решать община верующих числом не менее 20 человек (т.н. «двадцатка») и церковный совет, священник же должен был быть только требоисправителем. На практике переход к этому затянулся на годы. То же самое произошло и в Тимошине. После осквернения храма именно священник Яков Григорьевич Фадеев поехал в райисполком ходатайствовать об отмене постановления облисполкома о закрытии храма¹³. Подробности поездки неизвестны, но можно предположить, что в райисполкоме ему объяснили порядок опротестования решения облисполкома, в частности, что отменяет решения облисполкома не райисполком, а ВЦИК.

3 марта 1937 г. решительный батюшка прибывает в Москву с ходатайством, подписанным аж 119 верующими. Ходатайство было написано Левонтием Федоровичем Хорошевым, который хранил ключи от храма. В ходатайстве указывается, что верующие построили церковь на свои средства с разрешения местной власти, что от храма не отказываются и ни на каком собрании не выносили решения о ликвидации церкви и что в соседних селениях нет старообрядческих храмов¹⁴. На следующий же день Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК затребовала у облисполкома все дело о закрытии церкви, что облисполком 23 марта и сделал¹⁵.

Видимо, материалов оказалось недостаточно и 8 августа 1937 г. Комиссия затребовала у Меленковского райисполкома дополнительные данные: смету и план переоборудования, информацию о ближайшей старообрядческой церкви, кроме того, требовала объяснить, почему постановление облисполкома от 27 апреля 1936 г. о закрытии храма было объявлено верующим только 10 февраля 1937 г. и ликвидация церкви была начата в тот же день без предоставления верующим двухнедельного срока для обжалования решения облисполкома; также Комиссия напоминала, что по закону до окончательного решения вопроса храм должен находиться в пользовании верующих¹⁶.

29 сентября того же года Меленковский райисполком выслал во ВЦИК подробнейший отчет. В отчете сообщается, что в начале 1935 г.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 15.

¹⁵ Там же. Л. 14, 5.

¹⁶ Там же. Л. 3.

избиратели д. Тимошино, т.е. сами же местные жители, обратились в райисполком с ходатайством о закрытии молитвенного здания старообрядческой общины и передаче его под колхозный клуб, 16 марта 1935 г. райисполком удовлетворил ходатайство; что община верующих не была оформлена и никаких исполнительных органов управления не имела и не имеет; что количество верующих сокращается и в последнее время молитвенным зданием пользовалось 10-17 человек (что «нецелесообразно»); что про постановление облисполкома о закрытии верующие знали, но никаких ходатайств не возбуждали только из-за того, что не имели церковного совета и церковного старосты. Почему-то указывается, что помещение не используется 2 года, священника нет и верующие отправляют свои религиозные обряды в других общинах, действующих в районе, – в Пруднинской и Войновской на расстоянии 18-20 км, хотя верующие в своей жалобе утверждали, что они зданием пользуются все это время; вероятно, отсчет этих 2 лет шел от даты постановления райисполкома. Также почему-то среди оснований к закрытию указывается поломка алтаря и некоторых других предметов в храме, хотя это было следствием погрома, учиненного представителями местной власти. В заключение райисполком просит утвердить постановление облисполкома о закрытии храма, а верующим в просьбе отказать, указывая, что здание капитального ремонта и переоборудования не потребует, кроме того, колхоз выделяет материал и рабочую силу, а сельсовет 800 рублей – этого будет достаточно¹⁷.

Заключение Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК по делу о закрытии храма было весьма противоречивым. Так, указывается, что здание предполагается использовать под клуб (использование зданий под культурные нужды Комиссией приветствовалось, в отличие от использования, например, под склады), что «средства на переоборудование отпускает сельсовет и население», но в то же время отмечает, что «плана переоборудования и сметы нет». Указывается, что «массовая работа велась в 1935 и 1936 гг.», хотя непонятно, при этом имеется в виду. Как причины закрытия приводятся ходатайство населения и тот факт, что якобы «здание фактически пустует и разрушается». Важно указание, что «обжалование во

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 732. Л. 4.

ВЦИК не поступало только потому, что не было исполнительного органа. Когда было приступлено к ликвидации, тогда возбудил ходатайство слугитель культа Фадеев от имени верующих (которых не более 17)», что «верующие в жалобах указывают, что они от церкви не отказываются, платежи в срок (верующих около 78 человек). Церковь выстроена верующими в 23/24 г. на свои деньги»¹⁸.

25 декабря 1937 г. Президиум ВЦИК постановил: «Постановление президиума Ивановского облисполкома от 27/04. – 36 г. о закрытии старообрядческой церкви в с. Тимошино Меленковского района отменить в виду дальности до ближайшей церкви; церковь оставить в пользовании верующих»¹⁹. После 1931 г. на территории современной Владимирской области было всего 2 случая отмены подобных постановлений облисполкома! Но на дворе стоял 1937 г., время репрессий. Активным защитником храма был священник – в 1937 г. это бесследно для человека не проходило: за день до такого уникального постановления Президиума ВЦИК, 24 декабря, Я.Г. Фадеев был арестован и осужден на 4 года лишения свободы. Т.о. фактически храм все равно не был открыт. Нередко облисполком, когда Президиум ВЦИК не утверждал постановление о закрытии храма, сразу же начинал повторно ходатайствовать о закрытии, проведя некоторый объем требующейся работы. Возможно, так бы ситуация развивалась и на этот раз (тем более и священника уже не было), но в апреле 1938 г. сама Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК была ликвидирована.

Следует полагать, что вскоре храм был закрыт. После закрытия здание храма было перевезено на другой конец деревни, приспособлено под клуб и библиотеку. В настоящее время здание пустует. Старообрядческая община цела в Тимошино и в наши дни, но официально не зарегистрирована. На месте храма установлен памятный крест²⁰.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ <http://temples.ru/card.php?ID=14596> (дата обращения – 11.03.2013 г.).

МЕЩЁРА-КРАЙ

2014

Альманах по истории и культуре
Мещёрского края

Редактор-составитель С.С. Михайлов

Компьютерная вёрстка М.Л. Разумовой